Записки Э. И. Стогова[1].

I.

Прошлое фамиліи Стоговыхъ. — Характеристика дѣда и отца. — Рожденіе Э. Стогова.—Строгость воспитанія.—Тогдашнее общество.—Семейный бытъ.—Свадебные обряды.—Князь Потемкинъ въ г. Рувѣ.—Лужицкій монастырь.—Примѣты и повѣрья.

Фамилія моя двойная: Стоговъ-Можайскій, а по какой причинѣ Можайскій, я добраться не могъ. Дѣдушка мой сначала подписывался Стоговъ-Можайскій, послѣ ему показалось трудно, онъ сталъ подписываться Стоговъ, и съ тѣхъ поръ Можайскій потерялось. Вотъ что я знаю о нашей фамиліи. Мы были жителями Новгорода, и должно быть богатыми. Отъ старожиловъ Новгородскихъ я узналъ, что нѣсколько мѣстностей—теперь пустырей заросшихъ лѣсомъ, носили названіе Стоговы пустоши, Сто-

[1]) Эразмъ Ивановичъ Стоговъ былъ постояннымъ и можно сказать дѣятельнымъ сотрудникомъ „Русской Старины“ почти съ самаго начала ея изданія. Такъ въ журналѣ, въ разное время были напечатаны его статьи: „Ссыльно-каторжные въ Охотскомъ солеваренномъ заводѣ“ („Рус. Стар.“ 1878 г. т. 22); „Бунтъ архіепископа Иринея“ (1878 г. т. 23); „Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ“ (1878 г. т. 23); „Служба въ Симбирскѣ“ (1878 г. т. 23); „Семеновъ и Бунина. Памятный день въ Иркутскѣ“ (1878 г. т. 24); „Романъ Медоксъ“ (1880 г. т. 28) и „Посмертныя записки“ (1886 г. т. 52). Всѣ эти статьи составляли извлеченіе изъ переданныхъ впослѣдствіи въ редакцію обширныхъ записокъ, которыя нынѣ и печатаются на страницахъ журнала. Въ нихъ встрѣтятся нѣкоторыя повторенія того, что уже было напечатано, но въ общемъ записки даютъ очень много новаго и такія подробности, которыя весьма интересны и важны для эпохи, въ которой жилъ и дѣйствовалъ самъ авторъ. Э. И. Стоговъ родился 24-го февраля 1797 г. и скончался 17-го сентября 1880 года.

*

говы озера и проч. Еще дѣдушка мой владѣлъ имѣніями на Бѣлоозерѣ, получалъ оброкъ и рыбу ежегодно; подъ старость дѣда кто-то завладѣлъ его имѣніемъ; отецъ и дяди мои ходили въ походы съ Суворовымъ, дѣдъ былъ малограмотенъ, махнулъ рукой и отступился отъ имѣнія, такъ оно и пропало. Иванъ Васильевичъ Грозный, творя послѣдній судъ Новгороду, всѣхъ умоводителей лишилъ имѣній въ Новгородѣ, выселилъ въ Московскую губернію и роздалъ маетности. Четыре фамиліи были поселены рядомъ: Стоговы, Муравьевы, Мураши, Огарковы. Эти фамиліи и теперь сидятъ сосѣдями. Муравьевы разбогатѣли посредствомъ браковъ, а Стоговымъ дана была маетность Золотилово [1]) съ 6-ю душами крестьянъ. Нашей же фамиліи Стоговы, и тоже бѣдняки, отдѣлились въ Тверскую губернію, и я зналъ полковника, который увѣрилъ меня, что его фамилія происходитъ отъ Стоговыхъ новгородскихъ. Теперь въ Новгородѣ Стоговыхъ нѣтъ.

Изъ всѣхъ Стоговыхъ были знаменитости только при Алексѣѣ Михаиловичѣ: стольники, спальники, что теперь камергеры, камеръ-юнкеры, грамоты на эти знаменитости хранятся въ Золотиловѣ. Дѣдъ мой, Димитрій Дементьевичъ, гдѣ-то числился въ судѣ, съ первымъ чиномъ вышелъ въ отставку и проживалъ въ Золотиловѣ. Онъ былъ средняго роста, какъ всѣ Стоговы, но былъ очень силенъ и бодръ до старости. Золотилово отъ Москвы 125 верстъ, дѣдъ всегда ѣздилъ верхомъ и одинъ; отецъ мой показывалъ мнѣ долинку у Поклонной горы, въ которой дѣдъ пускалъ свою лошадь кормиться на все время пребыванія своего въ Москвѣ, и такова была честность тогда, что лошадь безъ надзора паслась и не пропадала.

— Тогда, братецъ ты мой, не воровали лошадей,—говорилъ мнѣ отецъ.

Дѣдъ мой былъ въ большомъ уваженіи въ своемъ округѣ и слылъ колдуномъ. Однажды была дворянская свадьба, на которую почему-то дѣда не позвали. Дорога въ приходскую церковь была чрезъ Золотилово, поѣзжане въ нѣсколько саней подъѣхали къ воротамъ околицы, лошади захрапѣли и не пошли въ ворота, вывели впередъ другія сани и сколько ни перемѣняли, лошади храпятъ, а не идутъ. Кто-то вспомнилъ, что не позвали на свадьбу Дмитрія Дементьевича, вотъ онъ и надѣлалъ хлопотъ. Пошли къ дѣду, онъ спалъ, а проснувшись, не хотѣлъ и говорить, пока всѣ поѣзжане не поклонились по три раза въ землю. Въ нагольномъ тулупѣ, подпоясанный полотенцемъ, въ валенкахъ и теплой шапкѣ, дѣдъ взялъ метлу, лопату, уголь, соль и святую воду, пришелъ къ воротамъ, легъ и началъ шептать и приговаривать, взялъ метлу и сталъ сражаться съ нечистыми; долго боролся съ ними, про-

[1]) Въ 20-ти верстахъ отъ Можайска по Смоленской дорогѣ.

гналъ нечистыхъ, размелъ тщательно дорогу между воротами, лопатой посыпалъ новымъ снѣгомъ, обошелъ три раза поѣздъ по солнцу, въ каждыя сани бросилъ по лопатѣ снѣга, а жениха съ невѣстой опрыскалъ съ уголька, сѣлъ на первыя сани, проѣхалъ, а за нимъ весь поѣздъ, но на свадьбу не пошелъ.

— Какъ же, батюшка, наколдовалъ дѣдушка?—спрашивалъ я.

— Если, братецъ ты мой, пересыпать дорогу порошкомъ изъ желчи и печени медвѣдя, лошади слыша запахъ звѣря—пугаются и не идутъ.

Разъ пріѣхалъ къ дѣду изъ Вятки старинный пріятель и гостилъ двѣ недѣли; друзья пили три дня полной душой. Гость собирался домой, дѣдъ упрашивалъ погостить еще денекъ, гость не соглащался. Приходитъ гость въ конюшню и видитъ, что коренная лошадь лежитъ безъ движенія. Что ни дѣлали, лошадь не шевелится; гость даже заплакалъ, дѣдъ началъ торговаться, и гость согласился еще погостить. Дѣдъ заперся въ конюшнѣ, шумѣлъ, брачился, боролся съ чертомъ, наконецъ, по зову дѣда вошли въ конюшню, лошадь была здорова и веселѣе прежняго. Гость изъ благодарности прогостилъ недѣлю, были оба безъ просыпа пьяны, благо водка была не купленая.

— Какъ же это, батюшка, съ лошадью-то?

— А если, братецъ ты мой, языкъ ядовитой змѣи завернуть въ шарикъ воска и положить въ ухо лошади, то лошадь упадетъ и останется безъ движенія, пока не вынутъ шарикъ; тогда лошадь дѣлается веселѣе прежней.

Разсказывалъ отецъ, что разъ съ дѣдомъ шли они по слободѣ Колоцкаго монастыря, въ одномъ домѣ богатаго мужика была свадьба и пировало много народа. Дѣдъ съ отцомъ присѣли на завалинкѣ; дѣдъ сказалъ: «надобно, чтобы они поссорились», и дѣйствительно скоро началась драка. Ушелъ дѣдъ, и драки конецъ.

— Какъ же это, батюшка?

— Этого, братецъ ты мой, я не долженъ объяснять тебѣ.

— Почему же, батюшка?

— Грѣхъ дѣлать зло людямъ.

Дѣдъ много зналъ заговоровъ, отговоровъ, напримѣръ: заговаривалъ сильное кровотеченіе, отговаривалъ головную боль. Какъ же съ такими познаніями не быть почитаемымъ, уважаемымъ!

У дѣда было три сына: Михаилъ, Иванъ и Ѳедоръ. Всѣ служили въ военной службѣ во времена Суворова. Михаилъ, по отзывамъ родныхъ и моего отца, былъ необыкновеннаго ума, честенъ, серьезенъ и очень почитаемъ. Онъ, какъ и всѣ братья, служилъ въ пѣхотѣ, былъ капитаномъ, въ Варшавѣ женился на полькѣ, жена на третій день бѣжала отъ мужа, а чрезъ недѣлю сдѣлалась публичной проституткой; это такъ поразило мужа, что онъ сошелъ съ ума и въ ти-

хомъ сумашествіи былъ до конца жизни. Я какъ теперь его вижу: стройный, серьезный, молчаливый. Онъ постоянно жилъ у моего отца и очень любилъ мою мать. Отецъ мой былъ вспыльчивъ и строгъ; бывало, раскричится на мать мою; Михаилъ, молча, укажетъ дверь отцу и если тотъ не послушается, возьметъ за воротникъ сюртука и вытолкаетъ за дверь. Первое мое сознаніе младенчества представляется мнѣ не иначе, какъ я на рукахъ дяди Михаила. Однажды вообразилось ему, что я заяцъ; онъ ласкалъ и гладилъ зайчика и подносилъ уже къ печкѣ, полной жара, чтобы меня изжарить, и только хотѣлъ положить на уголья, какъ случайно вошелъ въ комнату Никита, камердинеръ отца, крикнулъ на дядю и отнялъ меня. Дядя опомнился, очень тревожился тѣмъ, что чуть было меня не изжарилъ.

Отецъ мой былъ совершенно нравственный человѣкъ, всю жизнь не зналъ вкуса въ водкѣ и винѣ, не дотрогивался до картъ, былъ до крайности богомоленъ, посты соблюдалъ до аскетизма; всѣ знали его какъ честнѣйшаго и совершенно безкорыстнаго человѣка. Воспитаніе миновало его, церковную печать онъ читалъ свободно, ну, а гражданскую— не очень быстро, да и считалъ грѣховнымъ читать гражданскую книгу, писалъ тоже по старинкѣ, на примѣръ: інператоръ и тому подобное. Написать письмо даже ко мнѣ ему нужно было не менѣе двухъ трехъ черновыхъ и чтобы во всемъ домѣ была ненарушимая тишина; помню, когда дѣлалъ конвертъ, и тогда никто не смѣлъ пройти по сосѣдней комнатѣ. Нрава былъ серьезнаго, улыбка была рѣдкою гостьей, и тогда непривыкшее лицо дѣлало какую-то страдальческую гримасу. Въ опасныхъ случаяхъ былъ крайне смѣлъ, должно быть, былъ храбръ. Характера былъ чрезвычайно вспыльчиваго, надъ зависящими отъ него былъ неумолимо строгъ, даже жестокъ, передъ людьми, на вершокъ выше его стоящими въ іерархіи—унпчижался до послѣдней степени—клалъ земные поклоны,—таково было время его юности.

Родился онъ въ 1766 или 1767 году, умеръ въ 1852 году. Будучи въ отставкѣ, до старости служилъ по выборамъ: городничимъ, судьею, казначеемъ, и помню, разъ былъ содержателемъ соляныхъ магазиновъ. Вѣрилъ отецъ, не разсуждая: молитва, постъ, всѣ постановленія церкви— исполнялъ неотступно, строго, но вѣрилъ въ колдовство и въ постоянную дѣятельность чорта; надѣть жилетъ, галстухъ, сапоги, не перекрестясь, онъ не рѣшился бы, но, исполнивъ все по своему убѣжденію, онъ уже ничего не боялся. Изъ многихъ случаевъ могу разсказать одинъ. Въ Можайскѣ, за московской заставой, по лѣвую сторону большой дороги, было кладбище колдуновъ, которыхъ хоронили не иначе, какъ забивая большой осиновой колъ въ спину покойнику. Этого кладбища очень боялись ночью. Разъ были у насъ гости, заговорили о злыхъ продѣлкахъ колдуновъ, и среди страшныхъ разсказовъ, когда всѣхъ про-

нимала дрожь, кто-то сказалъ, что едва-ли найдется смѣльчакъ сходить въ полночь на кладбище.

— Развѣ сумасшедшій рѣшится на такую штуку,—говорили присутствующіе.

— Съ молитвой можно сходить,—отвѣчалъ отецъ.

Ему предложили пари. Отецъ, помолясь, отправился одинъ. Его упрашивали вернуться, мать плакала, но отецъ вернулся со щепкою, срѣзанною съ одного осиноваго кола. На другой день приложили щепку къ колу и убѣдились, что отецъ былъ дѣйствительно на кладбищѣ. Живя въ деревнѣ, помню, рѣдкій день не приходили казенные и разные поссорившіеся крестьяне на судъ къ отцу; сосѣдніе крестьяне такъ почитали его, что судъ его признавался безъаппелляціоннымъ. Замѣчательно, что отецъ никогда не творилъ суда даромъ, судящіеся обязаны были принести хотя что-нибудь, хотя чашку меда, хотя кусокъ холста на полотенце, но даромъ не судилъ, видно, это былъ древній народный обычай. Отца такъ уважали, что въ голодные годы бывало сильное воровство хлѣба, у отца амбары были удалены и почти не запирались, но ни разу никто не покусился украсть. Существовало повѣрье: кто у Ивана Дмитріевича украдетъ хотя зерно, тотъ въ теченіе года умретъ и непремѣнно обнищаетъ. Отецъ разсказывалъ, что при Екатеринѣ было генеральное межеваніе, и Золотилово должно было быть отмежовано къ Смоленской губерніи, но дѣдъ мой упросилъ комиссію, отмежевать Золотилово къ Московской губерніи; комиссія, исполняя просьбу дѣда, нѣсколько деревень отмежевала къ Москвѣ. Золотилово составило границу и клиномъ врѣзалось въ Смоленскую губернію.

Земля въ Золотиловѣ дотого безплодная, что безъ навоза не производитъ никакой сорной травы, а если рожь на удобренной землѣ родится самъ-третій, то считается хорошимъ урожаемъ. Посѣву было всего 11-ть десятинъ. Трудно понять, какъ отецъ жилъ отъ такого скуднаго хозяйства? Долговъ никогда не имѣлъ, были всѣ сыты, одѣвались подворянски и на все доставало. Правда, болѣе 200 дней въ году было постныхъ, но все-таки трудно свести концы при такихъ скудныхъ средствахъ—однако жили и кормили дѣтей, да и бѣдный не уходилъ голоднымъ, особливо странники. Именины, рожденія отца и матери справлялись со многими гостями. Дѣлались ежегодно приношенія въ монастырь Колоцкой Божіей Матери въ двухъ верстахъ отъ Золотилова. Попала мышь въ горшокъ или посуду, утонула курица въ колодцѣ, ни ѣсть изъ посуды, ни пить изъ колодца нельзя, пока не освятитъ монахъ. Какъ припоминаю, жили прилично; ѣздили великимъ постомъ ежегодно въ Москву для годовыхъ закупокъ. Въ Золотиловѣ сохранились записки расходовъ дѣда, изъ которыхъ видно, что на ежегодную покупку запасовъ въ Москвѣ издерживалось десять руб: за ночлегъ на постояломъ

дворѣ съ прислугой и лошадьми платили денежку, за копѣйку кормили прислугу и давали сѣна лошадямъ—вотъ было время!

Отецъ разсказывалъ мнѣ, что когда родители рѣшили его женить, то выбрали ему невѣсту въ городѣ Рузѣ у тамошняго помѣщика Максима Кузьмича Ломова, у котораго было душъ десять крестьянъ; онъ былъ 55 лѣтъ казначеемъ въ Рузѣ, умеръ 115 лѣтъ отъ горя, что французъ взялъ Москву.

— Батюшка, какъ вы познакомились съ моею матушкою?

— Зачѣмъ, братецъ, знакомиться: покойный батюшка сказалъ: Иванъ, поѣзжай въ Рузу къ Максиму Кузьмичу Ломову, у него одна дочь, Прасковья, ты на ней женись, я уже все сладилъ и пріѣзжай съ женой.

Отецъ мой не хотѣлъ жениться, но его послали къ невѣстѣ. Чтобы не понравиться ей, отецъ разорвалъ дорогою платье свое на колѣнахъ и локтяхъ, пріѣхалъ нечесанымъ и немытымъ, нюхалъ табакъ и не утиралъ носа. Между родителями было однако же заранѣе условлено, и ничто не помогло, отца женили на Прасковьѣ Максимовнѣ и дали двѣ семьи крестьянъ въ приданое.

Мать моя слыла первою красавицею въ уѣздѣ, и я хорошо помню ее: блондинка, румянецъ во всю щеку, добрая, ласковая, привѣтливая, веселая, была очень образована, даже знала грамотѣ, что̀ тогда считалось рѣдкостью между женщинами. Мать ея, Настасья Ивановна, — была неграмотна. Дѣдушка говорилъ, что въ его время грамотная дѣвушка не нашла бы жениха.

— На что знать грамотѣ женщинѣ?—спрашивалъ онъ.—Писать любовныя письма? болѣе не для чего.

Мать моя писала печатными буквами, она говорила и писала, не умѣя у мѣста поставить буквы п и б;—всегда ихъ смѣшивала. Она славилась хозяйкою и рукодѣльницею на весь уѣздъ. Мнѣ помнится, ее всѣ очень любили, только отецъ мой былъ жестокъ съ нею, бранилъ часто и хотя рѣдко, но бивалъ. Мнѣ было четыре года, мы были въ Можайскѣ, гдѣ отецъ былъ судьею. Лѣтомъ, около полдня, мать сидѣла у открытаго окна, а я стоялъ около нея; она работала. Домъ былъ на главной улицѣ, по которой проходилъ городничій Василій Яковлевичъ панъ Поняровскій,—это былъ великій щеголь своего времени, небольшаго роста, черенъ, какъ негръ, съ курчавыми черными волосами. Онъ былъ въ новомъ сюртукѣ и круглой новой шляпѣ. Панъ Поняровскій (русскій человѣкъ) остановился передъ окномъ и разговаривалъ съ матерью. Отецъ въ это время шелъ изъ присутствія и видѣлъ разговаривающаго пана Поняровскаго, который, не долго постоявъ, ушелъ, не видавъ отца. Пришелъ отецъ въ гнѣвѣ, красный, сильно началъ бранить мать, зачѣмъ сидѣла у окна и разговаривала съ паномъ Поняровскимъ, вытолкалъ

мать въ дѣвичью, а самъ заперся въ спальню. Мать плакала, молила—ни одного звука изъ спальни; такъ отецъ, трое сутокъ не пивши, не ѣвши и не сдѣлавъ движенія, пролежалъ на кровати; мать молилась на колѣнахъ и меня заставила молиться. Чрезъ трое сутокъ, отецъ вышелъ молча и пошелъ молча въ судъ—вотъ характеръ! Мать была страдалицей. Беременная семнадцатымъ ребенкомъ, она упала съ дрожекъ и въ родахъ умерла.

Я родился въ 1797 году 24-го февраля въ Золотиловкѣ и былъ первый сынъ у матери, которой было всего 16 лѣтъ.—У отца моего былъ слуга Никита. Онъ былъ неразлученъ съ отцомъ всю его службу; былъ преданный, честный и трезвый человѣкъ; въ одинъ часъ со мною у Никиты родился сынъ Иванъ и былъ назначенъ мнѣ въ слуги.

Мать разсказывала мнѣ, что я родился въ голодный годъ, жить было очень трудно, у ней не было молока, но она была рукодѣльница, дѣлала изъ разноцвѣтной бумаги, сплетая въ узелки, корзинки, коробочки, посылала продавать и покупала для меня молоко.

Отецъ мой былъ другаго характера, онъ былъ ростомъ 2 аршина 7 вершковъ, сложенія сухощаваго, мускулистый, замѣчательно силенъ и необыкновенно переносливъ въ физическихъ трудахъ; до конца жизни держался прямо; вспыльчивъ, въ домѣ и даже между близкими родными—властитель; мнѣ говорили, что онъ никогда не сказалъ лжи. Старшимъ по службѣ, богатымъ по состоянію не только не кланялся, унижаясь, но былъ крайне подозрителенъ, какъ говорится—былъ щекотливъ, малѣйшее чванство осуждалъ, несмотря на лицо. Отецъ обращался со мною очень строго, за всякую малость сѣкъ меня изъ своихъ рукъ со всѣмъ усердіемъ на козлѣ, т. е. кто-нибудь бралъ меня за ручонки на свои плечи. Помню, очень часто терпѣлъ я это истязаніе. Слезы матери, просьбы родныхъ только усиливали наказаніе. Лѣтъ пяти, дѣдушка Михаилъ Кузьмичъ взялъ меня къ себѣ въ Рузу, у него на площади былъ свой домъ, а другой — нанимался подъ уѣздный судъ. Бабушка Настасья Ивановна души не слыхала въ первомъ своемъ внучкѣ. Жизнь у дѣдушки съ бабушкою была счастливѣйшая въ моей жизни; бабушка меня кормила цѣлые дни. Помню, я очень любилъ моченый горохъ; бабушка купила мнѣ узорчатый кувшинчикъ и съ вечера насыпала въ него горохъ и наливала водою. Поутру горохъ вылѣзалъ изъ кувшинчика. Эта прибавка гороха (непонятная для меня) и красота глинянаго росписнаго кувшинчика приводили меня въ восторгъ. Я жевалъ цѣлый день съ утра до вечера медъ съ хлѣбомъ, мороженыя сливки съ хлѣбомъ, моченыя яблоки, моченую бруснику, пирожки съ морковью, пряничные коньки и человѣчки, украшенные золотомъ и проч. Бабушка непремѣнно укладывала меня сама спать, читала долго молитвы, крестила и цѣловала безъ конца; потомъ придетъ дѣдушка, сядетъ на кровать,

шепчетъ молитвы, гладитъ мнѣ грудь и спину и уйдетъ, когда я засну. Дѣдушка, какъ казначей, имѣлъ гербовую бумагу на дому, и продажа была поручена мнѣ; крестьяне, покупая бумагу, платили мнѣ лишній грошикъ или копѣечку. Сколько я перекупилъ пряниковъ съ золотомъ и гречневиковъ на эти грошики!

Вдругъ, неожиданно пріѣхалъ отецъ. Я, конечно, перепугался, спрятался въ кухнѣ подъ печкою въ самый задъ и заставилъ себя какимъ-то коробомъ. Слышу, меня ищутъ, разумѣется, хотятъ сѣчь, отецъ для того и пріѣхалъ. Искали меня долго, весь домъ поднялся, и, наконецъ, нашли. Я въ слезы, дѣдъ удивился и спрашиваетъ, о чемъ плачу; я разсказалъ ему, какъ отецъ часто и больно сѣчетъ меня.

— Иванъ, правду говоритъ внукъ?—спросилъ дѣдъ.

Отецъ признался; тогда дѣдъ повелъ отца въ свою маленькую спальню, заперъ дверь, и мы слышали, какъ онъ усердно хлесталъ ремнемъ отца, проспвшаго прощенія.

Дѣдъ былъ высокаго роста, очковъ не носилъ до смерти, въ курчавыхъ черныхъ волосахъ не было ни одного сѣдаго волоса. Онъ считалъ грѣхомъ имѣть часы.

— Грѣхъ повѣрять Бога,—говорилъ онъ.

Въ какое бы время дня и ночи, даже разбуженный, дѣдъ безошибочно говорилъ, который часъ.

Живя у дѣда, помню нѣсколько случаевъ старины. Около дома былъ небольшой садъ и флигель, въ которомъ жилъ какой-то женатый родственникъ, служившій въ уѣздномъ судѣ. Одинъ разъ, жена его повалилась въ ноги къ дѣдушкѣ и, горько плача, жаловалась, что мужъ не любитъ ее, что она ни дѣлаетъ на зло мужу, онъ не бьетъ ее. Дѣдушка принялъ жалобу серьезно, сказалъ: худо такое дѣло и отпустилъ ее домой. Послѣ обѣда, дѣдъ позвалъ мужа, долго его бранилъ за хладнокровіе къ женѣ и постращалъ самого наказать. Мужъ просилъ прощенья, обѣщалъ исправиться и ушелъ домой. Слышавъ этотъ разговоръ, я побѣжалъ къ флигелю, взобрался на завалинку и давай смотрѣть въ окно. Мужъ, не говоря ни слова, взялъ полотенце, свилъ крѣпкій жгутъ, такъ что, держа за конецъ, жгутъ стоялъ, какъ палка. Жена что-то ворчала, мужъ схватилъ жену за косу, бросилъ на полъ и началъ возить жгутомъ по чему ни попало, жена молила о прощеніи, но мужъ продолжалъ свое дѣло, она доползла до ногъ, начала цѣловать ихъ и просила простить ее. На другой день утромъ, пришла жена къ дѣдушкѣ, кланялась въ ноги, цѣловала руки и благодарила, говоря, что теперь она счастлива. Слышалъ я, какъ дѣдушка и бабушка говорили послѣ: какому же быть согласію и любви между супругами, если мужъ не бьетъ своей жены, значитъ, не любитъ ее. Послѣ при мнѣ жена не приходила болѣе жаловаться. Вотъ нравы—гдѣ они?

У дѣдушки былъ одинъ сынъ—Гаврила, молодецъ собою. Пришла пора его женить; невѣста, дочь помѣщика Можайскаго уѣзда, была привезена въ домъ дѣда ко дню брака, и я былъ шафером. Дядя привезъ изъ Москвы первые смазные сапоги, которымъ всѣ дивились. Сапоги чистились ваксою изъ воска и сажи съ сахаромъ; я залѣзъ подъ столъ, находилъ вкуснымъ лизать сапоги и перепачкалъ себѣ лицо; всѣхъ это насмѣшило. Помню, какъ укладывали молодыхъ спать. Дѣдушка съ бабушкой сидѣли чинно и шептали молитвы, молодой сѣлъ на кровать, молодая, ставши на колѣна, снимала сапоги и чулки съ мужа; потомъ, я подалъ молодой плетку (изъ ленточекъ сплетенную), какъ эмблему власти. Молодая подала покорно плетку мужу, который серьезно положилъ ее подъ подушку. Затѣмъ молодые сдѣлали по три земныхъ поклона, поцѣловали руки родителей и поцѣловались со мною. Старики прочитали молитву, перекрестили молодыхъ, заперли спальну на ключъ, и у дверей снаружи легла спать няня. По утру, дѣдъ съ бабушкой и старшими родными поднимали молодыхъ, и затѣмъ начался пиръ. Дѣду было около ста лѣтъ, но, подвыпивъ, въ восторгѣ, онъ проплясалъ русскую въ присядку. Бабушка, толстая, плыла, какъ лебедь, манила и отталкивала дѣда, который увивался около нея, а она и плечикомъ вела, и платочкомъ махала и, наконецъ, позволила себя обнять и поцѣловать. Вся пляска происходила подъ пѣсни дворовыхъ дѣвушекъ. Обѣдъ былъ болѣе чѣмъ изъ 40 кушаньевъ, напр.: щи, лапша, кашица съ курицей, ботвинья, уха, къ каждой похлебкѣ—особый пирогъ: съ мясомъ, съ кашей, морковью, рыбой и съ курицей; жаркихъ столько же: говядина, телятина, индѣйка, гуси, утки, дичина, разныхъ кашъ не менѣе пяти, разные кисели, сладкій пирогъ и много разнообразнаго здобнаго тѣста. Послѣ каждаго блюда угощеніе водкою; квасъ, медъ, пиво, пили кто чего желалъ; вино красное и бѣлое на концѣ обѣда. Пили, какъ подумаю, очень много, но безобразно пьяныхъ не было, народъ былъ крѣпкій. Обѣдали съ 10-ти часовъ утра до трехъ по полудни, потомъ поѣхали по городу: молодые съ бабушкою въ рогожномъ возкѣ, я сидѣлъ на козлахъ и разбрасывалъ въ народъ, то направо, то налѣво, по очереди, мелкія серебряныя деньги и бумажные клѣтчатые платки. Ѣхали шагомъ, народъ ликовалъ, кланялся, поздравлялъ. За возкомъ ѣхалъ дѣдушка со сватомъ въ пошевняхъ, а за нимъ всѣ гости въ саняхъ. Такъ мы ѣздили до сумерокъ. По возвращеніи пошла опять попойка, угощали множествомъ варенья, пастилами, пряниками, изюмомъ, моченными яблоками, моченою брусникою и ягодными квасами, плясали русскую по одной парѣ, потомъ мятелицу, закрути вавилонъ (въ родѣ польскаго, ломанымп линіями). Помнится, никто трезвымъ не легъ спать.

Новая тетка моя, молодая Елена Яковлевна, была первая танцорка,—русскую она плясала съ мужемъ болѣе часа и какихъ колѣнъ не вы-

дѣлывала, а дядя Гаврила Максимычъ, въ восторгѣ, пошелъ въ присядку со звѣздочкою. Это такъ было хорошо, что многіе прослезились. Ужинъ былъ почти такой же, какъ и обѣдъ. Такъ пировали трое сутокъ. Пили, ѣли невѣроятно много, но всѣ были здоровы, ссоръ не было, только видно и слышно было, какъ всѣ цѣловались.

Руза—маленькій городокъ, извѣстенъ отвѣтомъ городничаго, когда путешествовалъ князь Потемкинъ, котораго повелѣно было встрѣчать съ царскими почестями. При въѣздѣ князя, въ Рузѣ не стрѣляли изъ пушекъ.

— Почему не стрѣляли?—спросилъ князь городничаго.

— На это я имѣю тысячу причинъ (это была привычная его поговорка),—отвѣчалъ городничій:—въ Рузѣ нѣтъ пушекъ и пороха.

— Довольно и одной,—отвѣчалъ Потемкинъ.

Онъ приказалъ подать вѣдомости о дѣлахъ въ судѣ.

— Не могу исполнить,—отвѣчалъ робко судья.

— Почему?

— Нѣтъ ни одного дѣла въ судѣ.

Въ Рузѣ, много сохранилось преданій о набѣгѣ Литвы. За рѣчкой, въ березовой рощѣ, указывали на выкопанныя ямы подъ корнями, куда прятали жители имущество при набѣгѣ. Я во многія лазилъ и нашелъ серебряную копѣечку.

Года полтора я жилъ у дѣдушки и послѣ того уже не видалъ его. Тетка моя Елена Яковлевна много лѣтъ спустя была у меня въ Кіевѣ, выпила 45 чашекъ чаю и очень была довольна.

Младшій братъ моего отца, а мой дядя, Ѳедоръ Дмитріевичъ, былъ умнѣе отца; это уже былъ грамотный, онъ былъ моимъ любимцемъ изъ всѣхъ Стоговыхъ; онъ былъ веселонравенъ, любилъ шутить; бывало, какъ ни больно высѣчетъ отецъ, какъ бы горько я ни плакалъ, но придетъ дядя и представитъ, какъ пьяные мужики валяются, я утѣшусь и расхохочусь. Отецъ разсказывалъ: Ѳедоръ Дмитріевичъ былъ большой шалунъ, онъ былъ уже прапорщикомъ и чѣмъ-то провинился; старшій братъ Михаилъ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ отлично отодрали розгами прапорщика; но это тогда не было странно, старшій братъ, въ отсутствіе отца, имѣлъ права родителя, а извѣстно, что графъ Каменскій своего сына полковника предъ фронтомъ наказалъ палками.

Послѣ жизни моей у дѣда, меня отдали въ Лужицкій монастырь (около Можайска), гдѣ былъ монахъ Константинъ, о которомъ шла слава, что онъ знаетъ французскій языкъ; онъ долженъ былъ выучить меня всему. Я уже сказалъ, что въ одинъ часъ со мною родился сынъ у камердинера моего отца, Никиты, а жена его Устинья была женщина весьма близкая къ моей матери. Сына ихъ назвали Иваномъ и со дня рожденія назначили его ко мнѣ камердинеромъ. Росли, шалили, учились, съ-

кли насъ все вмѣстѣ, только Ивана несравненно меньше. Вмѣстѣ съ Иваномъ мы гостили у дѣдушки, вмѣстѣ были отданы и въ монастырь. Монахъ Константинъ, кажется, незаслуженно слылъ за ученаго, — это былъ лицемѣръ, ругавшійся со всѣми. Меня ничему не училъ и въ полтора года жизни въ монастырѣ я выучилъ только: ла-фуршетъ и лакутонъ. Была для меня въ верхнемъ этажѣ келья, и къ намъ съ Иваномъ никто не входилъ, не сказавши: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа»; когда мы отвѣтимъ: Аминь, тогда входили. Насъ будили рано, ходили мы въ церковь и обыкновенно, черезъ минуту, выбѣгали шалить: лѣтомъ бѣгали въ саду, воровали ягоды, яблоки, а зимою—въ слободу къ мальчикамъ. Кормили насъ скверно за общей трапезой, гдѣ во время обѣда одинъ читалъ громко священныя книги. Послѣ обѣда всѣ монахи собирались въ особую комнату для бесѣды, и тутъ я постоянно слышалъ только перебранку и укоризны другъ другу. Впослѣдствіи я спросилъ отца: для чего онъ отдавалъ меня въ монастырь?

— А чтобъ ты, братецъ, узналъ монастырскую жизнь.

— Почему же вы не отдавали меня въ тюрьму?

— Потому, братецъ, что ты дуракъ.

Послѣ монастыря, я бѣгалъ въ Можайскѣ въ народную школу, гдѣ тоже ничему не учили, а все-таки сѣкли за лѣность.

По Золотилову былъ сосѣдъ, богатый помѣщикъ, Борисъ Карлычъ Бланкъ; предки его зашли въ Россію изъ Голландіи въ званіи архитекторовъ, еще при Петрѣ. Бланкъ былъ женатъ на тамбовской помѣщицѣ Буниной, у него было много деревень въ разныхъ губерніяхъ. Онъ жилъ въ селѣ Присловѣ, верстъ 6—7 отъ Золотилова, по-тогдашнему очень роскошно, у него были музыканты, устраивались иллюминаціи и фейерверки. Однажды, лѣтомъ, отецъ съ матерью пошли пѣшкомъ въ Прислово. Отецъ пошелъ впередъ, мать, ведя меня за руку, догнала отца, отецъ очень сердился, зачѣмъ мать взяла меня, и сказалъ: «неси сама, какъ онъ устанетъ, а я не понесу». Прошли мы версты двѣ-три, какъ я сѣлъ на землю и говорю: усталъ. Мать взяла меня на руки, но, будучи беременна, нести не могла, отецъ очень бранилъ ее. Очень хорошо помню, что мы шли по тропинкѣ между орѣховыхъ кустовъ; отецъ сказалъ мнѣ: вставай, братецъ, я дамъ тебѣ коня, ты садись верхомъ и поѣдешь. Вырѣзалъ орѣховый прутъ, очистилъ головку и другой прутикъ вмѣсто кнута, я сѣлъ верхомъ, отецъ сказалъ: смотри, хорошенько держи коня, а не то онъ разобьетъ тебя, видишь какой горячій. Я хлестнулъ коня прутикомъ, и онъ понесъ меня такъ, что я удержать не могъ, конь унесъ меня впередъ и возилъ галопомъ между кустовъ. Отецъ крпчалъ: держи, братецъ, коня, а я отвѣчалъ: не могу держать, да такъ галопомъ и добѣжалъ до Прислова. Все это живо сохранилось въ моей памяти; уже въ Кіевѣ я разсказалъ отцу этотъ случай. Отецъ крайне

удивился, едва вѣрилъ, что я могъ это помнить, потому что мнѣ былъ только третій годъ. Я разсказалъ теперь, какъ удивительный случай впечатлительности младенческой памяти; у меня была няня Прасковья, сухая, длинная, серьезная старуха. За поясомъ у нея висѣлъ крашенинный синій съ бѣлыми крапинками платокъ, которымъ она часто утирала мнѣ носъ, но платокъ былъ такого грубаго полотна, что послѣ утиранья долго сыпались у меня искры изъ глазъ; замѣтя движеніе платка, я прятался подъ столъ или подъ кровать. Я былъ еще очень малъ, когда няня захворала, это было въ Можайскѣ, она лежала въ амбарѣ и ее соборовали. Впослѣдствіи я разсказалъ отцу, какъ умерла няня и какъ ее соборовали.—Отецъ сказалъ:—Ты, братецъ, помнить этого не можешь.

Но когда я разсказалъ подробно расположеніе нашей квартиры и того амбара, гдѣ соборовали, и какъ дьяконъ гадалъ по евангелію, будетъ ли жива, и на вопросъ протопопа тихо отвѣчалъ—нѣтъ, разсказалъ всѣ подробности церемоніи, отецъ изумился, слушая меня. Послѣ я уже не видалъ соборованія, но и теперь помню всѣ порядки. Няня кончалась, мы всѣ стояли тихо, какъ вдругъ пришла дѣвка Катька и шепнула Устиньѣ:

— Прасковьюшка уже умерла, я видѣла, какъ ея душенька пролѣзла по углу черной кошкой.

Это такъ сильно на меня подѣйствовало, что я до офицерскаго чина не могъ отбиться отъ убѣжденія, что душа человѣка послѣ кончины должна отдѣлиться чѣмъ-нибудь видимымъ: кошкой, ласточкой и пр. Такъ сильны впечатлѣнія младенчества къ народнымъ повѣрьямъ.

II.

Жизнь Э. Стогова въ семействѣ Бланковъ.—Семейство Буниныхъ.—Поэтесса А. П. Бунина.—Отправленіе Стогова въ Петербургъ.—Поступленіе его въ морской кадетскій корпусъ.—Адмиралъ Хметовскій.—Сенаторъ Бакунинъ и его семейство.—Императоръ Александръ I и Нарышкинъ.—Остроты послѣдняго.

Мнѣ было лѣтъ 8-мь, какъ, не имѣя дѣтей, Бланкъ взялъ меня къ себѣ. Это были люди важные, носили шелковые чулки, говорили постоянно по-французски, отчего и я выучился говорить на этомъ языкѣ. Деликатное обращеніе, важность даже прислуги, такъ на меня подѣйствовали, что я присмирѣлъ и пересталъ шалить. Комната моя была на антресоляхъ, а въ другой жилъ, по бѣдности, князь Шаликовъ. Онъ только-что кончилъ университетъ, и его обязанностью было сочинять

стихами надписи на транспарантахъ, въ иллюминацію. Это былъ армянинъ средняго роста, худощавый брюнетъ, съ огромнымъ носомъ, ему было за 20 лѣтъ, и я не могъ быть ему товарищемъ.

Князь Шаликовъ, впослѣдствіи издававшій дамскій журналъ, былъ любимцемъ дамъ, ходилъ въ бланжевыхъ чулкахъ и никогда въ сапогахъ. Надъ тощимъ журналомъ смѣялись, а Шаликовъ жилъ отъ журнала. Воейковъ, въ «Сумасшедшемъ домѣ» характеризуя всѣхъ литераторовъ, не забылъ и Шаликова.

Жизнь моя у Бланка сохранила въ памяти: празднества, много гостей, торжественность и парадъ. У Бланка жила теща Варвара Петровна Бунина, которая приходилась намъ какъ-то родней. Пріѣхалъ въ отпускъ Иванъ Петровичъ Бунинъ. Онъ былъ извѣстенъ всему Питеру, какъ неисчерпаемый весельчакъ, игралъ на всѣхъ инструментахъ, пѣлъ пѣсни на всѣхъ языкахъ, былъ удивительный гримасникъ, умѣлъ двигать ушами, жужжалъ мухой въ паутинѣ, представлялъ удивительно вѣрно, какъ дрались кошка съ собакой и много разныхъ штукъ. Какъ весельчакъ, острякъ, штукарь, танцоръ, пѣвецъ, музыкантъ и пр. и пр., Бунинъ самъ называлъ себя на визитныхъ и пригласительныхъ билетахъ: «Кумъ свахи Аполлона», былъ необходимый членъ всѣхъ собраній общества. Онъ былъ учредитель «Общества пробки», такъ много надѣлавшаго шуму въ свое время. Теща Бланка была родная сестра Бунину. Явился Бунинъ блестящимъ щеголемъ, весь бомондъ Можайскаго уѣзда взбаламутился; у Бланка не прерывались праздники, и пребываніе Бунина составило эпоху веселья въ уѣздѣ. Одинъ разъ, Бунинъ подозвалъ меня къ себѣ, взялъ за ухо, посмотрѣлъ на пальцы и спросилъ моего отца, куда я назначаюсь служить? Отецъ отвѣчалъ, что онъ небогатый человѣкъ и еще не рѣшилъ.

— Если вашего сына,—сказалъ Бунинъ,—не будетъ укачивать на кораблѣ, то отдайте его въ Морской корпусъ.

Отецъ затруднялся, но Бунинъ прибавилъ:

— Пришлите его только въ Питеръ, я берусь опредѣлить его, это уже мое дѣло

Съ этой минуты мое назначеніе служить во флотѣ было рѣшено.

Послѣ Бунина, пріѣхала меньшая сестра его, извѣстная дѣвица-поэтъ Анна Петровна Бунина. По неизвѣстнымъ мнѣ связямъ, Бунины были близки къ Ахвердову, бывшему учителю или кавалеру великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Онъ жилъ въ Михайловскомъ замкѣ, въ которомъ скончался императоръ Павелъ. Будучи 17 лѣтъ, А. П. Бунина пріѣхала погостить у Ахвердова, и онъ, видя бѣдность дѣвушки, посовѣтовалъ просить милости у вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и написать ей письмо. Деревенская дѣвушка, конечно, затруднялась сочиненіемъ письма, сидѣла около окна и сочиняла.

Ахвёрдовъ подошелъ сзади, взглянулъ и удивился, увидавъ, что дѣвушка пишетъ письмо стихами. Этотъ первый трудъ Буниной былъ представленъ Маріи Ѳеодоровнѣ. Бунина получила 500 руб. пенсіона. Это ободрило дѣвушку, она написала посланіе къ императору Александру и получила отъ него тоже пенсіонъ. Тогда Бунина стала писать ко всей царской фамиліи. Знаю, что даже Константинъ Павловичъ и тотъ далъ ей 150 руб. пенсіи, такъ что бѣдная дѣвушка была обезпечена въ жизни. Подобный успѣхъ въ стихотворствѣ ободрилъ Бунину, и она стала сочинять басни, оды, элегіи и пр. Сочиненій ея набралось на два томика съ разгонистой печатью. Стихи стоили страшнаго труда Аннѣ Петровнѣ, но за то и читать ихъ можно только за большое преступленіе. Можетъ быть, ихъ никто и не читалъ, но всѣ хвалили Бунину, называли ее—«десятая муза».

На святкахъ отецъ съ матерью послали меня съ Василисою послушать, что со мною сбудется? Противъ насъ жилъ купецъ Жаркихъ; мы подошли къ его окну и услыхали, что хозяинъ дома говорилъ сыну:

— Нечего откладывать, постомъ поѣзжай въ Москву.

Этого было довольно, и судьба моя рѣшилась, отецъ отвезъ меня въ Москву. Тамъ была Анна Петровна Бунина и, собираясь ѣхать въ Питеръ, она взяла меня съ собою. Дома были молебны, прощанія, благословенія; мать заливалась слезами и приговаривала, что меня болѣе не увидитъ; всѣ плакали, одинъ я радовался, что избавлюсь отъ розогъ. При выѣздѣ изъ Москвы, отецъ провожалъ, сидя на облучкѣ, и, прощаясь на заставѣ, обратясь ко мнѣ, строго сказалъ:

— Похоронилъ я своего отца и мать и не плакалъ, а провожая тебя, не удержалъ слезъ—такъ помни же это. Боже тебя сохрани, если услышу о тебѣ что-нибудь худое,—задеру!

При этомъ, какъ теперь вижу страшный его указательный палецъ, которымъ онъ грозилъ мнѣ.

Путешествіе съ А. П. Буниной мы совершали на долгихъ, въ рогожной кибиткѣ. Останавливались въ Твери, гдѣ жила сестра государя, Екатерина Павловна, бывшая замужемъ за принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, котораго вся Россія звала: «Принцъ шишка» по опухоли, бывшей у него на лбу. Провожая тетку Бунину во дворецъ, я одинъ разъ видѣлъ великую княгиню, помнится, она была красавица. Герцога не было дома, онъ былъ въ Новгородѣ.

По пріѣздѣ въ Гатчину, гдѣ жила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, насъ помѣстили во дворцѣ, и отвели двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ, съ окномъ въ садъ. Я влѣзъ на окно, усѣлся спустивъ ноги наружу и, колотя ими о стѣну, смотрѣлъ на вычищенную и усыпанную пескомъ аллею. День былъ прекрасный; смотрю, идутъ двѣ дамы: одна

тетка моя Бунина, а другая толстая, круглолицая старуха, подарившая мнѣ конфектъ и оказавшаяся императрицею.

Бунина была небольшаго роста, но прехорошенькая, говорятъ, она имѣла много жениховъ, но такъ дорожила славою своего имени, что не рѣшилась лишиться извѣстности, и умерла дѣвицей.

А. П. Бунина передала меня брату, а тотъ на другой день отвезъ меня въ Морской корпусъ, и я въ первый же день поступленія отлично подрался съ кадетомъ Слезовымъ, таковъ былъ обычай: новичковъ сводили драться со старшими кадетами, и когда я повалилъ Слезова, то мнѣ велѣли бить, пока не скажетъ: «покоренъ», что̀ я исполнилъ, и сдѣлался старымъ кадетомъ. Бунина по праздникамъ брала меня изъ корпуса, возила съ собою ко всей аристократіи, часто мы бывали у сенатора Бакунина, Архарова, Шишкова, и другихъ. Когда же бралъ меня Бунинъ, то я постоянно былъ въ домѣ адмирала Ханыкова, такъ какъ Бунинъ былъ у него адъютантомъ. Тогда пѣли:

Ванька Бунинъ негодяй,
Ванька Бунинъ не зѣвай,
Твоя Анна [1]) хороша,
У ней добрая душа.

Адмиралъ Ханыковъ—извѣстенъ исторіи русскаго флота и былъ знаменитостью; въ это время онъ былъ уже въ параличѣ, но въ общемъ уваженіи. Параличъ его разбилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: во время войны съ англичанами, два непріятельскіе корабля напали на нашъ корабль «Всеволодъ», Ханыковъ далъ сигналъ не помню какому кораблю: идти на помощь «Всеволоду», но капитанъ этого корабля, получивъ сигналъ, схватился за голову, крикнулъ: «моя жена, мои дѣти!» и не пошелъ съ кораблемъ на помощь. «Всеволодъ» такъ сражался съ двумя кораблями, что изъ 800 человѣкъ команды осталось 60 человѣкъ и когда ихъ взяли всѣхъ ранеными, то англичане отдали всѣ почести храбрецамъ, а командира Руднева встрѣтили съ обнаженными головами и вмѣсто плѣна отпустили всѣхъ. Ханыковъ, какъ всѣ высокостоящіе, имѣлъ много враговъ, его обвинили передъ государемъ, онъ приказалъ назначить судъ. Судъ приговорилъ Ханыкова разжаловать въ матросы, но государь написалъ: «разжаловать на 12 часовъ и Ханыкову не объявлять». Старикъ Ханыковъ имѣлъ обыкновеніе каждое утро гулять два часа; у воротъ, одинъ врагъ его уже дожидалъ и спросилъ, почему онъ не въ платьѣ матроса? При этомъ показалъ ему приказъ. Это такъ поразило Ханыкова, что съ нимъ сдѣлался параличъ. Государь очень любилъ старика и очень жалѣлъ. Ханыковъ былъ старикъ средняго роста, толстый, добродушный, простой и очень умный. О Ханыковѣ ходило мно-

[1]) Анна Петровна—супруга Ханыкова.

жество анекдотовъ, когда онъ былъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта. Онъ всякій день повѣрялъ самъ цѣны на базарѣ и доброту провизіи, всякій день самъ покупалъ себѣ сухари, крендели; завтракъ его состоялъ почти всегда изъ яичницы. Разъ приходитъ мичманъ съ рапортомъ; адмирала не было дома, мичманъ соблазнился, съѣлъ яичницу и ушелъ. Ханыковъ узналъ, но не сказалъ ни слова, а за тѣмъ всякое утро къ мичману являлся ординарецъ и приглашалъ къ адмиралу кушать яичницу. Такъ прошло болѣе мѣсяца. Однажды осенью въ дурную погоду, ординарецъ, по обычаю является къ мичману.

— Пожалуйте къ адмиралу,—докладываетъ онъ.

— Сегодня я не хочу ѣсть яичницы—не пойду,—отвѣчалъ мичманъ.

Тогда явилось шесть матросовъ съ ружьями и отвели его подъ карауломъ къ Ханыкову. Старикъ объявилъ, что его звалъ не Ханыковъ, а адмиралъ, посадилъ его подъ арестъ и продержалъ тамъ столько дней, сколько онъ съѣлъ яичницъ. Императоръ Александръ I очень любилъ Ханыкова и часто пріѣзжалъ къ нему обѣдать въ Кронштадтъ. Государь очень любилъ портеръ, ввозъ котораго въ Россію былъ строго запрещенъ. Ханыковъ за обѣдомъ призываетъ камердинера и говоритъ, что въ углу подвала, кажется должна быть одна бутылка портера, привезенная самимъ Ханыковымъ изъ Англіи; бутылка является. Послѣ многихъ обѣдовъ, на которыхъ всегда подавалась послѣдняя бутылка, государь позвалъ камердинера и повторилъ приказаніе Ханыкова поискать послѣднюю бутылку портера. И на этотъ разъ бутылка явилась. Посмѣявшись императоръ, попросилъ подарить ему дюжину послѣднихъ бутылокъ портера, и Ханыковъ исполнилъ желаніе гостя. Адмиралъ имѣлъ привычку каждаго называть душенька; говорятъ, онъ часто и государя называлъ «душенька ваше величество».

Тетка Бунина часто ѣздила ко дворцу, и я присутствовалъ при ея туалетѣ. Замѣтивъ, что она румянится и бѣлится, я по простотѣ спросилъ ее:

— Вы, тетенька, такая бѣленькая и румянецъ во всю щеку, для чего же вы бѣлитесь и румянитесь?

— Глупенькій,—отвѣтила она,—этого требуетъ этикетъ двора, я могу сконфузиться, поблѣднѣть или покраснѣть и тѣмъ поставить другихъ въ неловкое положеніе, а набѣлившись и нарумянившись, я не перемѣнюсь, хотя бы и сконфузилась.

Чаще другихъ вельможъ тетка возила меня къ сенатору Бакунину; онъ былъ важенъ и жилъ великолѣпно. Семейство Бакунина состояло изъ жены, пяти дочерей и одного сына. Порядокъ былъ всегда одинъ: передъ обѣдомъ все семейство разряженное собиралось въ гостиной; самъ Бакунинъ Михаилъ Михайловичъ—въ бѣломъ галстухѣ, бѣломъ жилетѣ, во фракѣ, въ короткихъ брюкахъ, въ шелковыхъ чулкамъ и башмакахъ

съ большими серебряными пряжками, украшенными драгоцѣнными камнями, завитъ и напудренъ. Мужъ церемонно бралъ подъ руку жену и велъ ее въ столовую,гдѣ всякій день накрывалось 30 приборовъ. Приходилъ обѣдать, кто хотѣлъ, только дворецкій наблюдалъ, чтобы каждый былъ прилично одѣтъ, да еще новый гость не имѣлъ права начинать говорить съ хозяевами, а только отвѣчать. Мнѣ помнится, что лица большею частью были новыя. За столомъ была большая чинность, говорили только хозяева и близкіе гости. Послѣ обѣда и кофе, незнакомые кланялись и уходили.

Въ то время, во многихъ домахъ у вельможъ накрывалось лишнихъ 30, 20 и 15 приборовъ для бѣдныхъ приходящихъ, фамилій которыхъ хозяинъ и хозяйка не старались никогда узнавать. Я помню званый и парадный обѣдъ у Нарышкина; обѣдало, думаю, человѣкъ 150. Послѣ обѣда всѣхъ гостей развозили въ хозяйскихъ каретахъ и каждому гостю дарили полный приборъ со стола; серебряный ножъ съ вилкой, ложку, ложечку, фарфоровыя тарелки и остатки фруктовъ и конфектъ. Такіе обѣды давались немногими и въ рѣдкихъ случаяхъ. Аристократы всѣ имѣли свои большіе дома и въ наемъ ихъ не отдавали, а всѣ лишнія комнаты многіе предоставляли раненымъ офицерамъ, вдовамъ офицеровъ и другимъ неимущимъ. У Бакунинихъ и Архарова отдавалось квартиръ по 20 и болѣе—бѣднымъ. Чуть какой-нибудь праздникъ, бѣдныхъ жильцовъ приглашали обѣдать. Помню, я подсмотрѣлъ за двумя вдовами, какъ онѣ зимою, за обѣдомъ, когда подавали, какъ рѣдкость, на десертъ груши, дѣлали складку на краю скатерти, клали на складку грушу и когда никто не смотрѣлъ, дергали за скатерть и груша падала въ подставленный и раскрытый на колѣнахъ ридикюль. Я разсказалъ это теткѣ и спросилъ:

— Для чего онѣ это дѣлаютъ?

— Онѣ бѣдны,—отвѣчала она; эту грушу снесутъ въ Милютины лавки и продадутъ за 50 коп., а купцы продаютъ по рублю; бѣдная же вдова купитъ себѣ необходимое.

Послѣ обѣда, тетка похвалила искусство повара. Бакунина расхвалила его и какъ человѣка. Она разсказала, что однажды, когда опоздали оброки изъ деревень, поваръ не обезпокоилъ Михаила Михайловича, а содержалъ весь домъ на свои деньги, а послѣ Бакунинъ заплатилъ ему 45 тысячъ рублей.

— Поваръ, вѣдь, крѣпостной, откуда онъ взялъ столько денегъ?— спросилъ я тетку.

— Конечно, нажилъ отъ своихъ господъ,—отвѣчала она, смѣясь, и замѣтила: богатые господа живутъ и даютъ жить другимъ.

У Бакунинихъ былъ одинъ сынъ, Вася, мнѣ ровесникъ. Хотя я былъ уже гардемариномъ, но удивлялся знаніямъ Васи, чего, чего, онъ

не зналъ: языки древніе и новые, исторію, географію, отличный былъ математикъ, физикъ, химикъ, и проч. и проч. Васѣ Бакунину предстояла блестящая карьера по службѣ въ Россіи. Воспитаніе, богатство, связи, всѣ пути были ему открыты, только выбирай, а онъ выбралъ дорогу заговорщика, отдался коммунизму, сдѣлался отчаяннымъ республиканцемъ и радикаломъ; былъ сосланъ въ Сибирь, бѣжалъ за границу и сдѣлался заклятымъ врагомъ Россіи. Было много у меня ровесниковъ изъ дѣтей вельможъ, и ни одинъ не пошелъ далеко по службѣ. Мнѣ припомнился отвѣтъ Нарышкина. Какъ-то разъ у него обѣдалъ императоръ Александръ I и съ чувствомъ неудовольствія сказалъ Нарышкину:

— Я стараюсь поддержать старыя фамиліи, но, къ удивленію, дѣти вельможъ не оправдываютъ надеждъ.

— Это не должно удивлять ваше величество,—отвѣчалъ Нарышкинъ; —наши дѣти всѣ въ воспитательномъ домѣ, а законныя, которыя живутъ при насъ, все дѣти нашихъ лакеевъ и кучеровъ.

За этимъ же обѣдомъ, государь жаловался, что у него становится слабо зрѣніе, и спрашивалъ, гдѣ бы найти хорошія очки. Нарышкинъ указалъ на обѣдавшаго на другомъ концѣ стола Пестеля, который былъ въ очкахъ.

— Я лучшихъ очковъ не знаю,—сказалъ Нарышкинъ,—Пестель постоянно живетъ въ Петербургѣ и видитъ все, что̀ дѣлается въ Сибири.

Эта острота много повредила Пестелю, онъ былъ генералъ-губернаторъ Сибири и не выѣзжалъ 13 лѣтъ изъ Петербурга.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Э. И. Стогова[1].

III [1].

Отечественная война. — Назначеніе М. И. Кутузова главнокомандующимъ арміями.—Его характеристика.—Канунъ Бородина.—Партизаны: Сеславинъ, Давыдовъ и Фигнеръ. — Отправленіе морскаго корпуса въ Свеаборгъ и возвращеніе въ Петербургъ.—Масонскія общества.—Кутежи и попойки.—Выпускные экзамены.—Производство въ офицеры.—Товарищъ Дюмутье и его приключенія.—Командировка въ Камчатку.—Прибытіе въ Омскъ. — Тамошніе порядки.—Прибытіе въ Иркутскъ. — Губернаторъ Трескинъ и его семейство.—М. М. Сперанскій.—Г. С. Батенковъ.—Характеристика Сперанскаго.—Сибирскій король Кузнецовъ.

Наступилъ 1812-й годъ; только и было говора, что о войнѣ. Высшее общество уныло и принялось за Апокалипсисъ. Это была общая манія: куда ни придешь, вездѣ разбираютъ Апокалипсисъ, добираются до смысла, превращая буквы въ цифры. Наконецъ, какъ-то нашли, что звѣрь Апокалипсиса долженъ носить имя Аполеонъ и приписали это имя Наполеону Побѣдитъ его, говорили,—князь Михаилъ.

Какой же это князь? Общій голосъ назвалъ князя Михаила Иларіоновича Кутузова. Молва объ этомъ была такъ сильна, что императоръ Александръ, не любившій Кутузова, принужденъ былъ назначить его главнокомандующимъ. Общество успокоилось, вѣруя, что Наполеонъ будетъ побѣжденъ. Даже отдачу Москвы французамъ общество приняло безъ огорченія, потому что это сдѣлалъ Кутузовъ. О немъ говорили, что это человѣкъ глубоко ученый, благороднаго характера, но

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 года, январь.

никогда и никому не сказалъ правды; мысли его принадлежали ему одному. Всю жизнь былъ онъ поклонникомъ женщинъ, влюблялся до глубокой старости и во всю жизнь не любилъ ни одной женщины искренно. Обращеніе Кутузова выставлялось какъ образецъ любезности въ обществѣ. Про Кутузова говорили, что во всю жизнь онъ былъ тонкій политикъ, въ штабѣ своей арміи не противодѣйствовалъ интригамъ и, будучи умнѣе всѣхъ, управлялъ ими какъ музыкальнымъ инструментомъ; повидимому, онъ слушался всѣхъ и соглашался, а дѣлалъ по-своему. Въ 1812 году Кутузовъ былъ старъ, дряхлъ, но скрытность не оставила его, и онъ не говорилъ правды даже государю.

Онъ принялъ армію, утомленную, и понялъ, что долженъ поднять упавшій ея духъ. Приближенные просили дать сраженіе, Кутузовъ притворялся неслышащимъ, спящимъ, а просыпаясь, отдавалъ приказаніе отступать. Онъ далъ сраженіе подъ Бородинымъ, но передъ боемъ говорилъ: «Я не долженъ давать сраженія, но долженъ удовлетворить требованіе всей Россіи; потеря 40 тысячъ—успокоитъ русскій народъ». По стеченію обстоятельствъ, мѣстность будущаго сраженія указалъ мой отецъ. Это было такъ: когда Наполеонъ былъ уже въ Гжатскѣ, отецъ мой отправилъ свою семью и всѣхъ крестьянъ къ роднымъ въ Тамбовскую губернію, весь скотъ пожертвовалъ въ армію, а самъ оставался караулить домъ. Главная квартира была въ Бородинѣ, въ 11-ти верстахъ отъ нашего имѣнія Золотилова. Когда приблизились аванпосты французовъ, отецъ поѣхалъ въ Бородино, чтобы получить билетъ на проѣздъ. Билеты выдавалъ Толь, но его не было дома; отецъ нашелъ его на Бородинскомъ полѣ. Узнавъ, что отецъ мѣстный помѣщикъ и сослуживецъ Суворова, Толь спросилъ.

— Знаете ли вы хорошо эту мѣстность?

Отецъ отвѣчалъ утвердительно. Тогда Толь приказалъ дать отцу казацкую лошадь и поѣхалъ съ нимъ; отецъ указывалъ, гдѣ поставить батареи и укрѣпленія. Толь молча записывалъ. Отецъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что редуты и прочіе были устроены по его указанію. Толь былъ очень доволенъ, далъ отцу открытое предписаніе и подарилъ казацкую лошадь. Исторія никогда не упомянетъ имени моего отца, описывая Бородинское побоище.

Наполеонъ занялъ Москву. Мнѣ много разсказывалъ Давыдовъ, какъ онъ, Сеславинъ и Фигнеръ бывали въ Москвѣ переодѣтыми иностранными офицерами и вывѣдывали о непріятельской арміи. Послѣ войны, Сеславинъ, израненый, обвѣшанный орденами, жилъ постоянно въ своей Тверской деревнѣ, собирался нѣсколько разъ писать записки, но не тверрдое знаніе грамотѣ остановило его, и онъ, гордый сознаніемъ своего славнаго служебнаго поприща, жилъ тихо, почти ни съ кѣмъ не видясь, и умеръ, не найдя біографа по достоинству. Давыдовъ Денисъ

оставилъ хвастливую память дѣлъ своихъ въ напечатанныхъ запискахъ и стихахъ. Это былъ ловкій человѣкъ, онъ, при жизни, пріобрѣлъ въ 10 разъ болѣе славы, чѣмъ заслужилъ. Давыдовъ какъ-то приходится намъ родней, я дитятей катался на его сѣдлѣ, когда онъ былъ произведенъ въ гусарскіе корнеты, и онъ это вспомнилъ, встрѣтясь со мною въ Симбирскѣ. Давыдовъ былъ много меньше меня ростомъ, широкоплечъ, брюнетъ, на срединѣ лба имѣлъ природный бѣлый клокъ волосъ, лицо круглое, носъ съ маленькую пуговку, страшный былъ говорунъ. Фигнеръ — былъ геніальный партизанъ, это былъ храбрѣйшій человѣкъ и неистощимъ на выдумки—дурачить и истреблять непріятеля. Хладнокровіе его было неподражаемо, французы ужасались его имени, много разъ бывалъ онъ почти въ рукахъ французовъ, но они узнавали его тогда, когда онъ ускользалъ отъ нихъ. Было много партизановъ, но эти трое были въ славѣ, о нихъ много говорили.

Какъ только французы миновали нашу деревню, отецъ слѣдомъ за ними явился домой. Въ новомъ домѣ нашемъ были выбиты окна и двери, въ залъ было втащено бревно, которое отъ дверей діагонально упиралось въ уголъ потолка и горѣло; бревно потушили и вытащили. На полѣ Золотилова была стычка, и осталось названіе одной долинкѣ—французская могила.

Когда Наполеонъ занялъ Москву, нашъ морской корпусъ на корабляхъ перевезли въ Свеаборгъ, гдѣ мы и зимовали. Кроватей не было, намъ повѣсили офицерскія корабельныя койки, мы въ нихъ и спали. Была одна койка, въ которую, кто ложился спать, тотъ просыпался въ горячкѣ, такъ случилось съ четырьмя кадетами, это было любопытно, и я захотѣлъ попробовать, легъ здоровый, а проснулся въ горячкѣ, послѣ меня койку сожгли. Очень слабымъ вышелъ изъ лазарета; въ Рождество, за обѣдомъ далп намъ рябчиковъ, я объѣлся и новая горячка.

По уходѣ Наполеона изъ Москвы, насъ на повозкахъ перевезли въ Питеръ; меня везли въ закрытомъ возкѣ. Тогда побѣда за побѣдой реляція за реляціей занимали все общество; тогда я узналъ о существованіи масонскихъ ложъ, которыхъ было много въ Россіи. Попасть въ масоны было трудно; разсказывали страсти объ испытаніяхъ и клятвахъ, вѣрили, что кто измѣнитъ масонамъ, то главные масоны стрѣляютъ въ портретъ виновнаго, и онъ умираетъ. Вообще вѣрили, что масоны совершаютъ какія-то чары въ своихъ собраніяхъ,—басенъ было множество. Всѣ, кто имѣлъ значеніе или хотѣлъ его имѣть, притворялись масонами, и я по общей глупости, будучи офицеромъ—прикидывался таинственнымъ и даже съумѣлъ прослыть масономъ.

Въ 1812 и 1813 годахъ было порядочное пьянство, во всѣхъ аристократическихъ домахъ, послѣ чая, необходимо подавался пуншъ и не по

одному стакану. Ромъ былъ строго запрещенъ къ привозу, и бутылка его стоила 5 руб., а это тогда были не малыя деньги. Онъ доставлялся морскими офицерами изъ Кронштадта. Занимались этимъ промысломъ очень многіе, и это не осуждалось обществомъ. Тысячи тонкихъ хитростей придумывались для обмана таможенныхъ, бывали и убійства, но провозили, потому что было выгодно. Тогда во многихъ домахъ были попойки, общество было неприхотливо, удовольствій публичныхъ — почти никакихъ. Дядя Бунинъ разсказывалъ, какъ они частенько пьянствовали у Нарышкина, кто прежде всѣхъ напьется до безчувствія, того непремѣнно хоронятъ; одѣваются въ простыни, одѣяла — кто попомъ, кто дьякономъ, а прочіе, со свѣчами и пѣніемъ, выносятъ пьянаго и хоронятъ въ снѣгу. Невѣроятная простота нравовъ для нынѣшняго времени. Былъ такой случай: статскій совѣтникъ Гориковъ, говорятъ, былъ дѣльный человѣкъ, дружески принятый у Нарышкина. Послѣдній увѣрялъ, что какъ увидитъ физіономію Горикова, то страшно захочетъ пуншу, и потому, когда входилъ Гориковъ, Нарышкинъ кричалъ: «Горикову пуншу»—хотя бы это было утро. Государю захотѣлось имѣть попугая, у Нарышкина былъ отличный попугай, и онъ подарилъ его государю. Наступило представленіе къ наградамъ передъ Пасхою; государь приказалъ прочитать себѣ списокъ представляемыхъ, и между ними Гориковъ былъ представленъ къ чину. Лишь только читающій списокъ упомянулъ фамилію Горикова, какъ попугай закричалъ: «Горикову пуншу!» и повторилъ нѣсколько разъ. Александръ вычеркнулъ Горикова изъ списка, сказавши, что онъ, должно быть, пьяница. Говорятъ, много надобно было хлопотъ разувѣрить Александра. Сколько я ни припоминаю случаевъ, то, оказывается, жизнь того времени—не похожа на жизнь общества нынѣшняго. То же скажутъ и о насъ будущія поколѣнія.

Въ морскомъ корпусѣ, я выдержалъ экзаменъ изъ кадетъ въ гардемарины. Они каждый годъ, три мѣсяца ходили въ море для практики. Экзамены были необыкновенно строги, не по билетамъ, а отъ доски до доски. Въ офицеры было четыре экзамена. Первый—учителя экзаменуютъ гардемариновъ чужаго класса и дѣлаютъ отмѣтки. Потомъ, корпусные офицеры по 5, 6 человѣкъ экзаменуютъ на своихъ квартирахъ и дѣлаютъ отмѣтки. Потомъ, созываются изъ Кронштадта всѣ командиры кораблей и экзаменуютъ, удостовѣряясь въ достаточномъ знаніи будущихъ ихъ помощниковъ. Послѣдній экзаменъ назывался публичный, потому что публиковалось, кому угодно экзаменовать, и приглашались адмиралы, министры, сенаторы и митрополитъ съ архіереями. Этотъ экзаменъ былъ легкій, для парада.

На этомъ экзаменѣ была большая забота архимандриту или іеромонаху изъ Лавры, который училъ насъ закону Божію. Этому предмету—

никто не учился, и никто ничего не зналъ; бывало іеромонахъ упрашиваетъ каждаго Христа-ради выучить одинъ параграфъ и отмѣчаетъ его въ спискѣ противъ фамиліи; но и при этомъ не всѣ хорошо отвѣчали. На экзаменъ нашего выпуска явился какой-то фракъ (штатскій), еще молодой. Инспекторъ спросилъ: «изъ какого предмета угодно экзаменовать?»

— Изъ дифференціаловъ и интеграловъ,—отвѣчалъ онъ.

Всѣ удивились, ему дали лучшихъ учениковъ: Николаева и Врангеля. Оказался знатокомъ, и послѣ мы узнали, что это былъ Остроградскій. Произведенному въ мичманы корпусъ дарилъ бѣлье, но надобно было экипироваться самому, а отецъ не могъ мнѣ дать денегъ. Дали 100 рублей въ счетъ жалованья, и я сшилъ себѣ дешевенькое платье. Пожилъ я у тетки Буниной съ мѣсяцъ, ѣздилъ съ ней по гостямъ уже какъ членъ общества. Затѣмъ отправился въ Кронштадтъ почти прямо на корабль, такъ какъ тогда флотъ посылали за войсками, остававшимися во Франціи. Тетка и дядя дали мнѣ немного денегъ, да остались отъ экипировки, и я, не помню отъ кого, узнавъ, что русскія мѣдныя деньги очень дороги во Франціи сравнительно съ серебромъ, всѣ свои деньги размѣнялъ въ церквахъ на мѣдныя. Будучи во Франціи, я накупилъ бездѣлицъ, но которыя были новостью въ Петербургѣ. Возвратясь, я подарилъ нѣкоторыя теткѣ и дядѣ, за что они меня экипировали хорошо. Остальныя всѣ вещи я продалъ въ модный магазинъ и получилъ 400 руб. Жалованье поручика въ то время было 180 руб. ассигнаціями, и мы жили на эти деньги. Можно представить, какимъ громаднымъ богатствомъ казались эти 400 рублей въ моихъ рукахъ! Я съ любовью много разъ пересчитывалъ эту громадную сумму и думалъ, что съ прибавленіемъ жалованья — жизнь моя обезпечена. Какъ вдругъ явился, остававшійся на берегу мой товарищъ Дюмутье. Это былъ сынъ эмигранта, бѣлокурый красавецъ; онъ былъ адъютантомъ въ экипажѣ и объяснилъ мнѣ, что завтра смотръ и у него недостаетъ 400 руб., которые онъ роздалъ офицерамъ въ долгъ. Если завтра, говорилъ онъ, не окажется всѣхъ денегъ, то онъ пойдетъ подъ судъ и будетъ матросомъ. Онъ говорилъ, что ему нужны деньги только показать начальству, а послѣ обѣда, онъ привезетъ ихъ мнѣ назадъ.—Говорилъ Дюмутье со слезами на глазахъ, я самъ чуть не расплакался, обнялъ его и радостно отдалъ ему мои драгоцѣнные 400 руб. И теперь не понимаю, какъ могъ этотъ плутъ узнать, что у меня ровно 400 руб. По уходѣ Дюмутье, я впалъ въ самое сладкое настроеніе, радовался, что могъ спасти товарища. Что же оказалось? Дюмутье все солгалъ, деньги мои промоталъ на извѣстную тогда красавицу Медвѣдеву, и я денегъ этихъ не видалъ и до сего часа. Возвратясь изъ Камчатки и посѣтивъ изъ любопытства монастырь въ Стрѣльнѣ, за вечернею, между монахами —

узналъ Дюмутье. При выходѣ изъ церкви, я окликнулъ: «отецъ Дюмутье». Онъ шелъ смиренно, но, услышавъ свою фамилію, положилъ палецъ на губы и пригласилъ знакомъ слѣдовать за собою. Узнавъ меня, онъ тоже обрадовался и разсказалъ свою біографію: накутивши въ Кронштадтѣ, онъ бѣжалъ, забрался въ Тамбовскую губернію; влюблялся онъ и влюблялись въ него, чуть-ли не былъ два раза женатъ, скрывался въ Москвѣ, ходилъ собирать на монастыри и церкви. Извѣдавъ всѣ пути мошенничества, онъ, наконецъ, подъ чужимъ именемъ, поступилъ въ монахи и говорилъ, что лучшаго положенія онъ не знаетъ. И правда, келья его была полна работы барынь, бѣлье носилъ прекрасное—тоже подарокъ барынь, въ деньгахъ нужды не имѣлъ, послѣ чаю, онъ подчивалъ меня прекрасными сладостями, предложилъ ужинъ, изъ секретнаго шкапика въ стѣнѣ досталъ серебряную паровую кастрюлю, тамъ готовый былъ бифстексъ, явились сыры, колбасы и разное вино. Я посмѣялся надъ нарушеніемъ монашескаго обѣта, онъ тоже смѣялся и сказалъ: «монахъ долженъ быть чистъ, какъ голубь и хитръ, какъ змій». Разсказывалъ, что онъ часто ѣздитъ въ Петербургъ и имѣетъ тамъ много знакомыхъ барынь и купчихъ и прибавилъ, смѣючись: «житье хорошее, пожаловаться не могу». О моихъ деньгахъ не было ни слова.

Безъ походовъ (т. е. плаванія) и оставшейся морской провизіи, на маленькомъ жалованьи жить было почти невозможно; для экономіи мы всѣ жили по-двое и по-трое на одной квартирѣ. Кронштадтъ — маленькой городокъ; въ немъ мѣстятся до 4 тысячъ офицеровъ, вся провизія дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, потому что оттуда привозится. Какъ я ни передумывалъ выбиться изъ нужды, но въ будущемъ видѣлъ только ее одну. Вдругъ послѣдовалъ вызовъ желающихъ отправиться въ Камчатку. Не зная Камчатки, я не зналъ, хорошо или дурно тамъ, но въ первую минуту разсуждалъ такъ: положимъ, въ Камчаткѣ дурно, но и здѣсь очень худо, если я не найду въ Камчаткѣ лучшаго, то все-таки увижу что-нибудь новое. Рѣшено,—ѣду въ Камчатку. Но общество мичмановъ въ Кронштадтѣ таково, что предложи экспедицію въ адъ—найдется много охотниковъ. Въ Камчатку требовалось всего два офицера, а объявили желаніе 40 человѣкъ. Въ назначеніи меня помогъ своими связями дядя Бунинъ, и мнѣ завидовали очень многіе.

Я проѣхалъ не далеко отъ Золотилова, но не заѣхалъ къ отцу и увѣдомилъ о своей командировкѣ только изъ Иркутска. Хотя я и любилъ мать, но страхъ къ отцу превозмогъ, и я матери моей не видалъ. Насъ по дорогѣ въ городахъ принимали прекрасно,—мы были молоды, въ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, хорошіе танцоры и, въ провинціальной глуши, намъ были рады. Почти вездѣ я слышалъ слова сожалѣнія: такіе молоденькіе, такъ умны и любезны—за что это ихъ ссылаютъ въ Сибирь?!

Насъ было трое: капитанъ-лейтенантъ Вороновъ, совершенно ни къ чему неспособный человѣкъ. Другой товарищъ Николай Повалишинъ, мы съ нимъ вмѣстѣ опредѣлились въ корпусъ, въ одномъ классѣ проходили науки и вмѣстѣ на кораблѣ дѣлали первый походъ. Повалишинъ учился очень хорошо, поведенія прекраснаго, былъ стройный брюнетъ и недуренъ, онъ проигрывалъ противъ меня тѣмъ, что не имѣлъ общественной ловкости и находчивости съ дамами, т. е. не имѣлъ смѣлой самонадѣянности, а я все это пріобрѣлъ, шатаясь по гостинымъ вельможъ, съ теткою и дядей. Повалишинъ, при выгодной наружности—былъ замѣчательный флегматикъ, онъ часто задумывался, мечталъ, какъ бы составить себѣ обезпеченное состояніе, но не былъ скупъ и былъ совершенно честный человѣкъ, трезвъ, какъ и я. Съ нами ѣхала команда изъ 25 матросъ-охотниковъ, молодецъ къ молодцу, люди, душой и тѣломъ намъ преданные.

Празднуя по всѣмъ попутнымъ городамъ, а иногда и у помѣщиковъ на пути, гдѣ два, гдѣ три дня танцовали, волочились, были сыты и веселы. Остановлюсь нѣсколько на описаніи Омска. Это крѣпость на границѣ киргизскихъ степей; тамъ была главная квартира командира сибирскаго корпуса войскъ, должность котораго исправлялъ генералъ Клодтъ. Это былъ нѣмецъ отъ головы до пятокъ, сынъ его—знаменитый скульпторъ. Баронъ Клодтъ — былъ страшно разсѣянъ: выходилъ изъ дома иногда въ мундирѣ, но въ подштанникахъ, часто носилъ шляпу въ рукахъ на улицѣ. При мнѣ, онъ пошелъ гулять и ушелъ за крѣпость верстъ 8-мь и возвратился на навозномъ возѣ. Всѣ привыкли къ его странностямъ и всѣ любили его; онъ былъ рѣдкой доброты и весельчакъ. Намъ отвели цѣлый домъ корпуснаго командира. Комендантомъ былъ полковникъ Ивановъ, онъ и семья были любезнѣйшіе люди, но какъ комендантъ, Ивановъ не имѣлъ понятія о службѣ до того, что я училъ его ходить рундомъ. Въ Омскѣ были коммиссіи: коммиссаріатская, провіантская, аудиторіатъ и главная квартира атамана казачьихъ линейныхъ полковъ. Атаманомъ былъ генералъ Броневскій—жившій роскошно. Жизнь въ Омскѣ тогда была вполнѣ азіатская, довольно сказать, что женщинъ держали въ комнатахъ окнами на дворъ и съ желѣзными рѣшотками, дѣвицъ запирали на ночь ключемъ. При корпусномъ штабѣ были все пожилые и старики. Молодежь состояла изъ казачьихъ офицеровъ, это были — все красавцы, молодцы, но необразованные и малограмотные. Въ Омскѣ обрадовались нашему пріѣзду, и такъ какъ у насъ заболѣло два матроса, то мы сочли законною причиною пожить въ Омскѣ до ихъ выздоровленія. Насъ носили на рукахъ, каждый день балъ, обѣдъ и все содержаніе — отъ коменданта. Меня полюбилъ баронъ Клодтъ, самъ возилъ съ визитами.

*

Изъ Омска я поѣхалъ въ Иркутскъ—городъ прекрасный, много богатаго купечества и хорошо образованнаго. Иркутскъ—столица Сибири. Я остановился въ адмиралтействѣ, начальникъ, лейтенантъ Кутыгинъ, былъ прелюбезный человѣкъ. Я пріѣхалъ слѣдомъ за Сперанскимъ, который былъ посланъ государемъ для исправленія злоупотребленій по управленію. Генералъ-губернаторомъ былъ Пестель, кажется, во всѣ 13 лѣтъ губернаторства не бывшій въ Сибири. Иркутскимъ губернаторомъ былъ Трескинъ, это былъ царекъ Сибири. Дамы и мужчины не подходили къ нему иначе, какъ цѣлуя его руку, чиновники—также. Этотъ жестокій деспотъ водворилъ удивительный порядокъ въ Сибири. Если проѣзжій забывалъ на станціи кошелекъ или часы, то его догоняли и отдавали, ни убійствъ, ни воровства не было, хотя всѣ селенія полны были ссыльными. Я разскажу, какъ я являлся къ губернатору Трескину. Я былъ предупрежденъ, что въ залѣ его садиться не дозволяется. Пріѣхалъ я въ 10 часовъ утромъ. Трескинъ еще не выходилъ; въ залѣ: предсѣдатели, совѣтники и проч. чины стояли каждый на опредѣленномъ мѣстѣ: у стѣны или у печки; все это стояло безмолвно и не шевелилось. Я пришелъ и сѣлъ на стулъ—всѣ переглянулись и удивились, какъ вещи небывалой. Пріѣхалъ съ рапортомъ комендантъ, полковникъ Цейдлеръ, и видя меня сидящимъ, рѣшился сѣсть. Молчаніе гробовое. Вдругъ растворились обѣ половинки двери кабинета, и я увидѣлъ тучнаго старика въ бѣломъ халатѣ, въ бѣломъ колпакѣ, съ висящими бѣлыми волосами. Эта бѣлая фигура двигалась тихо, точно на колесахъ, но глаза черные, свѣтящіеся и быстро двигающіеся. Трескинъ прямо двинулся ко мнѣ. Я всталъ, не торопясь.

— Ты уже усѣлся?—сказалъ онъ.

— Усталъ, ваше превосходительство съ дороги.

— Какъ тебя зовутъ?

— Эразмъ Иванычъ.

— Гдѣ ты учился?

— У дьячка на мѣдныя деньги,—отвѣчалъ я на этотъ странный вопросъ.

— Сколько у тебя душъ?

— Одна своя, но прекрасная.

— Сколько у тебя денегъ?

— Императорская (бумажка) въ карманѣ.

Онъ взялъ меня за руку, вывелъ на середину и, повертывая, сказалъ:—«не велика птичка, да носокъ остеръ». Трескинъ кликнулъ чиновника и приказалъ отвести меня къ дочерямъ его,—ихъ было три: я отрекомендовался и усѣлся чинно, онѣ работали въ пяльцахъ и молчали. Я съ намѣреніемъ спуталъ у одной шерсть, а у другой уронилъ пяльцы, хохоталъ и болталъ; всѣ вскочили и стали смѣяться, знакомство

сдѣлано. Одна пошла въ комодъ, я увидалъ тамъ много конфектъ и сталъ ѣсть, онѣ—бросились отнимать, я отъ нихъ, они за мной, я вскочилъ на столъ, и вдругъ отворяются двери, въ дверяхъ отецъ. Вижу, плохо, но не потерялся. Дочери хохочутъ и жалуются отцу, а я жалуюсь, что онѣ щиплются. Удивленный старикъ расхохотался, велѣлъ намъ помириться, пригласилъ меня обѣдать у него, но не обижать дочерей. За обѣдомъ, Трескинъ посадилъ меня противъ себя; я ѣлъ всегда очень много и скоро. Онъ любовался и говорилъ, что онъ лучше ѣстъ, глядя на меня. Послѣ обѣда Трескинъ увелъ меня въ кабинетъ и спросилъ: умѣю ли читать?

— Умѣю и отлично,—отвѣчалъ я.

— На, читай,—и далъ мнѣ какую-то книгу, а самъ легъ на диванъ. Я хотѣлъ читать съ толкомъ, съ разстановкой, но старикъ остался этимъ недоволенъ.

— Что-же, ты не умѣешь скорѣй читать?—спросилъ онъ.

Я началъ читать, какъ пономарь, и онъ былъ доволенъ. Весь Иркутскъ дивился моему поведенію и успѣху у Трескина, но онъ уже былъ не тотъ, что прежде. Въ Иркутскѣ былъ уже Сперанскій, и каждый чувствовалъ высшую власть и другое направленіе. Сперанскій такъ извѣстенъ въ Россіи, что описывать его не нужно, но надо сказать, что онъ былъ наружности красивой, стройный и непобѣдимо привлекательный—я много видѣлъ его портретовъ лучшихъ художниковъ, но ни одинъ портретъ не передаетъ и тѣни его удивительныхъ глазъ, а другихъ подобныхъ глазъ я не видѣлъ во всю жизнь. Голосъ у него былъ теноръ, движенія мягки и тихи.

Являясь къ Сперанскому, я былъ ласково принятъ и, конечно, не наясничалъ. Съ нимъ была огромная канцелярія — всѣ изъ Питера и люди дѣльные, образованные. Между многими былъ капитанъ путей сообщенія, Гаврило Степановичъ Батенковъ, этотъ, кажется, былъ всѣхъ умнѣе. Исторія его слѣдующая: онъ былъ артиллерійскій офицеръ, въ 1812 году, подъ Смоленскомъ, наши войска, ретируясь, не успѣли уничтожить мостъ. Кутузовъ послалъ двухъ офицеровъ, каждаго съ двумя пушками обстрѣливать мостъ и умереть тамъ, но не ретироваться. Батенковъ разсказывалъ:

— Мы стрѣляемъ картечью, массы французовъ валятся, но идутъ, подходятъ близко, у меня канонеры перебиты, самъ я прикладываю фитиль, и въ это время меня повалили штыкомъ, помню, какъ штыкомъ прокололи колѣнку, это было такъ болѣзненно, что я потерялъ память.

Товарищъ Батенкова, видя приближеніе французовъ и желая спасти пушки—ускакалъ. Батенкова, какъ убитаго, исключили изъ списковъ. Опомнился Батенковъ въ лазаретѣ французовъ и послѣ былъ отправленъ на югъ Франціи, гдѣ и жилъ до взятія Парижа. Тогда онъ явился

въ главную квартиру, но ему сказали: Батенковъ убитъ и исключенъ изъ списковъ. Документовъ онъ никакихъ не имѣлъ, и ему много было хлопотъ, чтобы доказать, что онъ дѣйствительно поручикъ Батенковъ; товарищи и солдаты помогли ему. Батенковъ получилъ прямо капитана, Георгія и Владиміра, но, не желая служить въ военной службѣ, онъ безъ экзамена перешелъ въ вѣдомство путей сообщенія.

Не помню, какъ узналъ его Сперанскій, но я нашелъ Батенкова занимающагося составленіемъ новаго положенія о ссыльныхъ. Онъ былъ отличный говорунъ—о чемъ угодно, остеръ, саркастиченъ, и Сперанскій любилъ слушать болтовню Батенкова. Послѣ мы очень полюбили другъ друга, хотя онъ былъ много старше меня.

Я и теперь не пью, но тогда совершенно не пилъ, даже не пилъ шампанскаго за здоровье Сперанскаго, а вмѣсто шампанскаго наливалъ въ бокалъ превкусный медъ и пилъ, но и медъ дѣлалъ меня краснымъ. Однажды зашелъ у Батенкова разговоръ съ Сперанскимъ обо мнѣ. Батенковъ хвалилъ меня, Сперанскій назвалъ меня способнымъ мальчикомъ, но съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что я еще юноша, а, какъ морякъ, привыкъ пить, жалко видѣть, какъ онъ отъ обѣда выходитъ красный. Батенковъ расхохотался и объяснилъ Сперанскому, что я въ жизни еще не попробовалъ вина и за здоровье его пью только медъ и отъ того краснѣю.

Пріѣхали наконецъ и мои товарищи: Повалишинъ съ Вороновымъ. При Сперанскомъ находился родной его племянникъ, Жоржъ Вейкардъ, мнѣ ровесникъ, хорошо образованый, и мы скоро подружились. Я, Повалишинъ, Вейкардъ и Ивановъ порядочно танцовали на частыхъ балахъ, и Сперанскій видимо любовался нами. Онъ зналъ мою дружбу съ Вейкардомъ и пропускалъ намъ многія шалости. Разъ, передъ сумерками, въ адмиралтейство является офицеръ-ординарецъ Сперанскаго, и, называя меня по фамиліи, объявляетъ приказаніе генералъ-губернатора явиться къ нему немедленно. Я надѣлъ полную форму и отправился къ Сперанскому. Онъ ходилъ по комнатѣ въ старенькомъ сюртукѣ, встрѣтилъ меня ласково и прежде всего спросилъ: зачѣмъ я въ мундирѣ? Я отвѣчалъ, что считалъ себя не въ правѣ явиться иначе по приказанію генералъ-губернатора.

— Это перевралъ посланный офицеръ, — сказалъ онъ, — а я приказалъ просить васъ къ Михаилу Михаиловичу Сперанскому. Прошу на будущее время отличать приглашеніе, къ Михаилу Михаиловичу можно и прилично являться въ сюртукѣ. Свободны ли вы на два часа времени?

— Я, разумѣется, поклонился и отвѣчалъ, что совершенно ничего не дѣлаю.

— Ну, такъ походимте со мною.

Вотъ нашъ разговоръ:

— Вы, конечно, воспитанникъ Морскаго корпуса?

— Точно такъ.

— Вашъ курсъ преимущественно математическо-астрономическій?

— Да-съ, всѣхъ наукъ, входящихъ въ мореплаваніе, а такъ же стратегіи и фортификаціи.

— Это для чего же?

— На случай дѣйствій десантомъ на сухомъ пути.

— Но все-таки, главное—астрономія?

— Дѣйствительно, эта часть науки въ большомъ развитіи.

— Скажите, какой вы системы держитесь?

— Коперника.

— Вполнѣ ли вы довольны этой системой?

Этотъ вопросъ мнѣ показался чрезвычайно страннымъ. Первый моментъ я не зналъ, что и отвѣчать, но сообразилъ, что такому умному человѣку хочется шутить съ юношею, и отвѣчалъ.

— По приказанію, я обязанъ признавать эту систему непогрѣшимою, но самъ по себѣ я не признаю вѣрными положенія Коперника.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да-съ, я имѣю свою систему.

— Право? Много обяжете, объяснивъ мнѣ свою систему. Сперанскій добродушно улыбнулся и прибавилъ: — будьте откровенны и выскажитесь свободно, я васъ слушаю.

Положеніе было затруднительное, попасть въ дураки не хотѣлось, я началъ смѣло, долго, очень долго говорилъ, но должно быть вздоръ, потому что Сперанскій слушалъ и нѣсколько разъ улыбался.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ, наконецъ, — теперь мнѣ время заняться, подалъ мнѣ руку и просилъ въ свободное время посѣщать его въ сумерки.

— Прощайте,—прибавилъ онъ, — надѣюсь поучиться у васъ, когда вы будете въ сюртучкѣ; прощай, молодой мой другъ.

Чрезъ нѣсколько дней, Сперанскій развилъ мою систему передъ Батенковымъ. Послѣдній мнѣ признался, что онъ, слушая Сперанскаго, не зналъ, что и думать, но Сперанскій сказалъ:

— Я чужаго не присвоиваю, эта система твоего молодаго друга Эразма, онъ насмѣшилъ меня, болталъ часа два и развеселилъ меня на цѣлый вечеръ. Молодое воображеніе увлекло его, онъ искренно высказывался; это мнѣ очень нравилось, теперь и я увѣренъ, что онъ неиспорченнаго сердца, и потомъ началъ передразнивать мою походку и голосъ, но просилъ не передавать мнѣ; оба усердно хохотали надъ моею ребяческою изобрѣтательностію.

Послѣ этого, я еще разъ былъ у Сперанскаго. Онъ хотѣлъ знать мелкія подробности о мореплаваніи. Я разсказывалъ ему какъ можно

популярнѣе, и онъ, казалось, былъ доволенъ, а я дѣйствительно удивлялся способности глубоко постигать и быстро соображать совершенно незнакомый ему предметъ. Безпрестанно дѣлаемые имъ вопросы убѣждали меня, что онъ слушалъ внимательно. Въ концѣ разговора, Сперанскій вдругъ неожиданно спросилъ:

— Знали ли у васъ въ корпусѣ о моей ссылкѣ?

— Зналъ весь корпусъ и, можетъ быть, въ тотъ же день.

— Что же говорили?

— Говорили, что вы измѣнникъ, и я васъ вѣшалъ.

— Какъ же это, разскажите, пожалуйста?

— Вырѣжу бывало изъ бумаги человѣка, подпишу Сперанскій, на шею привяжу ниточку, а на другой конецъ нитки жеваную бумагу и брошу въ потолокъ. Жеваная бумага пристанетъ къ потолку, и человѣчекъ виситъ.

— Кому же я измѣнилъ?

— Разумѣется, подкупилъ васъ Наполеонъ.

— Многіе меня вѣшали?

— Всѣ.

Сперанскій, мнѣ показалось, былъ удивленъ.

— Я никакъ не полагалъ,—сказалъ онъ,—что у васъ въ корпусѣ такъ развитъ патріотизмъ.

— Ну, а теперь какъ вы думаете?

— Въ корпусѣ послѣ прошелъ слухъ, что вы пострадали невинно, и мы всѣ сожалѣли о васъ.

— Я не помню морскихъ кадетъ мнѣ знакомыхъ, кто же меня зналъ?

— Въ корпусѣ всѣхъ знаютъ, мы часто знаемъ, что тайно дѣлается во дворцѣ, а какъ всѣ знаютъ—я не умѣю доложить.

— Очень благодаренъ вамъ за откровенность, у васъ хорошее начальство, когда умѣло такъ сильно внушить вамъ любовь къ Россіи.

— Мы о Россіи мало думали, мы всей душой любили государя, и кто былъ виноватъ передъ государемъ, того мы готовы были казнить. Мы и Барклая де Толли вѣшали, когда въ обществѣ говорили, что онъ измѣнникъ, но послѣ и его простили.

— Хорошій духъ въ вашемъ корпусѣ.

Сперанскій и этотъ разговоръ передалъ Батенкову. Скоро послѣ того Батенковъ предложилъ мнѣ остаться на службѣ у Сперанскаго. Батенковъ очень совѣтовалъ перемѣнить морскую службу на статскую и увѣрялъ, что я пойду хорошо,—но я тогда презиралъ статскую службу. Кромѣ того, я любилъ морское дѣло на столько, что разстаться съ моремъ я и подумать не могъ. Я отказался, и болѣе объ этомъ разговора не было. Дружба моя съ Батенковымъ все болѣе скрѣплялась, но это не была дружба ровесниковъ: Батенковъ былъ много старше меня, и я со-

знавалъ его превосходство ума, опытность и чувствовалъ къ нему уваженіе. Жоржъ Вейкардъ—это другое дѣло, съ нимъ мы были ровесники, онъ былъ ученѣе меня, но юность не обращаетъ на то вниманія; мы оба были веселонравны, жизнь у обоихъ просилась изъ рамокъ приличія, и мы хотѣли жить. Сперанскій очень любилъ Вейкарда, и узнавши во мнѣ неиспорченнаго юношу, ласково смотрѣлъ на нашу дружбу. Какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, что молодость требуетъ жизни безъ благоразумія, и на шалости наши смотрѣлъ сквозь пальцы. Сперанскій принялъ одну мѣру ограничить наши шалости: онъ ни копѣйки не давалъ Жоржу денегъ, а я кромѣ жалованья — ничего не имѣлъ. Тогда въ Иркутскѣ былъ обычай: всякій пріѣзжающій чиновникъ или офицеръ получалъ въ свое распоряженіе на цѣлый день пару лошадей съ санями и кучеромъ — на все время пребыванія въ Иркутскѣ. Это давалъ откупщикъ, и у него былъ всякій день обѣдъ для проѣзжающихъ. Въ первый же день явилась и ко мнѣ пара лошадей, и я пользовался ими до выѣзда изъ Иркутска. Обѣдомъ я не имѣлъ нужды пользоваться у откупщика, потому что всякій день былъ на званомъ обѣдѣ.

Въ правленіе Трескина исправники — были полные властители, отлично платили Трескину и сидѣли на мѣстахъ десятки лѣтъ. Жалобъ на исправниковъ были тысячи, все за взятки. Сперанскій принималъ всѣ жалобы и дѣло велъ въ тишинѣ. Обыкновенно, за преступленія ссылали изъ Россіи въ Сибирь, а Сперанскій всѣхъ виновныхъ чиновниковъ ссылалъ изъ Сибири въ Россію, и это считалось жестокимъ наказаніемъ.

Замѣчательнымъ человѣкомъ въ Иркутскѣ былъ откупщикъ Иванъ Ефимычъ Кузнецовъ, онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ «Короля». Дѣйствительно, наружности былъ королевской; прекраснаго роста, красавецъ въ полномъ смыслѣ, богатъ безъ счета и роскошенъ, какъ откупщикъ. Онъ былъ послѣдній любовникъ жены Трескина, этой сибирской Мессалины. Въ домѣ Кузнецова и жилъ Сперанскій. Чтобы кончить объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ и не обращаться къ нему, я скажу о немъ нѣсколько словъ. Въ 1830-мъ году, «Король» Кузнецовъ уже постарѣлъ, но еще былъ хорошъ и бодръ, я нашелъ его бѣднякомъ и всѣми забытымъ, хотя онъ жилъ еще въ домѣ, гдѣ прежде жилъ Сперанскій, но домъ былъ описанъ за долги. По старой памяти, я посѣтилъ бывшаго «Короля». Я нашелъ его въ изорванномъ халатѣ, онъ сидѣлъ въ бывшемъ кабинетѣ Сперанскаго и своими руками промывалъ песокъ съ золотой розсыпи.

— Что это вы дѣлаете, Иванъ Ефимычъ?—спросилъ я.

— А вотъ пробую, можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ.

Былъ по-старому любезенъ, привѣтливъ, радъ былъ моему посѣщенію. Я, конечно, не напоминалъ ему о прежней его славѣ, а онъ не

казался огорченнымъ своимъ положеніемъ; я съ нимъ пріятельски простился, онъ поцѣловалъ меня и сказалъ: «дѣлаетъ честь вашему сердцу, что не забыли старой дружбы». Я искренно пожелалъ ему, чтобы вышло изъ его труда что-нибудь хорошее. А вотъ что вышло: въ 40-ыхъ годахъ, «Король» не зналъ куда дѣвать денегъ. Дѣтей у него не было, онъ швырялъ сотнями тысячъ во всѣ стороны на всякія благотворенія, даже положилъ огромный капиталъ, процентами съ котораго должны оплачиваться подати мѣщанъ г. Иркутска. Онъ былъ пожалованъ статскимъ совѣтникомъ, имѣлъ много орденовъ и до конца жизни, обѣими руками дѣлалъ добро и не могъ истратить своихъ капиталовъ. Какимъ случаемъ разбогатѣлъ этотъ бѣднякъ? А именно исполнилось мое желаніе при прощаньи. Одинъ ссыльный былъ долго въ бѣгахъ и случайно нашелъ богатую золотую розсыпь. По старой памяти, онъ принесъ пудъ этого песку и подарилъ Кузнецову. Вотъ за работой этого песка я и засталъ горемыку «Короля». Оказалась эта розсыпь столь богатою, что изъ ста пудовъ песку добывалось около фунта золота. Какое же богатство попало Кузнецову? За то онъ и не зналъ счета своимъ деньгамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Э. И. Стогова[1].

IV[1].

Отъѣздъ Стогова въ Якутскъ, а потомъ въ Охотскъ. — Назначеніе командиромъ судна «Михаилъ». — Плаваніе въ Камчатку.—Пожаръ на суднѣ. — Характеристика каторжныхъ и ихъ жизнь.—Докторъ Беневскій.—Помѣщикъ и его камердинеръ въ одномъ острогѣ.—Петропавловскій портъ.—Жизнь въ Камчаткѣ.—Волканы.—Бытъ мѣстныхъ жителей.

Наступила зима, и мы отправились въ Якутскъ, гдѣ областнымъ начальникомъ былъ Миницкій, бывшій морякъ. Онъ былъ сначала начальникомъ въ Охотскѣ и, бывши въ Иркутскѣ, женился на старшей дочери Трескина и получилъ Якутскъ въ приданое. Миницкій былъ уже очень пожилой человѣкъ, довольно умный и способный дѣлецъ; его любили въ Якутскѣ. Жена его была очень недурна, но наклонностями — вся въ маменьку.

Мы легко сошлись съ нею, но Миницкій, видѣвшій наши отношенія, на страстной недѣлѣ объявилъ намъ, что начальникъ въ Охотскѣ проситъ какъ можно скорѣе отправить къ нему двухъ лейтенантовъ—Стогова и Повалишина.

Изъ Якутска въ Охотскъ—около 1.300 верстъ. Обыкновенно, всѣ отправляются лѣтомъ на нанятыхъ лошадяхъ въ Якутскѣ верхомъ; можно ѣхать и зимою, но тогда на почтовыхъ, путь очень трудный: сначала верстъ 120 въ повозкахъ, потомъ верстъ 300 верхомъ на лошадяхъ, потомъ верстъ 650 верхомъ на оленяхъ, остальной путь на

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1903 г.

собакахъ. Не взирая на трудность пути, я уговорилъ Повалишина ѣхать немедля. Послѣ оказалось, что Миницкій все выдумалъ: никакого требованія отъ охотскаго начальника не было, но Миницкому хотѣлось избавиться отъ насъ.

Мы, молодежь, не подумали, что на предстоящемъ пути нѣтъ ни одного жилья, и о запасахъ на дорогу не позаботились. Миницкій даже со злобы не упредилъ насъ, а распорядился отпустить съ нами пудовъ пять сухарей, два фунта чая и голову сахара, да на первые дни жаренаго мяса. Морозы были еще очень сильны, домовъ на станціяхъ нѣтъ, тѣснились въ бѣдныхъ тунгузскихъ юртахъ и находили тамъ самую скудную пищу. Помню, ѣхавши на оленяхъ, остановились кормить ихъ и отпустили на волю; олени разгребаютъ въ 2 — 3 аршина снѣгъ, находятъ подъ нимъ мохъ и наѣдаются. Мы встали передъ свѣтомъ, взяли тунгузскій котелокъ, положили сухарей и снѣга, и сами вскипятили на разведенномъ огнѣ. Это былъ день Христова воскресенья; мы похристовались и принялись разговляться сухарями съ снѣжной водой; ѣли съ аппетитомъ и находили наше кушанье очень вкуснымъ и отъ души смѣялись надъ своимъ положеніемъ. Молодость, здоровье—это истинное богатство.

Въ Охотскѣ былъ злой начальникъ Ушинскій, онъ былъ капитанъ 1-го ранга. Ушинскій крайне былъ удивленъ нашимъ пріѣздомъ; тутъ мы узнали, что онъ и не думалъ насъ требовать. Квартиру намъ отвели у лазаретнаго коммиссара Окулкова. Это былъ старикъ, выслужившійся матросъ, его звали Алексѣй Михайловичъ, жена его, Анна Ивановна—была за нимъ за третьимъ мужемъ, у нихъ былъ одинъ сынъ — лѣтъ 12-ти. Старики были рѣдкой доброты; я всѣ 12 лѣтъ жилъ на одной этой квартирѣ.

Охотскъ стоитъ на самомъ берегу Охотскаго моря, отдѣляется отъ него грядой Курильскихъ острововъ. Океанъ страшными своими волнами накидалъ низенькій мысъ—можетъ быть, сажени двѣ отъ горизонта моря; грунтъ изъ мелкаго круглаго камня, земли и песку нѣтъ. Этотъ низенькій мысъ шириною версты двѣ и уже. На этомъ мыскѣ: портъ, верфь, казармы и домики отставныхъ матросовъ. Жителей въ городѣ съ командами до двухъ тысячъ. Вотъ куда закинула меня судьба, но на другой день я, къ удивленію своему, приглашенъ былъ въ театръ. Театръ былъ въ пустой казармѣ, играли какую-то комедію и не дурно. Послѣ первой пьесы, подсѣлъ ко мнѣ щегольски одѣтый молодой мужчина красавецъ, почти мнѣ ровесникъ. Это былъ одинъ изъ служащихъ въ Американской компаніи, Анастасій Изотовичъ Ленже; онъ воспитывался въ коммерческомъ училищѣ и очень хорошо былъ образованъ, служилъ бухгалтеромъ и былъ душою затѣи—театра. Тутъ же въ театрѣ, мы съ нимъ сошлись и до конца его жизни были

друзьями. Этотъ превосходный человѣкъ, послѣ сдѣлавшись правителемъ факторіи, проживалъ до 40 тысячъ руб. въ годъ, но потомъ спился и умеръ въ крайней бѣдности.

Въ Охотскѣ строился корабль «Михаилъ», я былъ назначенъ командиромъ его и получилъ приказаніе отправиться на немъ въ Камчатку, въ Петропавловскую гавань. Походъ былъ весьма благополучный, но случилось одно важное происшествіе: какъ помощника у меня не было, то раздѣваться и выспаться не приходилось—спалъ на палубѣ и урывками. Какъ-то выдался прекрасный тихій день. Барометръ стоялъ высоко, мнѣ захотѣлось понѣжиться, я раздѣлся и легъ спать въ каютѣ, это было въ 10-мъ часу утра. Вдругъ показался дымъ изъ трюма. Боцманъ Шкулевъ пришелъ разбудить меня, будилъ, поднималъ, а я спалъ, какъ въ летаргическомъ снѣ. Дымъ становился гуще, и почти вся команда пришла будить меня; очнулся и удивился, увидавъ полную каюту людей. Мнѣ доложили, что пожаръ на кораблѣ.

— Такъ что же вы не тушите?

— Не знаемъ какъ.

Я отдалъ первоначальныя распоряженія и сталъ одѣваться, но, разумѣется, обдумывалъ, что̀ мнѣ дѣлать. Приходитъ Шкулевъ и говоритъ, что дымъ сильнѣе.

— Пожалуйте наверхъ.

— Не идти же мнѣ въ одномъ сапогѣ, — отвѣчалъ я хладнокровно, вотъ надѣну другой сапогъ и выйду.

Помпы были поставлены за бортъ, гребныя суда были готовы къ спуску. Дымъ дѣйствительно былъ густъ, и люди не выдерживали. Я приказалъ намочить полотенца, обвязалъ рты матросамъ, и они долѣе выдерживали. Вынимая грузъ наверхъ, пробирались къ тому мѣсту, откуда шелъ дымъ, при чемъ оказалось, что плита въ кухнѣ лопнула, прогорѣлъ войлокъ, протаялъ свинецъ и загорѣлись запасныя матроскія койки. Потушили. Долго послѣ того, если двое заспорятъ, и одинъ разгорячится, то ему говорили: да ты надѣнь сапогъ.

Подойдя къ Курильскимъ островамъ, я осмотрѣлъ третій островъ—это огромная и голая скала безъ пристани. Курильскіе острова и берега Камчатки — это громадный хребетъ горъ, уставленный высочайшими волканами, океанъ—полонъ морскими звѣрями: киты, касатки, дельфины, морскіе львы, а близко берега — множество разнообразныхъ тюленей. Морскихъ птицъ множество. Все это было ново для меня и очень занимало. На горизонтѣ я увидѣлъ какую-то массу и много птицъ; я пошелъ туда, оказалось, это былъ мертвый китъ, и милліоны птицъ дѣлили добычу и дрались между собою, какъ собаки. Все было ново, любопытно, и этотъ походъ вознаграждалъ меня за лишенія въ далекой сторонѣ. Власть командира и торжество науки надъ препят-

ствіями и опасностями окончательно пристрастили меня къ морской службѣ. Петропавловская гавань, какъ гавань—не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ мірѣ. Входъ не шире $^3/_4$ мили, длиною, какъ каналъ, около 7 миль. Большая гавань можетъ помѣстить флоты всего міра; изъ этой гавани выходятъ три небольшія гавани, въ которыхъ, ни въ какую бурю не возмущается вода. Въ одной изъ этихъ маленькихъ гаваней, на скатѣ двухъ горъ—пріютились строенія и церковь. Все бѣдно, все мелко, но это Камчатка—12 тысячъ верстъ отъ Москвы.

Еще въ Охотскѣ, я сдѣланъ былъ презусомъ военнаго суда. Тамъ ни уѣзднаго и никакого не было, и я былъ слѣдователемъ по всѣмъ происшествіямъ. Въ 20 верстахъ отъ Охотска, по берегу моря, стоитъ саловаренный заводъ, на которомъ работаютъ каторжные, но какіе каторжные,—неподдавшіеся исправленію ни отъ какихъ наказаній. Всѣ они вытерпѣли нѣсколько наказаній кнутомъ и, какъ послѣдняя мѣра, сосланы въ Охотскъ. Это отпѣтые люди, учинившіе не одно убійство, презирающіе всякое наказаніе и какъ бы ищущіе сдѣлать преступленіе. Это люди, которыхъ всѣ боялись, и по заведенному порядку — каторжный не имѣлъ права подходить къ чиновнику ближе 6-ти аршинъ.

Стоитъ того, чтобы я поговорилъ объ этомъ народѣ.

Въ первую весну, какое-то слѣдствіе привело меня на заводы. Я уже много слышалъ о характерѣ этихъ молодцовъ и составилъ себѣ идею о нихъ. Я еще засталъ тамъ знаменитаго Карцова, бывшаго поручика гвардіи; это былъ человѣкъ саженнаго роста, съ нѣкоторымъ образованіемъ и поэтическимъ понятіемъ о чести и благородствѣ; онъ былъ атаманъ небольшой шайки разбойниковъ человѣкъ 5—6 не болѣе. Всякую весну онъ убѣгалъ и командирствовалъ на дорогѣ, между Якутскомъ и Охотскомъ; зимой являлся, судился, наказывался плетями, а весною опять уходилъ. Старикъ при мнѣ уже не бѣгалъ. Подобные ему отверженцы, лишенные всѣхъ человѣческихъ правъ, дорожили болѣе жизни—свободою. Какою же свободою, когда всю жизнь проводили въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ? а все-таки и у нихъ была свобода по своему понятію. Каторжныхъ было человѣкъ болѣе 300, изъ нихъ женатые имѣли особые домики, а всѣ холостые жили въ общей казармѣ посреди площади за желѣзными рѣшотками и за строгимъ карауломъ. Холостымъ дозволялось послѣ работы ходить въ гости къ женатымъ, вотъ тутъ-то и были ихъ клубы, тутъ происходила азартная игра въ какія-нибудь 15—20 картъ, на капиталъ 30 коп., но азартъ былъ совершенно такой же, какъ въ игрѣ на 100 тыс. руб. Тутъ влюблялись въ чужихъ женъ, тутъ смертельно ревновали, бывали и убійства; тутъ же составлялись сговоры на побѣги, — однимъ словомъ, хотя это былъ и грязный міръ падшаго человѣка, но человѣкъ и въ этотъ міръ перенесъ съ собою страсти, да еще въ крайней степени. Каторжный,

если не имѣлъ на себя жалобы, вмѣшательство начальника считалъ нарушеніемъ своей свободы, и тогда начальникъ берегись. Если же бывала жалоба, тогда виновнаго можно наказать жестоко, и начальникъ не виноватъ, онъ исполнилъ законъ, а закону должны повиноваться всѣ.

Пріѣхавъ въ заводъ, я увидѣлъ удивительную охоту на безчисленныхъ озерахъ. Я былъ молодъ, а молодость просилась на подвигъ. Я выбралъ трехъ каторжныхъ изъ самыхъ отчаянныхъ, приказалъ расковать, посадилъ въ лодку, и мы отправились на охоту. Пристали я къ острову, приказалъ каторжнымъ развести огонь, жарить и ѣсть птицу, а самъ завернулся въ шинель и будто бы заснулъ. Одинъ изъ нихъ, Андрюшка, сказалъ, что я долженъ быть честный человѣкъ. Другой подтвердилъ и прибавилъ: «да, онъ честный и храбрый, потому что подлецъ не довѣрился бы намъ, варнакамъ, а онъ спитъ, какъ ангелъ». Третій сказалъ: «вотъ на такого человѣка не поднимается и рука». Они наѣлись, а я будто проснулся, и мы поѣхали домой. Дорогой я спросилъ:

— Можетъ быть, изъ васъ кто-нибудь намѣренъ бѣжать?

Молчатъ.

— Я спрашиваю васъ не по службѣ, а по секрету,—продолжалъ я.

Андрюшка, глядя исподлобья, сказалъ вполголоса, что онъ убѣжитъ.

— Когда?

— Завтра.

— А кандалы?

— Да это царское, я повѣшу на деревѣ.

— А что ты будешь ѣсть?

— Да я зимой спряталъ въ дуплѣ сухарей и крупы, а тамъ, что Богъ пошлетъ.

— Ребята, я ничего не слыхалъ, секретъ.

— Слушаемъ-съ,—отвѣчали они.

Пріѣхали; я приказалъ заковать по положенію и очень былъ доволенъ своимъ днемъ. Остановить Андрюшку — безполезно, онъ бѣжитъ въ другое время, а я только озлоблю его и другихъ. По утру получаю рапортъ, что изъ числа ходившихъ на рубку дровъ Андрюшка бѣжалъ. Сдѣлано было законное распоряженіе о поимкѣ, но Андрюшки и слѣдъ простылъ. Въ тотъ же день, каторжные шептали: «съ этимъ бариномъ можно жить, онъ честный и благородно держитъ слово». Съ первымъ снѣгомъ Андрюшка явился на гауптвахту, гдѣ я случился на то время. Онъ повалился мнѣ въ ноги и цѣловалъ ихъ, благодарилъ за то, что я не помѣшалъ ему бѣжать.

— Дуракъ, вѣдь тебя накажутъ плетьми?

— Что же, батюшка, это не твое дѣло, не ты, а законъ наказываетъ, а ты выше закона не будешь.

Но вотъ еще замѣчательный разсказъ объ Иванѣ Мѣдянцевѣ. Онъ только-что убилъ въ казармѣ одного каторжнаго кандалами по головѣ. Его наказали кнутомъ, и онъ успокоился.

Мѣдянцевъ изъ ярославскихъ мѣщанъ, лѣтъ 32-хъ, вершковъ 10-ти роста, хорошо сложенъ, гибокъ, силенъ, грамотенъ. Послѣ каждаго убійства онъ усердно читалъ Библію—это была его потребность.

Съ устройства завода, никто и никогда не входилъ въ холостую казарму каторжныхъ, а обыкновенно выкликали поименно. Я первый рѣшился пойти, за мной вошли караульные съ ружьями, но что могутъ сдѣлать караульные тамъ, гдѣ достаточно одного удара кандалами по головѣ? Я караульнымъ приказалъ выйти вонъ. Я былъ въ форменномъ сюртукѣ, въ эполетахъ, но безъ сабли. Вошелъ и поздоровался. Болѣе 200 человѣкъ на нарахъ, въ два этажа, загремѣли цѣпями, всѣ поднялись и здоровались. Боже мой, что за искаженныя физіономіи и въ такой массѣ предстали предъ меня! Но это люди, и я держалъ себя, какъ съ людьми, хотя другіе и считали ихъ хуже звѣрей. Какъ водится, хозяева просили меня садится, но я не рѣшался, видя много ползающихъ насѣкомыхъ. Догадались, нашли доску, вытерли. Я началъ съ участія къ ихъ быту, спрашивалъ, нѣтъ ли обидъ, каково кормятъ и проч. Дошелъ я и до нравственнаго отвѣта въ будущей жизни.

— Отнимать жизнь,—сказалъ я,—дѣло непоправимое,—великъ отвѣтъ передъ Богомъ, и обратился съ увѣщаніемъ къ Мѣдянцеву.

Онъ искренно признался, что онъ самъ мерзокъ себѣ, послѣ убійства.

— Такъ зачѣмъ же ты убиваешь?

— А вы думаете, я радъ тому: бываетъ такое время, не знаетъ человѣкъ покоя, сна нѣтъ, все красно въ глазахъ, куда бы нибудь спрятался, а на эту пору, какой-нибудь дрянной человѣкъ досаждаетъ, ну, и не помнишь, какъ хватишь его чѣмъ попало и почему попало. Тогда опомнишься, когда убьешь, да уже поздно. Явится новая непріятность за убійство (наказаніе), да уже не поправишь, вотъ такъ и живешь.

Подобный разсказъ о какомъ-то болѣзненномъ пароксизмѣ я слышалъ отъ многихъ и въ разныхъ мѣстахъ, и полагаю едва-ли это не истерическій припадокъ отъ сильныхъ потрясеній при наказаніи кнутомъ. Это физіологическое состояніе организма стоило бы разъясненія.

Поговоривши съ каторжными по-человѣчески часа два, я простился съ ними; они напутствовали меня молитвами, пожеланіями и, видимо, имъ понравилось мое посѣщеніе. Смотрителемъ завода былъ чиновникъ Мелехинъ, онъ оскорбилъ Мѣдянцева, нарушилъ свободу. Оскорбленный

не вынесъ, разругалъ смотрителя на весь заводъ. Мелехинъ взялъ его съ примкнутыми штыками и приковалъ къ стѣнѣ на цѣпь. Мѣдянцевъ объявилъ, что хочетъ открыть важный секретъ, Мелехинъ подошелъ, Мѣдянцевъ рванулся на цѣпи, но ошибся, только разрѣзалъ платье и легко ранилъ Мелехина; Мѣдянцева наказали, признали неисправимымъ и сослали въ Камчатку. Тамъ снимали кандалы и давали свободу—только живи смирно. Мѣра эта, по бо̀льшой части, удавалась, каторжный смирялся и доживалъ вѣкъ въ Камчаткѣ.

Заговоривъ о каторжныхъ, буду продолжать. Я не умѣлъ бы сказать, какихъ національностей не было между каторжными саловаренаго завода. Разъ, проѣзжаетъ чрезъ Охотскъ въ Америку докторъ Беневскій. Среди разговора онъ сказалъ, что знаетъ всѣ языки Европы и почти всѣ—Азіи. Я промолчалъ, но уговорилъ его посмотрѣть саловаренный заводъ, на что̀ онъ охотно согласился. На заводѣ приказано было отобрать людей разныхъ націй, и Беневскому былъ представленъ длинный рядъ: турокъ, персіянъ, армянъ и почти всѣ племена Европы. Я предложилъ Беневскому поговорить съ каждымъ изъ нихъ. Но каково же было мое удивленіе, когда онъ спросилъ персіянина: изъ какой онъ провинціи, и началъ говорить поговорками его родины, пропѣлъ даже пѣсню. Такъ прошелъ онъ весь фронтъ и каждому сказалъ нѣсколько родныхъ имъ прибаутокъ, пѣлъ ихъ народныя пѣсни и каждаго дразнилъ, какъ дразнятъ на его родинѣ. Беневскій уѣхалъ на службу Американской компаніи—въ Ситху. Года чрезъ три, мнѣ сказали, что Беневскій цѣлый годъ жаловался болью головы, наконецъ, сошелъ съ ума и заговорилъ на всѣхъ языкахъ, такъ что никто не понималъ его.

Узнали мы, что въ заводъ ссылается тамбовскій помѣщикъ Алмазовъ, гдѣ находился бывшій его камердинеръ. Исторія такая: Алмазовъ дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи, конечно, тайно, въ глуши сада, въ бесѣдкѣ. Какъ-то пронюхалъ онъ, что его работу подглядѣлъ камердинеръ. Алмазовъ взвелъ какъ-то убійство на камердинера и, посредствомъ денегъ, достигъ того, что невиннаго камердинера сослали въ каторжную работу. Любопытно намъ было поглядѣть, какъ встрѣтятся они. Алмазовъ былъ еще довольно молодъ, тщедушный, съ плохимъ здоровьемъ. Камердинеръ встрѣтилъ бывшаго своего барина дружелюбно, даже съ оттѣнкомъ почтенія. Алмазовъ не могъ исполнять даннаго урока на работѣ, камердинеръ помогалъ и много дѣлалъ за барина, чинилъ ему обувь, платье. Всѣхъ насъ тронула честная доброта камердинера, и мы назначили его въ неспособные и выпустили на вольное пропитаніе, а Алмазова, какъ бывшаго дворянина, взяли въ городъ и числили мастеровымъ при портѣ, т. е. Алмазовъ жилъ въ городѣ на волѣ. Камердинеръ, получившій свободу, поселился съ бариномъ и можно сказать трудами своими пропитывалъ его. Алмазовъ надѣлалъ

разныхъ куколъ, сочинялъ разныя комедіи и, дѣйствуя куклами и разными голосами, весьма искусно представлялъ «Петрушку», ходя по домамъ. Мы всѣ охотно платили ему за труды, и онъ тѣмъ и существовалъ при казенномъ пайкѣ. Было въ заводѣ человѣкъ шесть такъ-называемыхъ «фальшивыхъ монетчиковъ». Это были всѣ самые кроткіе люди, хорошіе рисовальщики и рѣзщики. Каждый годъ, лѣтомъ изъ завода бѣжало нѣсколько человѣкъ, иногда составляли шайки, и тогда на дорогѣ между Охотскомъ и Якутскомъ они были властителями. Бѣглые одиночки существовали воровствомъ, но бывали шайки бѣглыхъ,—тогда они были дерзкими хозяевами. Послѣ смерти Карцева, долго не составлялись шайки, да и послѣ не каждый годъ; ловить ихъ на огромномъ и безлюдномъ пространствѣ не было никакой возможности; зимой же, бѣглые сами являлись въ Охотскъ. Эти шайки всегда имѣли атамана, есаула, поручика и два, три рядовыхъ. Они знали всѣ пути транспортовъ, казеннаго не трогали, но купецъ рѣдко проходилъ, не заплатя пошлины. При купеческихъ транспортахъ обыкновенно ѣхалъ приказчикъ; бѣглые останавливали транспортъ, и атаманъ спрашивалъ накладную. Если приказчикъ не покорялся, то его раздѣвали, на мягкія мѣста клали зажженный трутъ и выжидали покорности. Если накладной при транспортѣ не было, то разбивали всѣ сумы и ящики и выбирали, что имъ нужно, а если накладная была, то назначали по нумерамъ тѣ ящики, которые должны быть отданы имъ, брали, что имъ нужно, и отпускали. Разумѣется, главную статью составляла французская водка и одежда, напримѣръ: круглая шляпа, хорошіе сапоги и проч. Чай, сахаръ—само-по-себѣ. Купцы переносили бѣду, какъ неизбѣжное зло.

Но вернемся къ своему разсказу. Въ Петропавловскую гавань каждый годъ приходили американцы съ товарами, и намъ, морякамъ, государь дозволилъ запасаться всѣмъ безпошлинно, но пользовались этимъ правомъ всѣ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ томоженныхъ нѣтъ. Камчатка нетерпѣливо ждетъ корабль изъ Охотска: тутъ и запасы, и продовольствіе, и прихоти привозятъ купцы, тутъ же и почта—эта единственная ниточка, которою Камчатка привязана къ цивилизованному міру. Въ Иркутскъ приходитъ почта каждую недѣлю, въ Якутскъ—каждыя двѣ недѣли, въ Охотскъ—каждый мѣсяцъ, въ Камчатку—одинъ разъ лѣтомъ, да не всегда, другой разъ доходитъ зимой.

Въ Петропавловской гавани домъ для капитана корабля, прехорошенькій, стоитъ на полгорѣ, венеціанское свѣтлое окно, три комнаты и кухня. По горѣ, во многихъ мѣстахъ бѣгутъ родники, а потому въ каждый домъ проведена струя воды на кухню. Для команды не далеко казарма. Осенью, пришелъ американскій корабль съ товаромъ, корабль почему-то былъ подъ испанскимъ флагомъ, а потому на кораблѣ, для наружности, былъ молоденькій испанецъ Маркезо, уроженецъ Мексики.

Въ послѣднее время, онъ игралъ весьма важную роль генерала въ Мексикѣ, но тогда былъ еще юношей, игралъ на гитарѣ и пѣлъ романсы. Корабль запоздалъ, ночью выпалъ первый снѣгъ. Маркезо, не имѣвшій понятія о снѣгѣ, вздумалъ сдѣлать выгодную спекуляцію: всѣ свои бутылки съ виномъ, съ прованскимъ масломъ—вылилъ прямо въ море и давай набивать бутылки снѣгомъ и все это секретно. Но какова же была его печаль, когда къ полдню, въ его бутылкахъ оказалось по нѣсколько ложекъ мутной воды—бѣдный Маркезо плакалъ. Вблизи домовъ гавани, есть великолѣпное озеро, оно замерзло, и Маркезо, увѣрялъ, что нигдѣ не видалъ такихъ большихъ зеркалъ, какъ цѣлое озеро. Наступила зима и начались вечеринки — эти маленькіе балы. Жена начальника Рикорда, Людмила Ивановна, очень милая особа; не имѣя дѣтей, она собрала къ себѣ пять хорошенькихъ дѣвочекъ, дочерей дьячковъ и мѣщанъ, прилично одѣла ихъ, выучила грамотѣ и танцамъ.

Жившій со мою путешественникъ, англичанинъ Кокранъ, часто проводилъ время у Рикорда. Разъ я спросилъ Кокрана:

— Отъ чего вы не женаты?

— Не хотѣлъ быть дуракомъ перваго ранга,—отвѣчалъ онъ.

Но однажды зимой Кокранъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ нравится Оксинька, я хочу жениться на ней.

— Такъ ты хочешь быть дуракомъ перваго ранга?

— Да, и ты будешь дуракомъ перваго ранга,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Оксинька — Ксенія Ивановна—дѣвочка прехорошенькая, лѣтъ 17-ти, была въ числѣ пяти воспитывающихся у Людмилы Ивановны. Она была дочь дьячка при церкви въ Большерѣцкѣ. Ихъ было пять сестеръ, и всѣ были красавицы: старшая вышла замужъ за коммиссіонера американской компаніи, вторая за купца, третья за попа, а Оксинька за Кокрана. Свадьба Кокрана устроилась скоро. Когда ихъ обручали, Оксинька страшно плакала и кричала: «не хочу за Кокрана, хочу за Повалишина». Сколько возможно, свадьба была обставлена парадно. Отъ дома Рикорда до церкви дорога выстлана была сукномъ (которое шло на обмундировку командъ), по бокамъ дороги—горѣли фалшфееры. Я и лейтенантъ Саполовичъ были шаферами Кокрана. Онъ былъ уже въ церкви, а мы, шафера, должны были проводить въ церковь Оксиньку. Какъ мы ни уговаривали ее, она молчитъ и не идетъ; я шепнулъ Саполовичу: «понесемъ ее». Взяли ее подъ локти и снесли въ церковь. Я научилъ Кокрана отвѣчать попу: «согласенъ». Попъ Иванъ, уроженецъ Камчатки, при вѣнчаніи, имѣлъ обыкновеніе говорить рѣчь. Вѣнчая камчадалъ, онъ говорилъ:

— Если ты не будешь любить своей жены, то первый медвѣдь раздеретъ тебя», а невѣстѣ: «если ты не будешь любить мужа, то онъ будетъ

несчастливъ на охотѣ, а ты не увидишь ни шелковаго платка, ни шелковой тѣлогрѣйки.

Когда попъ Иванъ спросилъ Кокрана: «согласенъ ли поять въ жены юже предъ собою видѣши?» Кокранъ отвѣчалъ: «Здравствуй, благодарствуй». Послѣ рѣчи о медвѣдѣ свадьба считалась совершенною.

Былъ въ гавани старичекъ англичанинъ Бутлеръ, онъ давно уже попался въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, наказанъ по-русски кнутомъ, вырваны ноздри и поставлены на лицѣ знаки. Это былъ образованный старикъ, жилъ, ничего не дѣлая, кой-какъ рисовалъ портреты, картинки, образа—и тѣмъ существовалъ безъ нужды. Бутлеръ нарисовалъ замысловатый транспарантъ съ сердцами, стрѣлами, амурами и вензелями. Транспарантъ горѣлъ надъ воротами дома Рикорда — было все въ порядкѣ, но всякій изъ насъ зналъ, что эта свадьба, какъ карикатура, сочинена была Рикордомъ, для потѣхи.

Послѣ веселаго ужина, молодыхъ проводили въ домъ капитана Калмыкова, уложили спать и заперли двери. Поутру, я еще былъ въ постели, какъ является ко мнѣ Кокранъ, безъ сапогъ, въ одной фланелевой одеждѣ. Я, конечно, былъ изумленъ. Кокранъ объяснилъ, что, проснувшись и вспомня, что онъ не сказалъ мнѣ наканунѣ, что не будетъ къ чаю, предположилъ, что, вѣроятно, я ожидаю его, искалъ платье и сапоги, но не нашелъ, потому что дверь была заперта. Не быть у меня къ чаю онъ считалъ нечестнымъ и потому вылѣзъ въ форточку и прибѣжалъ въ чемъ спалъ.

— А что же Оксинька?—спросилъ я.

— Она спитъ.

Мы пили чай и завтракали вмѣстѣ, какъ обыкновенно. Вотъ типъ англичанина! Воображаю, какъ была удивлена Оксинька, проснувшись и не найдя мужа.

Кокранъ никогда не говорилъ, но я догадывался, что онъ былъ нанятъ богатою англійскою компаніею собрать свѣдѣнія о чукчахъ и корякахъ и дойти до устья рѣки Анадыра, собрать свѣдѣнія о ихъ промыслахъ и о возможности завести торговлю около Берингова пролива. Но Кокранъ изъ Колымы не рѣшился пробраться къ чукчамъ, хотѣлъ попробовать, нельзя ли достигнуть того же изъ Камчатки, оказалось—тоже невозможно. Не имѣя возможности сдержать даннаго слова, онъ, какъ англичанинъ, рѣшился выкинуть штуку—жениться на камчадалкѣ. Это надѣлало шуму въ его отечествѣ, и Кокранъ сдѣлался львомъ въ Англіи, это все, чего онъ хотѣлъ достигнуть.

Я поѣхалъ по рѣкѣ Камчаткѣ. Не доѣзжая селенія Ганалы, есть острожекъ Малка, тутъ горячія минеральныя воды и при нихъ больница. Эти воды почти 80° R: въ семь минутъ варится мясо, въ 4 минуты рыба, а яицо, не успѣешь прочитать «Отче нашъ»—и готово. Видѣлъ я, грыз-

лись собаки, и одна ступила ногою въ родникъ, и вынула ногу голую—слѣзла шерсть. Около обильнаго горячаго родника близко течетъ родникъ холодный въ 4° тепла; воду мѣшаютъ и лѣчатся отъ многихъ болѣзней. Камчадалъ тонокъ, сухощавъ, безъ бороды и усовъ, съ густыми и длинными волосами на головѣ, заплетенными въ косы; вообще, камчадала отъ камчадалки отличить трудно. Въѣзжая въ село Ключи, повсюду встрѣчаешь мужчинъ съ густыми русыми бородами и усами, народъ ширококостный, бѣлотѣлый, тогда какъ камчадалъ брюнетъ съ мѣднымъ отливомъ. Жители Ключей поражаютъ невольно, но это объясняется тѣмъ, что еще Екатерина II, желая обрусить этотъ край, приказала набрать нѣсколько русскихъ семействъ и поселить ихъ въ Камчаткѣ. Съ тѣхъ поръ, русаки обжились, размножились, но не мѣшаются съ камчадалами, и живутъ и говорятъ чисто по-русски. Въ селѣ двѣ церкви. Живутъ богато, занимаются огородничествомъ, но пашни не имѣютъ, о хлѣбѣ забыли, питаются рыбою и звѣроловствомъ, имѣютъ довольно скота и благословляютъ свою судьбу. Я остановился у попа Михаила и всю ночь не спалъ, любуясь волканомъ. Въ Камчаткѣ ихъ много. Меня изумлялъ громадный столпъ пламени, полный искръ. Со мною была зрительная труба, въ которую я хорошо видѣлъ, что кажущіяся огненныя искры есть огромные камни, которые, падая на сопку, долго катились по бокамъ ея и пропадали въ пропастяхъ. При взрывахъ сопки, не было землетрясенія, но стучали рамы и двери въ домѣ. Картина величественная и страшная, но народъ привыкъ и всѣ спали спокойно. Иногда громъ сопки разбудитъ отца Михаила и онъ сквозь сонъ промычитъ: «вишь какъ вздымаетъ». По утру пришелъ ко мнѣ другой попъ, Іоаннъ, и разсказалъ съ особымъ удовольствіемъ, что у него, въ эту ночь, сдѣлалось угодье: около самаго скотнаго двора образовалась большая яма.

— Мы съ работникомъ, говорилъ онъ, связали два шеста и не достали дна; я собралъ возжи и всѣ, какія были отъ неводовъ веревки, связалъ, привязалъ камень и не досталъ дна, а приложишь къ ямѣ ухо—слышенъ только шумъ. Право угодье, мы съ работникомъ порадовались, что теперь не нужно вывозить навоза, вали въ яму—небось, не завалишь.

Такъ радостно разсказывалъ попъ Іоаннъ, и ему въ голову не приходило, что этотъ провалъ могъ случиться подъ самымъ его домомъ. Привычка; освоились съ волканомъ, какъ мы съ становымъ. Я, признаюсь, во все время, не могъ привыкнуть къ этому потрясающему явленію. Смотря на эту необъятную массу огня, постоянно извергаемую изъ вершины гиганской горы, этотъ снопъ пламени, стремящійся высоко въ пространство, снопъ, полный громадныхъ камней, накаленныхъ добѣла, соображая эту подземную силу и величину невиднаго горна,

воображеніе уничтожаетъ самого человѣка до нуля, и онъ чувствуетъ себя не господиномъ міра, а ничтожною пылинкою.

Изъ села Ключи, по льду рѣки Камчатки, проѣхавъ острожекъ Камакъ (что значитъ по-камчадальски «дьяволъ») верстъ 15, дорогу мнѣ перегородилъ сплошной хребетъ горъ до 2.000 футъ высоты. Рѣка Камчатка, уходя въ хребетъ, такъ замаскировывается, что не видать ея русла. Ясно видно, что эта огромная рѣка прорвала этотъ хребетъ и между оборванныхъ боковъ горъ, какъ въ коридорѣ или ущельи—течетъ 15 верстъ. Подъѣхавъ къ подножію горъ, я невольно остановился и увидѣлъ разомъ пять волкановъ и всѣ извергающія пламя и дымъ. Это единственный пунктъ въ Камчаткѣ, съ котораго видно разомъ столько сопокъ. Прежде бывшій городъ, а теперь селеніе Нижне-Камчатскъ, стоитъ на рѣкѣ Камчаткѣ. Я остановился у благочиннаго отца Никифора, которому было подъ 90 лѣтъ. Онъ родился въ Камчаткѣ, отецъ его былъ тоже благочиннымъ, заѣхавшимъ изъ Россіи, и жилъ слишкомъ 100 лѣтъ. Никифоръ былъ строгой нравственности, глубоко религіозный, но добрый; это былъ мой духовный отецъ. Никифоръ былъ ширококостный, толстый, средняго роста, волоса русые и ни одного волоса сѣдаго, но что удивительно, у него не было и признака бороды и усовъ, онъ былъ вдовъ, дѣтей не было. Старика любила и почитала вся Камчатка.

При мнѣ, въ Нижне-Камчатскѣ было сильное землетрясеніе. Шла заутреня, діаконъ стоялъ на амвонѣ и получилъ такой толчекъ, что съ амвона перекинуло его подъ престолъ, народъ попадалъ въ церкви, доски потолка въ алтарѣ вышли изъ стѣны и повисли. Съ о. Никифоромъ я ѣздилъ на устье рѣки Камчатки.

Около Нижне-Камчатска есть гора, называемая «Осыпь», она замѣчательна тѣмъ, что очень похожа на сотъ воска у пчелъ, только въ большомъ видѣ. Въ каждой ячейкѣ крѣпко втиснутъ круглый камень болѣе кулака; разбивши камень, въ каждомъ находится окаменѣлая раковина. Захотѣлось мнѣ перевалить чрезъ Среднекамчатскій хребетъ, отъ Ключей, верстахъ въ 35, на рѣкѣ Еловкѣ. Подъ хребтомъ есть острожекъ Еловка, отсюда и начинается подъемъ на хребетъ. Погода стояла превосходная, но хребетъ покрытъ былъ облаками. Камчадалы говорили о невозможности перебраться чрезъ горы, такъ какъ тамъ величайшая пурга. Прожилъ я недѣлю, хребетъ не показывался, соскучился и рѣшился ѣхать. Набралось попутчиковъ человѣкъ 15, я взялъ лучшаго провожатаго Кирилу и поѣхалъ. На половинѣ подъема хребта шелъ густой снѣгъ, хотя внизу было ясно. Камчадалы уговаривали вернуться, но я не послушалъ. Еще до свѣта мы проѣхали опасное мѣсто, называемое «Столбовая тундра»—это вершина гребня, шириною мѣстами нѣсколько саженъ; по обѣ стороны тундры—пропасти, а куда ни взглянешь: гора на

горѣ—хаосъ невообразимый. Поднявшись на самый хребетъ, мы нашли не пургу, а тучи снѣжныя, такъ-что на аршинъ нельзя видѣть предмета. Уже было три часа по полудни, а мы не знали, гдѣ мы. Всѣ санки были привязаны другъ за дружку, чтобы не разлучаться. Вдругъ Кирило закричалъ: ко, ко, ко,—значитъ, опасность; оказалось, что двѣ передовыя его собаки упали въ пропасть и повисли на ошейникахъ—мы находились на краю неизвѣстной пропасти. Рѣшились тутъ ночевать. Я собралъ всѣхъ около себя и, чтобы насъ не занесло снѣгомъ, то мы безпрестанно вставали и отряхались, а чтобы не уснуть, проговорили всю ночь. Не помню какъ, но передъ свѣтомъ, я на полчаса сдремнулъ, оказалось, что меня по поясъ засыпало снѣгомъ. Двѣ нарты камчадальскія, въ каждой по 6-ти собакъ, такъ занесло, что не могли найти слѣдовъ, такъ и отступились. Долго мы бились, но около полдня перевалили черезъ хребетъ на западную сторону и только начали спускаться, какъ передъ нами открылось безоблачное небо и повѣяло тепломъ. Описывая этотъ перевалъ и говоря о хребтѣ я выразился:

Ничто здѣсь не растетъ,
Ничто не зеленѣетъ,
Комаръ здѣсь не поетъ,
Червякъ ползти не смѣетъ.

Спустясь съ хребта, я видѣлъ диво дивное: отроги горъ образовали узкую долину, всю тѣсно наполненную дикими оленями. Мы едва могли удержать собакъ, кричали на оленей, бросали въ нихъ камнями, но олени бросятся отъ насъ и, встрѣтя плотно сплоченную массу и не имѣя выхода—возвращались назадъ. Ружей съ нами не было, мы стояли около двухъ часовъ, пока дальніе олени стали расходиться и ближайшіе могли дать намъ дорогу. Камчадалы говорили, что необыкновенная пурга согнала всѣхъ оленей съ хребтовъ. Но сколько ихъ тутъ было? и счета нѣтъ. Тутъ вершина рѣки Тигиля и тутъ выстроена юрта, въ которой мы ночевали. До Тигиля верстъ 60—70, мы проѣхали быстро. Тигиль была крѣпость во времена перваго занятія Камчатки русскими, но теперь крѣпости и знака нѣтъ, хотя тамъ существуетъ комендантъ изъ флотскихъ офицеровъ. Въ Тигилѣ есть церковь, больница безъ доктора, которой управляетъ фельдшеръ Дунаевъ, есть 12 штатныхъ казаковъ и купецъ 2-ой гильдіи Ворошиловъ. Казаки—это потомки первыхъ завоевателей Камчатки. Бо̀льшихъ патріотовъ, какъ эти казаки, я не видалъ во всю мою жизнь. Сынъ казака, достигнувъ 18 — 20 лѣтъ, зачисляется на службу, присягаетъ и служитъ вѣрою и правдою 25—30 лѣтъ, получаетъ солдатскій паекъ хлѣба и то не всегда полный—болѣе ничего. Одежды, жалованья казакъ не получаетъ. Обязанности его службы неограничены—онъ въ полномъ и безотчетномъ повиновеніи ближайшаго начальника. Казаки отапливаютъ всѣ казенныя зданія, обя-

заны имѣть собакъ, для гоньбы и для командировокъ. Лѣтомъ, казаки ловятъ рыбу для начальника и обработываютъ его огороды, словомъ, казакъ на службѣ — рабъ. Такихъ усердныхъ и ретивыхъ служивыхъ рѣдко можно видѣть, поведенія—всѣ отличнаго, даже званіемъ своимъ гордятся. Я всегда удивлялся патріотизму казаковъ и любовался ихъ прекраснымъ характеромъ. Казакъ вѣжливъ, гостепріименъ, усерденъ, честенъ и совершенно преданъ начальнику и все за одинъ ничтожный паекъ. Онъ носитъ форменную куклянку съ краснымъ воротникомъ и обязанъ имѣть собственную саблю и винтовку. Только старость увольняетъ его на покой. Чувство повиновенія, дисциплина, уваженіе къ старшему казаку—врожденно у этихъ людей.

Верстъ 300 отъ Тигиля, по берегу Охотскаго моря стоитъ острожекъ Ича, тутъ церковь, священникъ, при чемъ обыкновенно сынъ наслѣдуетъ отцу. Въ Камчаткѣ всѣмъ священникамъ разрѣшена охота на звѣрей, и попы всѣ охотники. Въ Ичѣ отецъ Іоаннъ побывалъ въ лапахъ медвѣдя, но кончилось счастливо; медвѣдь, помявъ попа, переломилъ ему лѣвую руку наполовинѣ между локтемъ и плечомъ; кость не срослась, и я видѣлъ удивительное явленіе. По просьбѣ моей, Іоаннъ снялъ перевязку съ руки, и вдругъ рука вытянулась почти до полу. Въ переломленномъ мѣстѣ образовалась не толстая веревка изъ жилъ и кожи. Попъ собралъ кожу къ плечу, приставилъ кость къ кости, связалъ въ лубки, и стала рука, какъ рука, но онъ не можетъ свободно ею дѣйствовать. Старику лѣтъ за 80, онъ служитъ заутрени и ѣздитъ для исполненія требъ по селеніямъ. Изъ Ичи я доѣхалъ до Большерѣцка и нашелъ его небольшимъ селомъ, остановился у общаго любимца попа Алексѣя. Онъ извѣстенъ былъ подъ общимъ названіемъ: чача. Это былъ добрякъ, весельчакъ, гостепріименъ и любилъ выпить. Къ приходу чачи принадлежали и Курильскіе острова, куда онъ на байдарѣ отправлялся разъ въ два — три года для исполненія требъ. Изъ Большерѣцка я возвратился въ Петропавловскій портъ.

Переведенный въ Петербургъ адмиралъ Рикордъ просилъ меня отвезти его и Кокрана съ семействами въ Охотскъ. Я приготовилъ корабль къ походу. Кромѣ Рикорда и Кокрана со мной отправились человѣкъ 40 пассажировъ. Капитанскую каюту занялъ Рикордъ съ женою, каюту для моего помощника я отдалъ Кокрану съ женою, а самъ помѣстился въ общей второй палубѣ, гдѣ и устроилъ временныя каютки и общую залу. Такъ какъ у меня не было помощника, то я бо́льшую часть сутокъ проводилъ на верхней палубѣ. Кокранъ выпьетъ 3—4 стакана пуншу и, уложившись на мою койку спать, оставляетъ Оксиньку одну. Желая уснуть хотя передъ свѣтомъ и не добудившись Кокрана, я, не раздѣваясь, ложусь спать въ ногахъ Оксиньки; каково же удивленіе молодой жен-

щины, когда она, проснувшись, видитъ у ногъ своихъ мужчину. Людмила Ивановна (Рикордъ) не разъ заставала меня спящимъ и хохотала.

Благополучно подошли мы къ Курильскимъ островамъ и уже были во входѣ въ проливъ, какъ подулъ противный вѣеръ; судя по облакамъ, я ожидалъ крѣпкаго вѣтра, барометръ сильно падалъ, былъ уже вечеръ. На кораблѣ былъ пассажиръ, американецъ Толманъ, онъ подошелъ ко мнѣ и весело сказалъ:

— Вотъ завтра пройдемъ Курильскіе острова.

— Можетъ быть, и нѣтъ,—отвѣчалъ я.

Толманъ предложилъ пари: когда пройдемъ проливъ, я долженъ былъ дать ему четыре соболя, а пока не пройдемъ, онъ будетъ платить мнѣ по соболю въ сутки. Я согласился. По утру буря съ противнымъ вѣтромъ, туманъ, потомъ штормъ, двѣ недѣли сильный противный вѣтръ унесъ насъ на параллель Парижа. Толманъ заплатилъ мнѣ сверхъ данныхъ мною 4 соболей, своихъ 10 соболей. Наконецъ, вѣтръ сталъ тише, и мы, хотя и съ трудомъ, вошли въ гавань.

Около Рождества я поѣхалъ прокатиться по Камчаткѣ, отъѣхалъ уже 400 верстъ, встрѣтилъ почту изъ Охотска и вернулся, такъ интересна тамъ почта. Перечитавъ почту, я отправился вновь, у меня уже вездѣ были знакомые, да я и самъ ознакомился съ нравами камчадаловъ. Что такое камчадалъ? Я убѣжденъ, что этотъ народъ, не урожденный Азіи. Складъ его, физіономія, ничто не походитъ на коренныя азіатскія племена. Языкъ — чрезвычайно мягкій, нравы, обычаи — кротки. Азіатецъ — темнокожъ, камчадалъ болѣе желтоватъ, какъ бы съ мѣднымъ отливомъ. Бороды, усовъ нѣтъ у всего племени, волоса на головѣ какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ—черные, очень густые и необыкновенно длинные; мужчины носятъ длинныя косы, заплетая по-женски, два раза обматываютъ ихъ около головы. Голосъ у мужчинъ—мягкій теноръ, у женщинъ—необыкновенно высокій сопрано. Пѣсни ихъ заунывны, протяжны и очень трудны для подражанія. Екатерина II, собирая всѣ народы въ Коммиссію Уложенія, удивлялась голосамъ камчадаловъ, но камчадалъ и камчадалка не могутъ жить внѣ Камчатки, они умираютъ скоро, какъ швейцарцы—тоскою по родинѣ. Камчадалы всѣ христіане и христіане—душою и тѣломъ. За 300, 400 верстъ, камчадалъ съ женою ежегодно ѣдутъ говѣть. Это честнѣйшій народъ на земномъ шарѣ—въ этомъ я увѣренъ. Столѣтній протопопъ родился въ Камчаткѣ и знаетъ всякаго камчадала и предковъ до 3-го колѣна. На вопросъ мой случалось ли ему видать драку между камчадалами, онъ мнѣ отвѣчалъ, что никогда не слыхалъ грубаго слова между ими, супруги живутъ какъ любовники до старости. Воровство между ими совершенно неизвѣстно. Я не могъ растолковать имъ, что̀ такое нищій въ Россіи, они

слушали и не вѣрили. Когда я представилъ имъ, какъ нищій проситъ Христа ради, они спросили: чего же онъ проситъ?

— Ѣсть.

— Да пусть бы пришелъ и ѣлъ, на что же просить.

Камчадалы и камчадалки, всѣ говорятъ по-русски, не совсѣмъ правильно, но говорятъ, напримѣръ: мой жена, я тебѣ корову-то принесъ и проч.; для домашняго обихода употребляютъ свой языкъ. Камчадалъ чрезвычайно опрятенъ, изба его съ русской печкою и съ трубою. Камчадалка готовитъ кушать въ шелковомъ платкѣ съ золотыми цвѣтами, часто въ шелковой тѣлогрѣйкѣ; печку каждый день бѣлитъ, полы, лавки, стулья и столы каждый день моетъ, стѣны и потолокъ моетъ каждую недѣлю, домовъ безъ досчатаго пола—нѣтъ. Камчадалъ безъ чая—не живетъ, у каждаго есть тарелки, стаканы, чайныя чашки, ножи и вилки; не покрывши стола, кушанья не поставятъ. Болѣе всего любятъ чай и хорошій, водку пьютъ, но нечасто, пьяные—тихи, ласковы. Во всѣхъ случаяхъ жизни руководствуются своими преданіями, которыя хранятся въ памяти стариковъ, старость—чрезвычайно уважается. Родительская власть мягка и ласкова, дѣти послушны. Я смотрѣлъ на этотъ народъ, какъ на отломокъ какого-то великаго и высшей цивилизаціи народа. Кто скажетъ, откуда пришелъ этотъ народъ? А кто скажетъ, откуда взялся народъ на Сандвичевыхъ островахъ и островахъ Дружества?

Остановившись разъ у камчадала, остановиться у другаго хозяина нельзя, первый хозяинъ счелъ бы себя глубоко оскорбленнымъ. Подъѣзжая къ дому камчадала, хозяинъ и хозяйка съ сіяющими лицами и радостію встрѣчаютъ гостя.

— Здравствуй, чача, здоровъ ли? спрашиваютъ они. — А мы тебя ждали, ждали, думали, не случилось ли чего.

Хозяинъ распрягаетъ собакъ и убираетъ санки, хозяйка раздѣваетъ, и будьте увѣрены: одежда, обувь ваша внимательно осмотрѣны и все починено, если нужно. Входя въ чистый домъ, видишь, что печка уже топится и готовится кушанье, самоваръ кипитъ и для хозяйки лучшее удовольствіе разливать чай. Камчадалы очень словоохотливы, съ ними не скучно. Послѣ обѣда, хозяинъ всегда даритъ соболя, либо лисицу—это за сдѣланное ему посѣщеніе. Разумѣется, не принять нельзя, но я всегда отдаривалъ равноцѣнно, и хозяинъ не отказывался. Прогости два, три дня, хозяинъ въ восторгѣ, похвали его собаку, онъ непремѣнно запряжетъ ее тебѣ. Если случалось мнѣ поднести старикамъ по рюмочкѣ водки, то они непремѣнно устроятъ вечеринку, соберутъ молодежь и откроютъ балъ. Какъ-то капитанъ-лейтенантъ Захаровъ ѣхалъ на перемѣнныхъ собакахъ; ему показалось, что камчадалъ тихо запрягаетъ

собаку, и Захаровъ ударилъ камчадала. Онъ съ доброй улыбкой и тихо сказалъ:

— Ты, чача, видно гнѣваешься, можетъ, я не умѣлъ сдѣлать, такъ ты скажи, какъ я долженъ сдѣлать, я сдѣлаю, только бы не разсердить тебя; ты скажи, а я, право, все сдѣлаю.

Подобное доброе хладнокровіе хоть кого обезоружитъ.

Камчатка и всѣ родившіеся въ Камчаткѣ оставили во мнѣ навсегда воспоминаніе, что это люди святые. Такой спокойной, безпечной, съ отрицаніемъ чувства объ опасности, съ совершеннымъ отсутствіемъ идеи о могущей быть непріятности—другой страны и народа, нѣтъ на земномъ шарѣ. Вспоминая о людяхъ, родившихся въ Камчаткѣ, я не могу себѣ иначе представить, что тамъ родятся съ улыбкою, живутъ смѣючись и умираютъ въ тихомъ спокойствіи. Объ убійствахъ, грабежахъ, воровствахъ—тамъ никто не подумаетъ, потому что нѣтъ ссоръ, нѣтъ зависти—всякій имѣетъ все, что ему нужно безъ тяжкаго труда; желанія ограничены, а кто желаетъ имѣть болѣе, тому стоитъ поболѣе трудиться, и пріобрѣтеніе никого не тревожитъ, потому, что пріобрѣтая, никого не лишаетъ. Тамъ совѣсть человѣка не возмущается, тамъ человѣкъ засыпаетъ безъ мысли о прошедшемъ днѣ и просыпается безъ мысли о могущей быть непріятности. Всѣ довольны, всѣ счастливы, всѣ добры. Лицемѣрію—нѣтъ мѣста. Гдѣ не родилась жадная зависть, тамъ не родилось и притворство, честное сердце—всегда искренно, встрѣчая человѣка съ привѣтливымъ поклономъ, слыша слова любви и дружбы, вѣрь, ни въ чемъ нѣтъ задней мысли, скрытаго замысла, все это простое побужденіе добраго сердца. Въ такой странѣ, поживши, самъ дѣлаешься добрѣе, честнѣе; довѣрчивость дѣлается господствующимъ чувствомъ. Мужъ—любовникъ своей жены до смерти, жена—любящій другъ и помощница своего мужа. Жизнь семейная — тиха, трудъ раздѣленъ и исполняется свято въ повиновеніи древнимъ преданіямъ, старость уважается, старики нѣжны и снисходительны къ юности. Юноша гордится, дѣлаясь помощникомъ своимъ родителямъ. Слава молодаго человѣка состоитъ въ любви и преданности къ отцу и матери. Спрашиваю, можно ли безъ теплаго чувства любви и удивленія вспоминать о такой странѣ, живя въ нашей средѣ—полной пороковъ, коварства, зависти и лицемѣрія.

Живя такъ долго въ Камчаткѣ, я не припомню ни одного непріятнаго слова, ни одного часа, который бы напомнилъ мнѣ непріятное чувство, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Вотъ почему писать воспоминанія о Камчаткѣ — для меня наслажденіе, жизнь моя въ Камчаткѣ повториться не можетъ ни въ какой странѣ. Живя тамъ, я сознавалъ всю цѣну счастливой жизни, уѣзжая въ Россію, на родину, въ страну цивилизаціи—я горько и неутѣшно плакалъ. Я сознавалъ, что, оставляя ее, погружаюсь въ омутъ коварства, зависти и ежеминутной

злобной хитрости. Я зналъ, что я теряю и что найду, и нашелъ борьбу съ жизнію.

Скажу нѣсколько словъ о курильцахъ. Основная ихъ пища морскія птицы, а какъ прилагательная — морскія звѣри и рыба.—Религія курильцевъ, есть смѣсь: шаманства съ идолопоклонствомъ.—Всѣ народы Азіи—бѣдны волосами, у многихъ—нѣтъ и признака волосъ на лицѣ. Курильцы, напротивъ, имѣютъ такое обиліе волосъ, что я другаго племени волосатаго и не знаю на земномъ шарѣ. Курильцевъ и по языку и по наружности нельзя не признать—особымъ племенемъ, можетъ быть, тоже какой-нибудь остатокъ большаго народа, спасшійся на островахъ при древнихъ переворотахъ на земномъ шарѣ.

При этомъ случаѣ, я разскажу извѣстный и любопытный случай.—Сандвичевы острова и островъ Дружества существовали, не зная другъ о другѣ. Одинъ англійскій лейтенантъ оказалъ какія-то услуги королю Сандвичевыхъ острововъ, король предложилъ англичанину—дать орденъ, для чего надобно было подвернуться татуированію колѣна.—Лейтенантъ, для странности, согласился на эту операцію—Старый жрецъ накололъ ему какой-то рисунокъ на тѣлѣ колѣна и затеръ краскою.—Это, конечно, служило шуткою для англичанина, онъ переѣхалъ на острова Дружества—кажется, болѣе 600 миль, тамъ вздумалъ купаться, при этомъ случился жрецъ, который, увидавъ рисунокъ на колѣнѣ—повергся въ прахъ и объявилъ, что лейтенантъ—Т а б у, т. е. неприкосновененъ, какъ особа священная.—Курильцевъ—очень мало, стоило бы сохранить ихъ типъ.—Продолженіе Курильскихъ острововъ—есть Японія, но это опять отдѣльное, маловолосатое племя.—Растительность Курильскихъ острововъ—бѣднѣе Камчатки.—Морскіе бури, то съ запада, то съ востока, не даютъ развиваться растительности, однако, кой-что есть одинаковое съ Камчаткою. Если растительность бѣдна, то зато море обильно снабжаетъ разною пищею. — Далѣе втораго острова я не захотѣлъ ѣхать и пошелъ въ Охотскъ.—Прощаясь съ Тигилемъ, я слушалъ пѣсню, сочиненную одной прехорошенькою дѣвочкою, дочерью казака:

На Тагильскомъ на мыску,
Погружаюсь въ грусть, тоску,
Лишь карабликъ за мысокъ,
А я млада въ голосокъ,—и проч. и проч.

Изъ этого можно заключить, что и у камчатскихъ дѣвушекъ есть сердца, умѣющія тосковать.

(П р о д о л ж е н і е с л ѣ д у е т ъ).

Записки Э. И. Стогова.

V [1]).

По пути изъ Охотска въ Кронштадтъ.—Бытъ якутовъ, тунгусовъ и чукчей.—Г. Якутскъ. — Поѣздка въ Кяхту.—Китайскій обѣдъ. — Троицкосавскъ.—Іоакинфъ Бичуринъ.—Г. Иркутскъ.—Положеніе солдатъ и каторжныхъ.

Въ Охотскѣ предстояла надобность послать корабль въ Ситху, а это до 6.000 миль сквернаго плаванія. Я такъ полюбилъ тихій и маленькій Тигиль, что мнѣ грустно было и подумать не прозимовать еще хотя разъ въ Тигилѣ. Съ трудомъ отказался я отъ непріятной экспедиціи и ушелъ въ Тигиль. Кажется, весь городъ выѣхалъ на устье встрѣчать меня; радость всѣхъ жителей была не притворная. На устьѣ я сдѣлалъ для всѣхъ балъ, т. е. выпили полфунта чаю и полведра водки, съѣли много пряниковъ и орѣховъ. Въ Тигилѣ повторилась прошлогодняя жизнь: каждый день отмѣчался совершенно безмятежнымъ спокойствіемъ, тихими удовольствіями и ни малѣйшей непріятностью. Зимой явились коряки, уже старые друзья. Осень была бурная, капитанъ-лейтенантъ Захаровъ потерпѣлъ кораблекрушеніе въ устьѣ рѣки Большой. Весною я получилъ предписаніе: идти въ Большерѣцкъ, забрать спасенный грузъ и команду, грузъ отвезти въ Петропавловскую гавань, а команду въ Охотскъ. Предчувствіе не обмануло меня, я весною прощался съ Тигилемъ навсегда. Забравъ все съ разбившагося корабля, отправился въ гавань; туманъ меня преслѣдовалъ. Въ гавани сдалъ грузъ и отправился въ Охотскъ. Тамъ строился новый корабль «Камчатка», на который я и былъ назначенъ командиромъ. Весною я

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1903 г.

получилъ приказаніе возвратиться въ Кронштадтъ, на мое мѣсто пріѣхалъ Бутаковъ. Отправляясь изъ Питера, Бутаковъ былъ у бывшаго начальника Камчатки—Станицкаго и просилъ его дать ему наставленіе, какъ жить и быть въ томъ краю?

— Почтеннѣйшій,—сказалъ ему Станицкій,—въ Европѣ считается первымъ политикомъ Каподистрія. Если онъ первый, то конечно второй политикъ Эразмъ Ив. Стоговъ, совѣтую вамъ дѣлать все то и такъ же, какъ онъ.

На основаніи словъ Станицкаго, Бутаковъ и обратился ко мнѣ съ просьбою поучить его, какъ жить и быть. Прощаясь съ краемъ, я не имѣлъ въ памяти ни одного горькаго о немъ воспоминанія. Помню, переѣзжая въ лодкѣ черезъ рѣку, мое воображеніе нарисовало мнѣ счастливое и тихое прошедшее и картину будущаго, полнаго обмана, коварства, лицемѣрія, лжи, зависти и проч. Будущее представлялось мнѣ какой-то бурей, взамѣнъ свѣтлаго прошедшаго, и я расплакался истерически.

Изъ Охотска я поѣхалъ на обратныхъ лошадяхъ, которыя привозили разныя тяжести; я заплатилъ за нанятыхъ мною лошадей по 5 р. ассигнац. за 1.000 слишкомъ верстъ. Пространство до Якутска проѣзжается въ 25 дней. Удивительные люди, эти погонщики-якуты! У нихъ нѣтъ ни одной народной пѣсни, но якутъ ѣдетъ и цѣлый день поетъ; я любопытствовалъ знать, что же онъ поетъ? Якутъ видитъ хорошее дерево и импровизуетъ: «вотъ ты дерево красиво, но ты стоишь здѣсь безъ всякой радости, еслибъ ты росло около моей юрты, я бы въ хорошій день привелъ мою милую, мы сѣли бы подъ твою тѣнь и миловались и цѣловались, и ты поняло бы свою пользу, а то растешь въ пустынѣ, ни себѣ, ни другимъ не приносишь пользы, прощай, дерево, я о тебѣ болѣе не вспомню». Якутъ проѣхалъ дерево и пѣснѣ конецъ; хорошая лужайка, ручеекъ, озерко и проч., все, что видитъ якутъ, для всякаго предмета импровизуетъ пѣсню. Для всѣхъ пѣсенъ—одинъ мотивъ.

Якуты—народъ полудикій, но добрый, кроткій, услужливый; живутъ они своими стадами лошадей и коровъ, кумысъ—ихъ пища и лакомство. Якутъ не прочь украсть лошадку или корову, но рѣдко бываетъ, чтобы хозяинъ не нашелъ вора по слѣду, даже по городскимъ улицамъ; якутъ не потеряетъ слѣда украденной скотины—искусство, едва вѣроятное. Якутъ болѣзней, кажется, никакихъ не знаетъ: худѣетъ отъ недостатка пищи, почернѣетъ, сморщится, согнется, но, дождавшись весны, а съ ней кумыса, тотъ же якутъ дѣлается толстъ, морщины пропадаютъ, выпрямляется — узнать нельзя. Якуты очень долговѣчны. Хотя они считаются христіанами, но настоящая вѣра ихъ—шаманство и идолопоклонство. Якутскій шаманъ—есть колдунъ и лѣкарь. Много ѣсть—составляетъ славу якута, и такіе ѣдоки называются: батырь (богатырь).

Никакой праздникъ не обходится безъ батыря, и въ этомъ отношеніи есть индивидуумы удивительные. На одной свадьбѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ призванный батырь съѣлъ: цѣлаго жаренаго дикаго гуся, хорошую часть телятины, курицу и послѣ того, снявъ верхнее платье, сѣлъ передъ каминомъ и ковшемъ пилъ топленое масло. Онъ выпилъ полтора пуда и только потому, что болѣе не было, во время ѣды и питья онъ разсказывалъ объ удивительныхъ подвигахъ батырей—его отцѣ, дѣдѣ, о своихъ подвигахъ обжорства. Я смотрѣлъ и удивлялся.

Я заговорилъ объ якутахъ, не пріѣхавши еще въ Якутскъ, но такъ пришлось. Дорога между Охотскомъ и Якутскомъ—это гористая пустыня, достояніе кочующаго тунгуса. Но что такое тунгусъ? Перваго тунгуса я увидѣлъ на рѣкѣ Ленѣ, въ Олекмѣ, на постояломъ дворѣ. Это былъ маленькаго роста человѣкъ, съ широкой костью, съ кривыми ногами, лицо широкое, носъ едва замѣтенъ, глаза черные, тонко чуть-чуть прорѣзанные, волоса черные, длинные и жесткіе. Это былъ совершенно дикій человѣкъ, чистой монгольской породы. Говорилъ онъ съ трудомъ, пискливымъ голосомъ, похожимъ на крикъ птицы. Онъ пришелъ въ гости и принесъ шкуры бѣлокъ, соболей, лисицъ. Разумѣется, онъ напьется и все отдастъ русскому задаромъ, получитъ въ долгъ порохъ и свинецъ и отправится въ лѣсъ, куда глаза глядятъ. Одежда его состоитъ изъ шкуръ, почти не выдѣланныхъ. Тунгуса называли старикомъ, но у него не было ни сѣдыхъ волосъ, ни усовъ, ни бороды. Меня сильно заинтересовалъ этотъ первый экземпляръ, и я старался приласкать его.

— Есть ли у тебя жена?—спросилъ я.

— Нѣтъ и не было.

— Отчего?

— Я бѣденъ; на что мнѣ жена, жена нужна богатому.

— Гдѣ ты живешь?

— Гуляю.

— Гдѣ гуляешь?

— Не знаю; вездѣ: въ лѣсахъ и на тундрахъ.

— Въ какой сторонѣ?

— Не знаю; сегодня здѣсь, а лѣтомъ въ Колымѣ или на Амурѣ.

— Видаешься ты съ другими тунгусами?

— Какъ же, видаюсь; я иду и тунгусъ идетъ; я его вижу, и онъ меня видитъ, я пойду своею дорогой, онъ своей.

— О чемъ же вы говорите?

— О чемъ говорить тунгусу, мнѣ и ему нечего говорить.

— Не бываетъ ли тебѣ скучно?

— Зачѣмъ скучно, тунгусъ сытъ—не скучно, тунгусъ голоденъ—надобно добыть пищу,—не скучно, гуляю.

Тунгусъ сидитъ всегда на полу, сложивъ ноги на крестъ; наступитъ ночь, онъ, какъ сидитъ, такъ и склонится на бокъ и спитъ, скорчась.

— Тебѣ не страшно въ лѣсу одному?—спросилъ я.

— Чего страшно, лѣсъ большой; медвѣдю не страшно и мнѣ не страшно.

— Случалось тебѣ встрѣчаться съ медвѣдемъ?

— Какъ же, случалось. Да вотъ шелъ я сюда, кушать было нечего, оставалась только бѣлка, да послѣдняя пуля въ винтовкѣ, а еще было далеко. Я развелъ огонь и сталъ жарить бѣлку, слышу, лаетъ моя собачка на звѣря, посмотрѣлъ, а ко мнѣ идетъ на заднихъ лапахъ пребольшущій медвѣдь, злой, съ пѣной у рта. Я легъ за колоду, нацѣлилъ ружье и выждалъ; когда онъ подошелъ ко мнѣ близко, я выстрѣлилъ, медвѣдь упалъ, собачка обнюхала и начала теребить его; я посмотрѣлъ, медвѣдь глядитъ во всѣ глаза, значитъ, умеръ. А ты помни,—прибавилъ онъ наставительно,—когда будешь стрѣлять, то если медвѣдь упадетъ и закроетъ глаза, то онъ притворяется,—не подходи.

— Скажи мнѣ, что ты думалъ, когда цѣлилъ въ медвѣдя? вѣдь у тебя былъ послѣдній зарядъ, думалъ ты что или нѣтъ?

— Тунгусъ всегда думаетъ, и я думалъ: я тебя убью, то я тебя съѣмъ, а не убью, то ты меня съѣшь,—какъ не думать,—думалъ.

— Ты откуда пришелъ?

— Гулялъ. Какъ убилъ медвѣдя, то мѣсяцъ ѣлъ его и пришелъ сюда.

— Гдѣ ты гулялъ?

— Зимой былъ въ Колымѣ, лѣтомъ былъ недалеко отъ Гижиги.

— Какъ ты знаешь дорогу?

— Дорога вездѣ; тунгусъ все знаетъ.

— А гдѣ тебѣ лучше?

— Вездѣ хорошо; лучше, гдѣ больше звѣря.

— Тебѣ хотѣлось жениться?

— Зачѣмъ жениться, я сирота, бѣдный; дѣвка дорого стоитъ, колыма нѣтъ, одному лучше.

— Случалось тебѣ голодать?

— Какъ же, случалось, восемь дней не ѣлъ ничего; весна худо, иду къ морю, тамъ много корму.

— Ты крещеный?

— Какъ же, 10-ть лѣтъ, какъ крестился.

— Бываешь въ церкви?

— Одинъ разъ былъ, какъ крестился; попъ далъ рубашку и пять фунтовъ табаку, церковь далеко, ходить нѣтъ времени.

Весь этотъ разговоръ шелъ съ помощію хозяина, тунгусъ худо понималъ, но еще труднѣе выражался. Это былъ первый видѣнный

мною типъ; послѣ, въ Охотскѣ, я много имѣлъ знакомыхъ тунгусовъ— всѣ на одинъ ладъ.

Въ концѣ марта въ Охотскѣ тунгусы поставили 4—5 своихъ юртъ на берегу моря. Катерина Карловна (супруга Ушинскаго), я, Ленже и кто-то еще въ хорошій день пошли пѣшкомъ къ нимъ въ гости. Подошли къ первой юртѣ, она была крайне бѣдна, прикрыта сшитой березовой корой. Тунгусы живутъ по одиночкѣ и юрты очень малы; въ юртѣ никого не было, имущества почти никакого. Вторая юрта—тоже пуста, но мы увидѣли на тропинкѣ что-то движущееся, черное. Мы пошли навстрѣчу и что же увидѣли? Ребнокъ, какъ мать родила, одинъ ползетъ по снѣгу, при морозѣ градусовъ 18-ть. Мы къ нему, онъ остановился, скалитъ зубенки и ворчитъ сердито, какъ собака. Мы отошли, а онъ торопливо поползъ. Пришли за мальчишкой въ юрту, тамъ была старуха, она голаго ребенка зарыла въ теплую золу, дала ему кусокъ жира; онъ съ удовольствіемъ сосалъ и жиръ мѣшался съ золою. Старуха сказала, что всѣ мужчины на охотѣ за тюленями на льду, а женщины пошли въ городъ къ знакомымъ. Тунгусъ двухъ дней не проживетъ на одномъ мѣстѣ; каждый день, хотя на сажень, но переставитъ свою юрту. Проклиная своего сына, тунгусъ говоритъ: «чтобы ты жилъ три дня на одномъ мѣстѣ, какъ гніютъ русскіе».

Тунгусъ шаманъ и идолопоклонникъ, но впрочемъ, считаются всѣ христіанами. Есть тунгусы оленные и пѣшіе. Нѣтъ сомнѣнія, прежде всѣ тунгусы были съ оленями, но разныя неудачи лишили ихъ оленей, и образовались тунгусы пѣшіе. Тунгусы не живутъ родами, какъ коряки, жизнь по одиночкѣ содѣйствовала обѣднѣнію многихъ тунгусовъ. Мнѣ не случилось видѣть двухъ семействъ вмѣстѣ, всегда: мужъ, жена, одинъ и рѣдко два ребенка. Наступаетъ утро, мужъ говоритъ женѣ, чтобы она кочевала вонъ въ ту сторону.

— Вонъ та сопка, вершина которой видна, должна остаться у тебя налѣво; дойдешь къ вечеру до рѣчки, и поставь юрту, а я тебя найду.

Мужъ становится на лыжи, ружье за спину и пошелъ въ противную сторону. Жена собираетъ свою бѣдную юрту на небольшія салазки, сама надѣваетъ лучшее свое платье и уборы, сажаетъ за спину ребенка, становится тоже на лыжи, и при помощи лямки тянетъ за собою салазки. Если есть собачка, то подпрягаетъ и ее, а если двѣ собачки, то ей легко. Снѣгъ глубокъ, морозъ жестокъ, иногда мятель, тунгуска никогда не была въ этой сторонѣ, но это для нея все равно: она идетъ по указанію. Она обходитъ сопку съ правой стороны, останавливается у рѣки, становитъ свою бѣдную юрту, разводитъ огонь и хорошо, если можетъ что поѣсть, а нѣтъ, терпѣливо ждетъ мужа. Приходитъ мужъ, и если охота была счастлива, жена готовитъ кушанье,

а несчастлива охота, не принесъ мужъ ничего, ложатся голодные съ надеждою на завтра. Завтра—то же, что̀ сегодня, и такъ каждый день, цѣлую жизнь. Попробуй отнять эту грустную жизнь у тунгуса, дай ему довольство, онъ и жена умрутъ съ тоски.

Наступаетъ весна—худшее время для тунгусовъ, рѣки разливаются, таявшіе снѣга наполняютъ долины водою, тунгусъ заранѣе приближается къ берегу моря и превращается въ рыболова: промышляетъ тюленей, морскихъ утокъ.

Тунгусъ добръ, услужливъ; имѣетъ что, угоститъ радушно, но какъ азіатецъ вспыльчивъ и мстителенъ. Каждый тунгусъ умѣетъ все сдѣлать для себя и не нуждается въ чужой помощи. Когда счастлива охота, тунгусъ ѣстъ цѣлый день и спитъ, пока не съѣстъ всего, даже и потомъ онъ съ удовольствіемъ спитъ дней пять не ѣвши. Пять дней не ѣсть для тунгуса не голодъ, на шестой день онъ подумаетъ о пищѣ и поднимется на промыселъ. Добылъ медвѣдя или пару тюленей, онъ опять ѣстъ и спитъ, запасовъ никакихъ и никогда тунгусъ не имѣетъ.

Красота тунгузки состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно меньше былъ лобъ, глаза какъ щелочки, прорѣзанныя бритвой, чѣмъ меньше носъ, тѣмъ красивѣе; чѣмъ шире лицо, тѣмъ милѣе. Онѣ маленькаго роста, широкой кости, видна сила въ мускулахъ. Одѣваются тунгуски, какъ мужчины: тарбасы, мѣховые штаны, нагрудникъ, шитый бисеромъ, и сверхъ всего кожаный кафтанъ, не сходящійся на груди, поясъ малахай мѣховой.

Теперь скажу нѣсколько словъ о чукчахъ. Они одѣваются сколько можно эффектно, и все платье шьется такъ, чтобы оно представляло толстаго человѣка, широко, пышно. Свободныя минуты, какъ дома, такъ и въ дорогѣ, чукчи посвящаютъ точенію своихъ пальмъ, копій, стрѣлъ и всякую минуту готовы на войну. Чукчи не подходятъ къ русскимъ селеніямъ, они живутъ близъ Берингова пролива. Это воинственный, и храбрый народъ; у нихъ болѣе всего уважается сила, какъ у корякъ краснорѣчіе. Чукчи, одинъ разъ въ годъ, выходятъ на рѣку Анадыръ, верстахъ въ 300, 400 отъ Гижиги. Казаки и купцы изъ Гижиги выѣзжаютъ туда же, и тамъ происходитъ мѣновая торговля. Въ старые годы, довѣрчивые русскіе не принимали мѣръ осторожности, и чукчи не упустили случая напасть на нихъ. Съ тѣхъ поръ русскіе поставили тамъ избушку съ амбразурами и какія-то допотопныя ржавыя двѣ пушечки. Передъ вооруженнымъ станомъ русскіе кладутъ кучками свои товары и уходятъ. Чукчи не воры и чужаго не возьмутъ. Они приносятъ свой товаръ и, соображая цѣну, противъ русскаго товара кладутъ свой: куницъ, песцовъ, лисицъ, соболей и моржовую кость. Положитъ онъ свой товаръ и уйдетъ. Русскій подходитъ и если находитъ выгоднымъ мѣну, то беретъ товаръ, и тогда послѣ приходитъ чукча и беретъ

русскій товаръ. Если же русскій купецъ не доволенъ товаромъ чукчи, то его не трогаетъ, а чукча либо прибавляетъ своего товара, а если находитъ невыгоднымъ, то уноситъ свой товаръ, и тѣмъ дѣло кончается. Послѣ окончанія торга, начинается угощеніе съ обѣихъ сторонъ. Чукчи любятъ водку, но стыдятся быть пьяными. Они садятся кружкомъ, пьютъ водку и молчатъ,—присутствія разума не теряютъ. Чукчи устраиваютъ праздникъ со стрѣльбою въ цѣль, съ борьбою, бороться—страсть чукчей. Всегда находятся молодые казаки, молодцы-побѣдители. Чукчи не скрываютъ своего удивленія и почтенія къ побѣдителю и особенно его угощаютъ, дѣлаютъ ему подарки. На Анадыръ приходитъ половина чукчей торговать, другая половина ходитъ въ Колыму, и тамъ такая же ярмарка.

Но пора намъ въ Якутскъ.

Этотъ областной городъ имѣлъ тогда 5 т. жителей, одинъ каменный домъ, купца Колесова. Якутскъ на великолѣпной рѣкѣ Ленѣ, до 7 верстъ ширины. Въ немъ двѣ недѣли лѣтомъ не заходитъ солнце. Морозы бываютъ до 40 и 44°. Послѣдній морозъ сопровождается густѣйшимъ туманомъ, совершенною тишиною и если собрать духъ въ груди и разомъ дунуть въ воздухъ, то слышится легкій трескъ. Земля въ Якутскѣ не протаиваетъ болѣе полуаршина, и покойники тамъ всѣ нетлѣнны. Я ѣлъ пятилѣтнюю говядину, хранившуюся въ погребахъ. Въ 44° мороза я для опыта прошелъ двѣ версты въ холодной шинели, въ холодныхъ сапогахъ, холодной фуражкѣ и не чувствовалъ холода. Тишина. Сѣверныя сіянія—великолѣпнѣе быть не могутъ, какъ въ Якутскѣ, и описать это изумительное зрѣлище невозможно. Первое, что поражаетъ всякаго пріѣзжаго въ Якутскъ, это то, что на улицѣ, въ домахъ, на обѣдахъ, балахъ не услышишь русскаго слова, и всѣ русскіе говорятъ всегда языкомъ якутовъ. Это мода. Когда я приходилъ вечеромъ въ гости, мнѣ ставили московскаго варенья на 18 и даже на 22 тарелочкахъ. Посреди варенья становилась замороженная сырая стерлядь: ее ѣдятъ сырую, нарѣзанную тонкими ломтиками, съ солью и перцемъ. Это очень странно, но за то и очень вкусно. Сырую, мороженную стерлядь я предпочиталъ всѣмъ варенъямъ, это очень похоже на устрицы, но только несравненно вкуснѣе. Якутскъ отстоитъ отъ Иркутска, кажется, болѣе 3 т. верстъ, и сообщеніе только по рѣкѣ Ленѣ. Въ Якутскѣ, кажется, не ростетъ ни одной огородной овощи я конечно—никакого хлѣба,—послѣдній привозится мукою изъ Иркутска. Странный способъ транспорта по Ленѣ: дѣлаются изъ досокъ четыреугольные ящики, грузятся всякой всячиной и такъ пускаются съ вершины рѣки до Якутска. Ящикъ плыветъ около 3 т. верстъ, почти безъ всякаго управленія, развѣ оттолкнутъ отъ берега, когда прижметъ вѣтромъ, и все благополучно. Такова благодатная рѣка Лена; нѣтъ ни пороговъ, ни

каменьевъ—это Сибирская Мисиссипи. Другая странность: якуты еще не выдумали колесъ, и всѣ тяжести лѣтомъ перевозятъ на волахъ санями. Якутъ управляетъ волами, сидя на одномъ изъ нихъ. При мнѣ уже стали появляться у богатыхъ купцовъ дрожки, но этотъ экипажъ на лошадяхъ кажется очень опаснымъ дамамъ, и онѣ не рѣшались проѣхаться на лошади. Въ праздникъ купчиха въ шелкѣ и брилліантахъ, съ украшеніями изъ золота и жемчуга, сидитъ весьма важно на дровняхъ, и якутъ, сидя на волѣ, везетъ богатую госпожу въ церковь. Въ Якутскѣ дома необыкновенно теплы, мороза въ 40° не чувствуешь. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ я замѣтилъ въ зимнихъ рамахъ вставлены двойныя стекла, такъ что зимою защищаютъ отъ наружнаго холода три стекла. Въ Якутскѣ много богатыхъ купцовъ, торгующихъ на большія суммы. Живутъ вообще весело, и гостепріимство въ нравахъ всѣхъ жителей; бываютъ частые обѣды, а еще чаще вечера съ танцами. Якуты — очень добродушный народъ, любятъ жить по одиночкѣ; юрты ихъ деревянныя, вмѣсто стеколъ пластина льду. Посреди юрты вѣчно горитъ чувалъ (каминъ). Богатство якутъ состоитъ въ табунахъ лошадей и коровъ. Кумысъ дѣлаютъ превосходно, и лучшаго я нигдѣ не пивалъ. Въ Якутскѣ я видѣлъ деревянную древнюю крѣпость съ архивомъ рапортовъ, писанныхъ на берестѣ. Дождавшись зимняго пути, я поѣхалъ вверхъ по Ленѣ въ Иркутскъ.

Иркутскъ—столица Восточной Сибири, тамъ живетъ генералъ-губернаторъ. Иркутскъ какъ городъ—очень хорошъ, много богатыхъ купцовъ и каменныхъ домовъ. Купцы въ Иркутскѣ не носятъ бородъ, одѣты во фракахъ по послѣдней модѣ; кареты, коляски, выписная мебель, библіотеки — не рѣдкость. Жены купцовъ одѣваются по парижскимъ картинкамъ. Въ Иркутскѣ есть адмиралтейство, и начальникомъ его въ то время былъ лейтенантъ Ивановъ.

Мнѣ захотѣлось зимой побывать въ Кяхтѣ. Кяхта—слобода, но слобода единственная въ мірѣ. Въ Кяхтѣ никто не имѣетъ права жить, кромѣ купцовъ первой гильдіи. Купцы въ Кяхтѣ почти всѣ были мнѣ знакомы; я сдѣлалъ многимъ визиты. Обычай такой, что при входѣ въ домъ подаютъ рюмку вина, потомъ чай, происходитъ непродолжительный разговоръ, а за тѣмъ, по уходѣ гостя, купецъ посылаетъ ему на квартиру ящичекъ въ 2—4 фунта отличнаго чая въ подарокъ. Такъ сдѣлавъ визитовъ десятокъ, я нашелъ дома порядочный запасъ чая, чему былъ очень радъ, такъ какъ купить чая въ Кяхтѣ нельзя—не продаютъ. Кяхта отдѣляется деревянною стѣною отъ Маймачина, въ которомъ нѣтъ ни одной женщины, таковъ законъ Китая. Власти китайскія разсудили такъ: мы хотимъ жить въ дружбѣ съ русскими, а исторія учитъ, что всѣ ссоры и войны происходили изъ-за женщинъ, а потому и запретили женщинамъ пребывать въ Маймачинѣ. Мнѣ хотѣ-

лось съѣсть китайскій обѣдъ; мой знакомый Вася Баснинъ доставилъ мнѣ это удовольствіе. Его пріятель, богатый китаецъ, пригласилъ насъ на обѣдъ особымъ билетомъ на кускѣ пунцовой шелковой матеріи, такого размѣра, что изъ куска могъ выйти халатъ. Обѣдъ былъ на маленькихъ, низенькихъ лакированныхъ столикахъ, при чемъ за каждый садилось 4 человѣка, а всѣхъ гостей было 16-ть. Кушанья подавались въ небольшихъ полоскательныхъ чашкахъ. Прежде всего подали конфекты очень разнообразныхъ, вкусно сдѣланныхъ изъ фруктовъ и изъ ягодъ; потомъ слѣдовали разные соусы, изъ каракатицъ и китовыхъ вшей, морская капуста, что̀ все очень вкусно. За соусами слѣдовали холодныя кушанья: пряныя, острыя, жирныя, и затѣмъ свиная кожа; она была бѣла, какъ снѣгъ, нарѣзана тоньше турецкаго табаку и таяла во рту. Потомъ пошли жаркія: тутъ было и мясо собачки, до котораго охотники китайцы, и дорогіе кусочки ласточкиныхъ гнѣздъ и проч. Послѣднее блюдо было очень вкусно; затѣмъ подали на каждый столикъ кипящій самоваръ, въ которомъ варилась какая-то пряная зелень и коренья, потомъ необыкновенно тонко нарѣзанное сырое мясо фазана, каждый бралъ кусочекъ мяса, опускалъ въ кипятокъ и оѣдалъ; это очень вкусно. Я забылъ сказать, что хозяинъ принималъ насъ съ соблюденіемъ этикета: присѣдалъ до полу; проводя въ столовую, просилъ сѣсть, при чемъ особая вѣжливость хозяина состоитъ въ томъ, чтобы надуть гостя и заставить его сѣсть прежде себя. Въ половинѣ обѣда хозяинъ пригласилъ гостей встать и потрястись, чтобы уложилась пища и чтобы гость могъ поболѣе съѣсть. Я считалъ кушанья, и оказалось ихъ 96 перемѣнъ; кажется, можно быть сыту, ѣвши и по чайной ложечкѣ. Обѣдъ былъ вкусенъ, но очень жиренъ, и я почувствовалъ изжогу. Китайцы предложили мнѣ съѣсть разваренна̀го риса со столовую ложку, и я избавился отъ нея. Кухня у китайцевъ — совершенство; ихъ пирожки съ вареньемъ—неподражаемы, тѣсто таетъ во рту, но приготовляются они безъ масла. Вообще, у китайцевъ все дѣлается совершеннѣе европейцевъ, но разница въ томъ, что Европа совершествуется, а китайцы нѣсколько тысячъ лѣтъ остаются неподвижны. На мои глаза, все, что̀ дѣлаютъ китайцы—превосходно. Столярная работа ихъ неподражаема, работа изъ цѣнныхъ камней—невѣроятное терпѣніе. Я видѣлъ ящичекъ для храненія женскихъ уборовъ, весь сдѣланный изъ одного куска бѣлаго мрамора.

Не буду описывать наружность китайца, кому они неизвѣстны по картинкамъ, а картинки вѣрны. Китай держится почитаніемъ, почти боготвореніемъ предковъ и безусловнымъ повиновеніемъ родителямъ. Всякій китаецъ трудолюбивъ, терпѣливъ, дальновиденъ, уменъ, и самый умный купецъ нашъ въ ученики ему не годится.

Простившись съ хитрыми и кроткими узкоглазыми китайцами и не

мѣшая милліонерамъ мечтать о барышахъ, я съ порядочнымъ грузомъ чая и покупками китайскихъ рѣдкостей переѣхалъ въ Троицкосавскъ. Это городъ, какъ всѣ большіе уѣздные города; въ немъ много богатыхъ жителей, всѣ трудятся и хитрятъ около контрабанды. Главное лицо въ городѣ—директоръ таможни, черезъ руки котораго переходятъ милліоны, и порядочные проценты прилипаютъ къ его рукамъ. Въ то время въ Троицкосавскѣ жилъ пріѣзжій изъ Петербурга, д. с. сов. баронъ Шилингъ фонъ-Канштадъ. Это необычайно толстый человѣкъ съ большими связями, ученый, весельчакъ, отличный говорунъ, знавшій всю аристократію столицъ Европы. На него смотрѣли какъ на какую-то загадку. Тамъ же и въ то же время жилъ другой знаменитый человѣкъ: монахъ Іоакинфъ Бичуринъ, посланный въ Пекинъ архимандритомъ нашей тамъ миссіи. Бичуринъ былъ молодъ, закутилъ, промоталъ все, даже церковные сосуды. Его вызвали изъ Пекина и разжаловали въ монахи, но такія лица не пропадаютъ. Бичуринъ оказался глубокимъ знатокомъ китайскаго языка и литературы, и его сдѣлали преподавателемъ въ школѣ Троицкосавска—китайскаго языка. Бичуринъ много переводилъ съ китайскаго, и извѣстна его война съ первою знаменитостью въ Европѣ, считающимся авторитетомъ въ китайской грамотѣ—французомъ Клапротомъ. Бичуринъ вышелъ изъ этой войны не только побѣдителемъ, но и доказалъ, что Клапротъ едва-ли зналъ азбуку китайскаго языка, что̀ и сдѣлало славу Іоакинфа. Однажды вечеромъ пришелъ я къ Шилингу, который сидѣлъ за столомъ съ какимъ-то попомъ и толковали, разсматривая какую-то китайскую книжку. Этотъ вечеръ сблизилъ меня съ барономъ, что̀ мнѣ очень пригодилось, какъ сказано будетъ послѣ.

Баронъ былъ человѣкъ чрезвычайно любезный, очаровательный, разсказамъ его не было конца.

Въ Иркутскѣ два баталіона на армейскомъ, а не гарнизонномъ положеніи; съ нѣкотораго времени, стали часто повторяться убійства, совершаемыя солдатами. Въ праздничный день, послѣ полдня въ часу 3-мъ, лѣтомъ, я шелъ по Широкой улицѣ лѣваго тротуара, а на правомъ тротуарѣ, наравнѣ со мною, шла разряженная дѣвушка-мѣщаночка. Навстрѣчу ей шелъ бравый унтеръ-офицеръ; встрѣтясь съ дѣвушкою, унтеръ обнялъ, поцѣловалъ, она вскрикнула, и онъ осторожно положилъ ее на тротуаръ. Дѣвушка была мертва, унтеръ всадилъ ей въ сердце ножъ по рукоятку, повернулся спокойно и пошелъ назадъ. На улицѣ никого кромѣ меня не было; то время было чаепитія. Я пошелъ за унтеромъ, онъ обыкновеннымъ молодецкимъ ходомъ прошелъ на гауптвахту и объявилъ, что онъ убилъ какую-то дѣвушку. Я подробно доложилъ генералъ-губернатору; онъ тревожно сказалъ:

— Такіе случаи повторяются часто, не можетъ быть, чтобы не было

какой-нибудь тайной побудительной причины, дураки баталіонные никакъ да ничего не откроютъ, я попрошу васъ взять это дѣло въ свои руки и доискаться тайны.

Назначенъ я былъ предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи. Унтеръ-офицеръ красавецъ, большаго роста, грамотенъ, онъ оказался гвардейцемъ изъ взбунтовавшагося Семеновскаго полка. Ему было подъ 40 лѣтъ, но нельзя дать болѣе 30-ти, поведенія отличнаго. Онъ былъ совершенно спокоенъ, не запирался, о побужденіи своемъ къ убійству говорилъ: такъ, захотѣлось и убилъ; убилъ того или другаго—все равно, встрѣтилась она, убилъ ее. Я вышелъ изъ казармы съ намѣреніемъ убить кого-нибудь такъ, безъ всякой причины, хотѣлось убить и убилъ. Добиться бо́льшаго не было никакой возможности. Бился, бился—ничего не добился. Не давала мнѣ спать тайна этого происшествія. Позвалъ я унтера въ адмиралтейство, безъ свидѣтелей говорилъ съ нимъ, какъ съ развитымъ человѣкомъ, пустилъ въ ходъ всю діалектику, но краснорѣчіе и логика моя не имѣли успѣха; тогда я приказалъ хорошо накормить унтера. На другой день опять за краснорѣчіе наединѣ, выказалъ мое участіе къ нему, даже уваженіе къ его уму, напиралъ на его честолюбіе, самолюбіе и, наконецъ, стыдилъ его тѣмъ, что онъ считаетъ меня дуракомъ, и, кажется, подобными доводами, прорвалъ плотину его скрытности; мой красавецъ, разъ начавши говорить, высказался и объяснилъ мнѣ такъ:

Люди, сдѣлавшіе уголовное преступленіе, гражданскія казненные — благоденствуютъ, а я честный солдатъ—страдаю. Каторжный выходитъ на работу въ полушубкѣ, въ теплой мѣховой шапкѣ, въ теплыхъ рукавицахъ, въ теплыхъ штанахъ и сапогахъ, а я, честный солдатъ, приставленный смотрѣть за ними: въ холодной шинели, въ холодномъ киверѣ, въ полной формѣ, съ ружьемъ—бью цѣлый день нога объ ногу холодными сапогами. Варнакъ (каторжный) приходитъ въ свою казарму, ему даютъ щи съ говядиной, кашу, онъ ложится на постель съ одѣяломъ и подушкой. Я, солдатъ, прихожу въ казарму и ѣмъ пустыя щи или пустую кашицу, я долженъ чистить ружье и всю аммуницію, ложусь на голыя нары и одѣваюсь той же холодной шинелью. На другой день, если я не въ караулѣ, то встаю до свѣта и готовлюсь на ученье, опять зябну и мучаюсь, опять утѣшаюсь постною кашицею. Я знаю, буду наказанъ кнутомъ 10—15 ударами, да вѣдь это одинъ разъ потерплю, но за то остальная жизнь въ довольствѣ. Наши многіе перешли въ каторжные, и всѣ имъ завидуютъ, а попасть въ каторжные безъ убійства нельзя—вотъ я и убилъ.

Составилъ я подробную записку отъ своего лица, а не отъ коммиссіи и подалъ Лавинскому. Онъ былъ крайне удивленъ добытою правдою, сію минуту составилъ донесеніе государю и, приложа мою записку, послалъ казацкаго офицера курьеромъ.

Умнѣе всѣхъ министровъ при императорѣ Николаѣ I былъ Канкринъ, въ его вѣдѣніи были всѣ горные заводы, а слѣдовательно и каторжные. Канкринъ въ заводскомъ хозяйствѣ умѣлъ найти посторонніе источники, не уменьшающіе дохода казны; вотъ эти-то доходы Канкринъ постепенно употреблялъ на улучшеніе быта каторжныхъ и, какъ отличный хозяинъ, устроилъ каторжныхъ—комфортабельно. Государь, получа донесеніе отъ Лавинокаго, собралъ министровъ и далъ имъ на разсужденіе ненормальное положеніе солдата съ положеніемъ каторжнаго. Положено было немедля уничтожить всѣ улучшенія для каторжныхъ, что̀ и было исполнено. Преступленія каторжныхъ увеличились, но и желанія солдатъ быть каторжными—прекратились.

Жизнь моя въ Иркутскѣ текла весьма пріятно. Генералъ-губернаторъ меня особенно ласкалъ, у значительныхъ чиновниковъ и у богатыхъ купцовъ я пользовался общимъ уваженіемъ, должность была не только не отяготительна, но даже весьма пріятна. Какъ командиръ отдѣльной части, почти никому не подчиненный въ Иркутскѣ—я дѣлалъ, что хотѣлъ, ѣхалъ—куда хотѣлъ, никто не касался меня; но все-таки меня тянуло въ общій центръ морской службы—въ Кронштадтъ. Въ Петербургъ звалъ меня и отецъ. Обжившись въ Охотскѣ, я написалъ родителямъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Помню, я употребилъ выраженіе: полагаю, родителямъ любопытно знать откровенный разсказъ о сынѣ, котораго они знали еще ребенкомъ, и разсказывая о всѣхъ привычкахъ и мелочахъ моей жизни, я употребилъ выраженіе: хотя не часто, но скромно и тихо дѣлю время съ небольшимъ числомъ друзей. За эти два выраженія: «любопытно родителямъ» и «не много друзей», я получилъ отъ отца огромную тетрадь—полную самой жестокой брани, какъ смѣлъ я родителей назвать любопытными. Отецъ писалъ, что онъ имѣлъ въ жизни одного только друга, и когда онъ умеръ, то полгода пролежалъ больнымъ и до сего времени утѣшиться не можетъ. Изъ всего этого онъ видитъ, что я пустая и глупая голова, что человѣкъ безъ характера и что онъ потерялъ всякую надежду въ томъ, что когда-нибудь выйдетъ изъ меня порядочный человѣкъ. Мать писала ласково. Читая письмо, я прослезился и, по понятію моему, не былъ виноватъ противъ отца; но я былъ безсиленъ противъ его гнѣва и, читая письмо у топившагося камина, бросилъ его въ огонь и съ этой минуты пять лѣтъ не писалъ отцу. Въ этотъ промежутокъ я получилъ письмо отъ матери, которая писала ко мнѣ секретно и умоляла просить прощенія у отца. Я не послушалъ матери и не писалъ. Однажды я получилъ свернутую на уголокъ записку на сѣрой бумагѣ, въ которой было написано: «Государь мой, долгомъ считаю увѣдомить, что ваша мать, а моя жена умерла и погребена въ Колодскомъ монастырѣ. Доброжелающій Иванъ Стоговъ». Я перекрестился и положилъ за-

писку, въ которой не названъ сыномъ. Не помню, сколько лѣтъ послѣ того я не писалъ къ отцу. Вдругъ получаю отъ него ласковое письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что вновь женился на Ляпуновой, и отъ нея льстивое письмо. Я расхохотался и рѣшился написать ласковое и почтительное письмо отцу, какъ-будто не было прошедшаго, а къ мачихѣ написалъ самое льстивое, поэтическое письмо, и съ этого времени началась моя переписка съ отцомъ безъ брани. Онъ постоянно звалъ меня въ Золотилово.

Лавинскій просилъ государя уволить его изъ Сибири, гдѣ онъ прожилъ 13-ть лѣтъ. Императоръ Николай отвѣчалъ: «Если я могу найти равнаго вамъ по способностямъ, то гдѣ я найду равнаго вамъ по опытности», и ласково просилъ еще послужить, прислалъ ему табакерку съ своимъ портретомъ, осыпанную брилліантами въ 30.000 р. Лавинскій остался еще на годъ. Я собирался ѣхать въ Россію, предполагая, что уѣдетъ Лавинскій, но онъ, оставшись, оставилъ и меня.

VI.

Бунтъ иркутскаго архіепископа Иринея.—Переводъ Стогова въ Петербургъ.—Особенности путешествія.—Встрѣча съ родными.—А. О. Поздѣевъ.—Прибытіе въ Петербургъ въ 1833 году.—Первыя встрѣчи.—Представленіе кн. А. С. Меншикову.—Характеристика князя.

Въ Иркутскѣ былъ цѣлый рядъ добрыхъ и кроткихъ архіепископовъ, распустившихъ духовенство до безобразія. Государь приказалъ назначить въ Иркутскъ архіепископа твердаго и строгаго. Синодъ назначилъ Иринея изъ Пензы, и тамошнее духовенство долго служило благодарные молебны за избавленіе отъ него.

Онъ былъ средняго роста, брюнетъ съ правильными чертами лица, прекрасными черными вьющимися волосами и удивительно увлекательнымъ голосомъ. Онъ самъ называлъ себя уроженцемъ Черногоріи и по наружности нельзя было дать ему болѣе сорока лѣтъ. Во всѣхъ его поступкахъ выражалась пылкая южная природа. Служилъ онъ удивительно: самая простая молитва «Во имя Отца и Сына» произносилась имъ такъ, что вызывала необыкновенное благоговѣніе. Но за то во время служенія онъ былъ весьма строгъ съ духовенствомъ. Требованія его со служащими съ нимъ были безмѣрны: за ошибки, за малѣйшее несоблюденіе въ одеждѣ, за неостановленіе при чтеніи на запятой,—

протопопы, попы, діаконы, чтецы ставились на колѣна и били поклоны; почти ни одной службы не проходило безъ взысканія. Избалованное прежнимъ архипастыремъ духовенство трепетало, сдавалось въ солдаты или посылалось на монастырскія черныя работы.

Въ Иркутскѣ много церквей, и богатое купечество чванилось угожденіемъ владыкѣ. Въ праздники архіерей не имѣлъ заботы о завтракѣ. По заведенному порядку, купечество въ его палатахъ хлопотало о роскошномъ угощеніи и ссорилось между собою при рѣшеніи вопроса, кому угощать. Ириней былъ строго разборчивъ въ выраженіи ему почитанія, требовалъ занимательнаго разговора и самъ не стѣснялся въ выраженіяхъ; если что не понравится, то наговоритъ укоризнъ и хозяину и гостямъ.

Богатѣйшій купецъ Сибиряковъ упросилъ меня быть у него на обѣдѣ въ день престольнаго праздника въ его приходѣ. Не любилъ я этихъ безконечныхъ и жирныхъ купеческихъ обѣдовъ, но къ Сибирякову поѣхалъ. Посадили меня въ головѣ стола противъ Иринея. Я заговорилъ о великомъ значеніи приличія и соблюденія торжественности въ храмѣ и будто къ слову похвалилъ увлекательный голосъ архіерея и прочувствованныя имъ слова молитвъ. Все это видимо понравилось, и Ириней развеселился. Я тогда хорошо помнилъ Библію, начитался вольтеровщины, и мнѣ легко было занимать Иринея. Купцы были въ восторгѣ, что владыка былъ веселъ и не унижалъ ихъ сарказмами и колкостями. Благодарностей мнѣ было цѣлый коробъ. Сибиряковъ въ умиленіи прислалъ мнѣ въ подарокъ великолѣпный, яхонтоваго цвѣта, китайскій халатъ съ драконами. Послѣ этого, гдѣ только престольный праздникъ, тамъ богатый купецъ-прихожанинъ пріѣзжалъ просить меня обѣдать. Ириней любилъ поболтать о запретномъ, но конечно не нарушая важности своего сана, и самъ признавался мнѣ, что, при его пылкости, для отвращенія обуревающихъ его страстей носилъ фантанели на обѣихъ рукахъ. Духовенству было не подъ силу переносить строгость владыки, и вотъ противъ него составилась коалиція. У генералъ-губернатора была своя церковь и превосходные пѣвчіе изъ казаковъ. Постоянные наговоры протопопа генералъ-губернаторской церкви, преувеличенные до крайности разсказы о строгости Иринея, доходящей до странности, охладили Лавинскаго къ владыкѣ. Въ Иркутскѣ не было ни одного мѣста для гулянья, а между тѣмъ на берегу Ангары было большое порожнее мѣсто, на которомъ стояла церковь. Все мѣсто около церкви засадили кустарниками, сдѣлали дорожки, и вышло хорошо. Ириней по капризу возсталъ противъ устройства этого публичнаго гулянья, завелъ переписку о неприличіи гулянья около храма Господня. Эта переписка росла и довела его до ссоры съ губернаторомъ. Духовенство воспользо-

валось ею, и явились протесты духовенства: о неприличныхъ выраженіяхъ Иринея во время служенія. Въ одинъ изъ высокоторжественныхъ дней генералъ-губернаторъ Лавинскій пріѣхалъ въ церковь въ особомъ мундирѣ, шитомъ золотомъ и установленномъ генералъ-губернаторамъ для важности, когда они принимали китайскихъ посланниковъ, сидя подъ портретомъ государя. Служилъ обѣдню, конечно, владыко, и, по совершеніи тайнъ, священникъ выходя изъ алтаря съ книжкою для прочтенія: «Благославляю, благословляющаго Господа»—по принятому обычаю, сдѣлалъ поклонъ генералъ-губернатору. Только священникъ поклонился, какъ Иринеи вернулъ его и спросилъ: кому онъ кланялся?

— Ты кланялся златому тельцу,—сказалъ онъ,—тогда какъ присутствуетъ въ церкви намѣстникъ Христа—на колѣна и сто поклоновъ!

Иринеи произнесъ это очень громко, церковь была полна народомъ. Лавинскій отправилъ курьера съ донесеніемъ о поступкахъ Иринея, а послѣдній послалъ своего, съ заявленіемъ о притѣсненіи народа и о гнилой мукѣ, смѣшиваемой съ пескомъ и въ такомъ видѣ выдаваемой войску.

На донесеніе Лавинскаго послѣдовало высочайшее повелѣніе: Синоду вызвать Иринея въ Петербургъ, а генералъ-губернатору озаботиться о спокойномъ путешествіи архіепископа и для услугъ его дать на время пути одного изъ чиновниковъ особыхъ порученій. Указъ Синода былъ печатный. Основываясь на законѣ, состоявшемся при Екатеринѣ, что если кто усумнится въ подлинности указа государева, тотъ имѣетъ право требовать повторенія, съ приложеніемъ печати, Иринеи не призналъ указа настоящимъ и отказался исполнить его до повторенія.

Между тѣмъ, экипажъ для Иринея былъ приготовленъ, и чиновникъ Голубевъ командированъ для услугъ ему. Было ли то простое воскресенье или праздникъ—не помню, но Голубевъ рано утромъ явился къ Иринею. Голубевъ былъ огромнаго роста, головою выше Иринея.

— Удачно выбрали такого молодца,—сказалъ Иринеи;—у тебя довольно силы, чтобы дорогою задушить меня, а послѣ сказать, что я самъ себя убилъ,—это хорошій способъ отдѣлаться отъ меня. Если гражданское начальство писало противъ меня, то и я писалъ противъ гражданскаго начальства. Теперь я стою съ нимъ на одной доскѣ, и насъ разсудитъ высшая власть, а потому я не считаю нужнымъ входить въ какія-либо сношенія съ гражданскимъ начальствомъ, а чтобы ты, молодецъ, не могъ исполнить тайнаго порученія, то пойдемъ со мною.

Онъ взялъ Голубева крѣпко за руку и привелъ на унтеръ-офицерскій караулъ у воротъ города на выѣздѣ, гдѣ приказалъ арестовать его. Умный унтеръ отказалъ. Тогда архіерей повелъ Голубева на

главную гауптвахту, вызвалъ караулъ и объявилъ, что онъ, не подчиняясь гражданскому начальству, отдается подъ охрану начальства военнаго, и приказалъ арестовать Голубева, какъ злоумышлявшаго на него. Не разобравшій дѣла офицеръ арестовалъ Голубева. Правитель канцеляріи генералъ-губернатора Кабратъ, случайно ѣхавшій мимо, вздумалъ уговаривать Иринея, а тотъ и его приказалъ взять подъ арестъ. На эту исторію наѣхалъ я и, узнавши въ чемъ дѣло, поспѣшилъ къ Лавинскому и доложилъ ему. Лавинскій, надѣвъ вицъ-мундиръ и звѣзды, пошелъ со мною на гауптвахту, гдѣ Ириней разглагольствовалъ съ собравшимся народомъ, разсказывалъ о своихъ отношеніяхъ къ гражданской власти и что онъ не можетъ довѣрять этой власти, а отдается подъ защиту власти военной и всего народа, за которыхъ онъ заступникъ передъ государемъ. Онъ говорилъ народу громко съ увлеченіемъ; волосы его были растрепаны. Лавинскій растерялся и, обратившись ко мнѣ, сказалъ одно слово: «привезите!» Времени терять было нельзя; видимо Ириней пошелъ на проломъ и рѣшился произвести народный бунтъ. Я сѣлъ на свои дрожки и поѣхалъ къ коменданту Покровскому. Онъ выслужился изъ кантонистовъ, дѣлалъ всѣ кампаніи, былъ извѣстный рубака, дослужился до чина генералъ-маіора, имѣлъ пропасть орденовъ русскихъ и иностранныхъ, всѣ ордена получилъ съ младшихъ степеней. Какъ видно, былъ храбрецъ, имѣлъ 15-ть ранъ, но и на самаго храбраго нападаетъ иногда трусость—Покровскій струсилъ и говорилъ, что онъ боленъ.

— Я знаю, что вы больны,—сказалъ я рѣзко,—но я отвезу васъ мертваго; надѣвайте мундиръ, а не то и такъ повезу!

Покровскій надѣлъ мундиръ, сѣлъ на мои дрожки, и мы отправились. Дорогой, онъ меня спрашивалъ, что ему тамъ дѣлать? Я совѣтовалъ, чтобы онъ рѣшительно взялъ Иринея подъ свое покровительство и, высказавъ увѣренность въ его правотѣ, пригласилъ бы архіерея возвратиться въ свои кельи. Ириней все еще съ жаромъ проповѣдывалъ народу, который покрылъ всю площадь. Пока Лавинскій сказалъ нѣсколько словъ коменданту, я подошелъ къ Иринею и сказалъ ему шопотомъ, что онъ играетъ въ глупую игру. Тутъ подошелъ комендантъ и взялъ его подъ свое покровительство и повелъ домой. Лавинскій и всѣ присутствовавшіе пошли за ними. Лишь только Ириней вошелъ въ свои комнаты, какъ явился коротенькій, пузатый, съ короткими ногами и руками прокуроръ. Ириней обратился къ нему съ протестомъ, говорилъ добрыхъ полчаса съ жаромъ, но прокуроръ (жалѣю, забылъ его фамилію), выставивъ ножку впередъ, не шевельнулъ глазомъ, не сказалъ и полслова, а стоялъ, какъ статуя. Ириней пересталъ говорить и отошелъ, прокуроръ повернулся на одной ножкѣ и тоже отошелъ. Не встрѣчая ни въ комъ участія,

Ириней пріунылъ, сталъ молчаливъ и понялъ, что дѣло его проиграно. Между прочимъ, къ монастырю или его дому, привели роту солдатъ. Мы всѣ отправились къ Лавинскому, составили тамъ актъ всему происшествію и подписали, кажется, 130 человѣкъ служащихъ свидѣтелей; этотъ актъ съ курьеромъ былъ посланъ прямо къ государю.

Наступила зима. 6-го декабря былъ балъ у Лавинскаго. При началѣ бала, Лавинскій, серьезно проходя мимо, сказалъ:

— Идите въ кабинетъ, прикажите никого не пускать, займите гостей и распорядитесь, чтобы они были довольны.

Спустился я внизъ, въ кабинетъ, и нашелъ тамъ по-дорожному еще въ шубахъ трехъ человѣкъ. Я пригласилъ ихъ раздѣться, напоилъ чаемъ, узналъ въ пріѣхавшихъ флигель-адъютанта Гогеля, подполковника жандармовъ Брянчанинова и фельдъегеря капитана Иностранцева. Они пріѣхали по дѣлу Иринея, которое было принято въ Питерѣ весьма серьезно. Спустя часъ, пришелъ и Лавинскій. Тутъ объяснилось, что Гогель привезъ собственноручный рескриптъ Лавинскому, съ повелѣніемъ: отправить Иринея подъ надзоромъ Брянчанинова, какъ сказано въ указѣ Сѵнода. Въ послѣднемъ говорилось, что по разстройству умственныхъ способностей, архіепископъ Ириней помѣщается въ Прилуцкомъ монастырѣ, что̀ около Вологды, на дьячковскую вакансію.

Балъ шелъ на верху, а въ кабинетѣ уговаривались, какъ завтра объявить Иринею. Прибывшіе оставались секретомъ для всего Иркутска и, кажется, имъ приказано было въѣхать въ городъ ночью.

На другой день, около 11-ти часовъ утра, собрались къ генералъ-губернатору всѣ старшіе чины Иркутска въ мундирахъ и отправились къ Иринею. Онъ принялъ прибывшихъ безъ смущенія. Флигель-адъютантъ Гогель, въ присутствіи архіепископа, подалъ Лавинскому запечатанный конвертъ съ рескриптомъ, который громко и прочиталъ Лавинскій, стоя. Потомъ, тотъ же Гогель подалъ запечатанный указъ Сѵнода. Все шло чинно, и Ириней не показывалъ тревоги. У дверей стоялъ фельдъегерь Иностранцевъ. Ириней спокойно спросилъ: а это кто стоитъ у дверей? Ему сказали, что это присланъ фельдъегерь, для заготовленія лошадей въ пути его. Ириней расхохотался и сказалъ:

—Полноте играть комедію наряженыхъ, вы, сочиняя комедію, забыли по формѣ нарядить фельдъегера. Г-нъ фельдъегерь, почему у васъ черное перо въ шляпѣ, у васъ по формѣ должно быть бѣлое перо! И этого маскарада не умѣли сочинить, ступайте всѣ, довольно для меня забавы, идите и дайте мнѣ покой.

Тогда только мы взглянули и увидѣли, что дѣйствительно перо въ шляпѣ было черное; онъ объяснилъ, что свое бѣлое перо потерялъ дорогою,

а въ Иркутскѣ—нѣтъ бѣлыхъ перьевъ, то онъ и взялъ у пѣхотнаго офицера. Но каковъ же Ириней? Каково присутствіе духа, какая смѣлая черта характера! Но тутъ Брянчаниновъ, почти саженнаго роста, видя наглость Иринея, что-то шепнулъ ему на ухо, тогда архіерей поблѣднѣлъ и покорился, просилъ показать ему подпись государя на рескриптѣ, съ благоговѣніемъ сложилъ руки на груди и поцѣловалъ подпись.

Глухой, теплый и покойный возокъ былъ готовъ скоро. Ночью Брянчаниновъ усадилъ Иринея, заперъ дверцы на ключъ и взялъ его себѣ въ карманъ. По дорогѣ, запрещено было подходить къ возку, и Брянчаниновъ ни шагу не отступалъ отъ Иринея.

Лавинскій въ концѣ лѣта сказалъ мнѣ по секрету, что онъ около Рождества поѣдетъ въ Питеръ и не вернется въ Иркутскъ. Въ Иркутскѣ собственно мнѣ жить было хорошо, но человѣкъ не однимъ хлѣбомъ сытъ бываетъ. Отецъ мой видно постарѣлъ, смягчился, звалъ къ себѣ, да и мнѣ хотѣлось окунуться въ омутъ столичной суеты. У Лавинскаго я былъ аккредитованъ, какъ пріятель; могу оказать, любимъ имъ, но пріѣдетъ новый генералъ-губернаторъ, какъ сойдусь съ нимъ, оцѣнитъ ли онъ меня,—еще бабушка на-двое сказала. Всѣ эти соображенія рѣшили меня проситься о переводѣ въ Европу, что̀ я и учинилъ, перекрестясь. Надѣясь на переводъ въ уваженіи долголѣтней моей службы въ Сибири, я занялся устройствомъ зимней повозки на 6.500 верстъ. Корабельные мастеровые состроили мнѣ крытую и щегольскую повозку; она вся скрѣплена была болтами на винтахъ; вмѣсто подрѣзей положены были цѣльныя полосы желѣза—помѣстительна, какъ корабль.

Въ позднюю осень пріѣхалъ на смѣну мнѣ лейтенантъ Николай Вуколовичъ Головинъ, я сдалъ ему адмиралтейство въ два дня. Выпалъ первый снѣгъ, я съ сожалѣніемъ простился съ спокойною и довольною жизнью въ Иркутскѣ, сдѣлалъ всѣмъ визиты, благодарилъ за хлѣбъ за соль. Лавинскій далъ мнѣ прощальный обѣдъ, приказалъ мнѣ явиться къ нему въ Питерѣ. Нагрузилъ я свой сухопутный корабль: соболями, лисицами, бобрами, даренымъ чаемъ и, улегшись въ повозкѣ, отправился въ путь. Что сказать о дорогѣ? Въ Сибири рѣки—какъ рукава, горы упираются въ небо, долины не имѣютъ границъ, какъ горизонтъ моря, лѣса—это неизвѣстные океаны. Выгоднѣе всего ѣхать на вольныхъ: подъѣзжаешь къ селу, у околицы встрѣчаютъ десятокъ и болѣе мужиковъ, одѣтыхъ по-дорожному, сидятъ на коренныхъ лошадяхъ въ хомутахъ, выбирай любаго; плата за тройку—5-ть коп. ассигн. на версту, везутъ великолѣпно. Выбравъ мужика, подъѣзжаешь къ его дому, самоваръ готовъ, рыбы, дичины, сметаны, меду — кушай, сколько душѣ твоей угодно, хозяева не возьмутъ ни копѣйки.

Изъ Иркутска въ Москву я пріѣхалъ въ 17-й день, полагаю, курьеръ скорѣе не проѣдетъ. Отецъ мой былъ въ Москвѣ, онъ такъ обрадовался моему пріѣзду, что съ нимъ сдѣлалось дурно до обморока; но отъ радости, говорятъ, не умираютъ, поѣхали въ Золотилово. Въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Золотилова находится монастырь Колодской Божіей Матери; я зашелъ на могилу матери, и тутъ я до того расплакался, что меня сняли съ могилы безъ памяти. Съ тѣхъ поръ я ни на одну могилу близкихъ мнѣ не хожу, потому что не могу на могилѣ управлять своими чувствами. У меня были два брата во флотѣ, лейтенанты, и четыре сестры дѣвицы, всѣ родились безъ меня. Сестры бросились меня цѣловать, но когда я, шутя, сказалъ, что братецъ ихъ скоро пріѣдетъ, а я—его товарищъ, онѣ ударились въ слезы: можно ли сдѣлать такой проступокъ—цѣловать чужаго человѣка? Насилу утѣшилъ ихъ. Какъ-то я упомянулъ слово ч о р т ъ, онѣ всѣ поблѣднѣли, какъ полотно, и поглядѣли со страхомъ на печку, не вылѣзетъ ли онъ, такъ какъ имъ всегда говорили, что чортъ живетъ за печкою, вотъ какая патріархальность въ Золотиловѣ! Разгружая повозку, я просилъ свѣсить кладь, оказалось 40 пуд. Привезъ молодыхъ медвѣдей на шубу отцу, сестрамъ по лисьему и бѣличьему мѣху, осетровъ отцу и подарилъ ему повозку, которая дошла безъ починки. Всѣ были счастливы и довольны, особенно чванился шубою мой отецъ, а того не зналъ, что о медвѣдя въ Камчаткѣ вытираютъ ноги, и у меня былъ коверъ на полу во всю комнату, но въ Золотиловѣ завидовали отцу. Въ Золотиловѣ я прожилъ мѣсяцъ и отправился изъ Москвы на долгихъ въ Питеръ. Во время пребыванія въ Золотиловѣ всякій день пріѣзжали какіе-то родные, но кто они, я не зналъ и, даря каждому и каждой какую-нибудь вещицу изъ Екатеринбургскихъ камней, я не досчитался около 300 штукъ.

Въ Москвѣ не видятъ знакомаго два дня — посылаютъ узнать о здоровьѣ и охаютъ, узнавъ о смерти его. Въ Питерѣ не видятъ знакомаго годъ, и никто не вспомнитъ; скажутъ: умеръ—отвѣтятъ: то-то его давно не видать, и болѣе ни слова. Вотъ разница между Москвою и Питеромъ.

Въ Москвѣ жилъ въ отставкѣ Алексѣй Осиповичъ Поздѣевъ, онъ былъ моимъ корпуснымъ офицеромъ. Довольно необыкновенному моему имени я обязанъ, что меня почти всѣ называли не по фамиліи, а просто Эразмъ. Однажды, я очень залѣнился и, будто по неспособности къ наукамъ, перешелъ въ Артиллерійскій классъ (морская артиллерія гораздо ниже флота). При проходѣ по классамъ дежурнаго офицера, учитель вызывалъ обыкновенно бойкаго ученика. Я былъ вызванъ къ доскѣ и отвѣчалъ очень бойко. Поздѣевъ обратилъ вниманіе и спросилъ: Какой это классъ? Ему отвѣчали: Артиллерійскій.

— Какъ же ты, Эразмъ, попалъ сюда?

— По неспособности къ наукамъ, Алексѣй Осиповичъ.

— Вотъ какъ! Я не зналъ, явись-ка въ дежурную.

Я явился, и онъ отлично высѣкъ меня. Если бы не Поздѣевъ, то карьера службы моей была бы другая. Я многое припомнилъ и поѣхалъ къ почтенному благодѣтелю. Онъ былъ уже старикъ, извѣстенъ глубокою ученостію и какъ глава масоновъ въ Москвѣ. Поздѣевъ имѣлъ свой домъ у Сухаревой башни, былъ холостъ, принялъ меня съ большою радостью въ комнатѣ, полной масонскихъ знаковъ.

Москва вообще мнѣ не понравилась: это какой-то безпорядочный городъ. Высшее общество состоитъ изъ беззубыхъ противниковъ правительства, безплодно болтающихъ и много кушающихъ. Лучше бы хотѣлъ жить въ Иркутскѣ, чѣмъ въ Москвѣ.

Изъ Москвы я ѣхалъ самымъ скромнымъ образомъ, останавливался на постоялыхъ дворахъ, пилъ, ѣлъ съ ямщиками, хотѣлъ пожить жизнію русскаго народа и видѣлъ гомерическіе обѣды. Трудно вѣрить, что съѣдаютъ русскіе люди. Ѣхалъ 10 дней на однѣхъ лошадяхъ.

Питеръ—это омутъ политической жизни, Питеръ—піявка Руси: онъ поглощаетъ труды народа и возвращаетъ только крайне необходимое. Изъ Питера, какъ изъ солнца, вытекаютъ лучи свѣта и тепла во всѣ концы громаднаго царства. Въ Питерѣ кипитъ жизнь одного дня, завтра забывается сегодня, всякій ловитъ, что можетъ поймать; пропустилъ моментъ, не поймалъ, мѣсяцы и годы не дождешься. Въ Питерѣ нѣтъ родныхъ и друзей; тамъ каждому до себя и только для себя. Въ Питерѣ громадные домы, памятники, люди—но все такъ холодно и люди безучастны, какъ домы и памятники. Умѣй сдѣлаться необходимымъ, умѣй выдвинуться изъ толпы—на тебя обратятъ вниманіе, и тогда хватай, лови, пока не остыло вниманіе; отодвинулся на задній планъ, ты забытъ, ты не существуешь, твое мѣсто занято, и его не возвратишь.

Оставилъ я Питеръ чуть не юношею. Ласкавшая меня болѣе всѣхъ Анна Петровна Бунина давно умерла, братъ ея давно въ отставкѣ, сошелъ со сцены общественныхъ забавъ; аристократы поумирали, прожились и разъѣхались въ оставшіяся непроданными съ аукціона деревни, и тамъ, забытые свѣтомъ, доканчивали жизнь, услаждаясь воспоминаніемъ своего значенія. Питеръ былъ для меня новымъ городомъ, и я въѣзжалъ въ него новымъ человѣкомъ въ 1833-мъ году на масляницѣ.

Живя въ Камчаткѣ, я такъ одичалъ, что не зналъ даже, что могу послать деньги прямо въ Опекунскій совѣтъ, а полагалъ, что для того

надо быть лично въ совѣтѣ. Поэтому накоплявшіяся деньги, время отъ времени, я высылалъ къ Бунину, прося его положить въ совѣтъ, и, въ разное время, выслалъ 20-ть тысячъ рублей. Явясь къ Бунину прежде столь блестящему, нашелъ его бѣднымъ старикомъ. Безъ меня онъ успѣлъ жениться, нажить четырехъ дочерей и овдовѣть, промотался, былъ безъ должности, перебивался, дѣлая долги. Увидѣвъ меня, онъ непритворно обрадовался, и не мудрено, онъ зналъ меня ребенкомъ и юношей, а теперь видѣлъ возмужалымъ штабъ-офицеромъ. Послѣ первыхъ изліяній, я просилъ его отдать мнѣ билеты на мои деньги. Бунинъ вышелъ въ другую комнату, вывелъ ко мнѣ четырехъ малолѣтнихъ дочерей и сталъ съ ними предо мной на колѣна, сознаваясь, что по крайней необходимости—мои деньги всѣ издержалъ. Комедія была эффектна, но мнѣ отъ того было не легче; кончилось тѣмъ, что Бунинъ далъ мнѣ заемныя письма, которыя и теперь валяются у меня, а 20-ть тысячъ, сбереженныя моими лишеніями, пропали. Бунина я могъ бы преслѣдовать, но что̀ я могъ получить съ нищаго? При томъ же, память моя рисовала, что Бунинъ былъ благотворною причиною того, что я могъ нажить эти деньги, что еслибъ не Бунинъ, то, вѣроятно, я зачахъ бы писпомъ уѣзднаго суда въ Можайскѣ.

Бунинъ хотя и впалъ въ ничтожество, но старыхъ связей не прервалъ. Онъ познакомилъ меня въ нѣсколькихъ порядочныхъ домахъ, у вице-губернатора Желѣзнова, у адмираловъ стариковъ, у нѣсколькихъ частныхъ лицъ, которыхъ я теперь и фамиліи забылъ. Важно было попасть мнѣ въ какое-нибудь общество, а тамъ я самъ проложилъ себѣ дорогу и сумѣлъ не быть лишнимъ. Женщины всегда и вездѣ были моими любимыми твореніями, съ ними у меня всегда шло ладно, съ ними я былъ всегда любезенъ, всегда начиналъ со старухъ и переходилъ къ молодымъ. Всѣ меня ласкали и прославляли.

Осмотрѣвшись и экипировавшись прилично, явился я въ морской инспекторскій департаментъ. Тамъ удивились, что я такъ долго ни къ кому не являлся по службѣ, и хотѣли сдѣлать изъ этого исторію; но я притворился одичавшимъ, забывшимъ служебные порядки. Помню, принялъ участіе во мнѣ директоръ департамента, контръ-адмиралъ Лермонтовъ. Онъ потребовалъ, чтобы я завтра же явился къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, тогда бывшему морскимъ министромъ. Я зналъ, что отъ перваго впечатлѣнія у князя будетъ зависѣть мое будущее во флотѣ; лучше скажу, я еще въ Иркутскѣ и въ дорогѣ много объ этомъ думалъ. Не скажу, чтобы я совершенно спокойно вошелъ къ князю. Бездна анекдотовъ и разсказовъ о немъ составили смутное понятіе въ моей головѣ объ его свѣтлости, но я держалоя пословицы моего отца «Богъ не выдастъ, — свинья не съѣстъ».

Князь жилъ въ домѣ на Англинской набережной. Кабинетъ его былъ въ большой комнатѣ, по стѣнамъ которой стояло много отдѣльныхъ столовъ, заваленныхъ бумагами. Послѣ я узналъ, что каждый столъ былъ назначенъ особому управленію, такъ какъ князь много имѣлъ должностей: онъ былъ генералъ-губернаторъ Финляндіи, главнокомандующій всѣхъ войскъ, тамъ расположенныхъ, участвовалъ во многихъ комитетахъ и проч. и проч. Эта геніальная голова переходила отъ стола къ столу и равно легко занималась самыми разнообразными предметами.

Князь былъ съ меня ростомъ, обстриженъ подъ гребенку, ни усовъ, ни бакеновъ не было. Одѣтъ онъ былъ въ старый форменный сюртукъ—безъ эполетъ и всегда застегнутъ. Онъ скорѣе былъ худощавъ; глаза живые, голубые, почти никогда не смотрѣлъ на говорящаго, слушалъ очень внимательно. Лишь только я вошелъ, князь поднялся со стула у одного изъ столовъ и лѣниво подошелъ ко мнѣ. Первое, что̀ поразило меня—постоянная непріятная улыбка князя, никогда не сходившая съ его лица. Я сказалъ, что прибылъ изъ Камчатки. Онъ отвѣтилъ, что помнитъ, какъ я долго служилъ тамъ, и что я былъ въ Иркутскѣ. Память князя была изумительна, онъ не могъ забыть никакой мелочи—это былъ цѣлый архивъ и дипломатіи и исторіи всего свѣта, человѣкъ очень острый. Я стоялъ передъ княземъ и излагалъ ему мои проекты, которыхъ я подготовилъ нѣсколько, напримѣръ: объ уничтоженіи адмиралтейства въ Иркутскѣ и флотиліи на Байкалѣ и проч. Князь слушалъ меня со вниманіемъ, разматывалъ меня, какъ клубокъ, держа крѣпко въ рукахъ нитку; я опасался не удовлетворить его, — тогда вся моя затѣя пойдетъ прахомъ. Поэтому я придумалъ замолчать на довольно интересномъ мѣстѣ; князь, тоже помолчавъ, сказалъ:

— Продолжайте, я васъ слушаю.

— Не могу, ваша свѣтлость.

— Отчего?

— Вы очень умны, и я чувствую свое ничтожество. Я въ жизни не говорилъ съ такимъ человѣкомъ, какъ вы.

— Ну, я буду молчать, а вы говорите.

— Не могу, ваша свѣтлость, у меня совершенно пусто въ головѣ, я никогда не испыталъ подобнаго состоянія, извините, я не могу болѣе говорить съ вами, я столько лѣтъ не видалъ глубоко ученыхъ людей.

— Ну, я вижу, что вы одичали; поживите въ Петербургѣ, ходите ко мнѣ по четвергамъ пить чай, прощайте.

Сошло съ рукъ лучше, чѣмъ я ожидалъ; ловкая лесть никогда не измѣняла мнѣ. Мнѣ нужно было пожить въ Питерѣ, чего я и достигъ, и достигъ того, что обратилъ вниманіе князя. По четвергамъ я ходилъ къ

князю на чай, у него бывали только его адъютанты—все юноши и еще два, три юныхъ мичмана. Кромѣ двухъ чашекъ чая мы ничего не получали. Князь былъ простъ въ обращеніи, шутилъ съ мальчишками, дразнилъ ихъ и безъ церемоніи говорилъ: «прощайте!»

Прошло болѣе мѣсяца, а я живу въ Питерѣ, хотя мой экипажъ былъ въ Кронштадтѣ, куда я боялся окунуться, какъ въ мутный омутъ. Прихожу разъ въ департаментъ. Тогда былъ построенъ великолѣпный пароходъ «Александрія» для государыни. Въ департаментѣ мнѣ показали, что князь своею рукою назначилъ меня командиромъ парохода. Я сообразилъ, что эта служба не по мнѣ, и прямо сказалъ директору, что не хочу такого назначенія. Онъ мнѣ замѣтилъ, что всякій сочтетъ за счастіе быть командиромъ такого прекраснаго парохода, и что теперь перемѣнить уже нельзя. Я тутъ же, въ департаментѣ, написалъ къ князю, благодарилъ его за назначеніе, но просилъ его уволить меня. Директоръ упрашивалъ не посылать письма, потому что не было примѣра, чтобы кто осмѣлился такъ писать къ князю. Я, напротивъ, просилъ директора подать мое письмо, думая, что иногда дерзость даетъ успѣхъ, особливо у такого человѣка, какъ князь. И дѣйствительно, прочитавъ письмо, князь улыбнулся и сказалъ: «вишь, камчадалъ!»

Не помню, черезъ сколько времени позвалъ меня князь и сталъ продолжать вопросы, именно съ того пункта, на которомъ я замолчалъ первый разъ. Я поговорилъ немного, но опять признался, что мнѣ очень трудно говорить съ нимъ.

— Ну, такъ какъ же намъ объясниться?—спросилъ онъ.

— Дозвольте, ваша свѣтлость, мнѣ написать,—отвѣчалъ я.

— А, такъ вы литераторъ?

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, но, писавши, я буду свободенъ отъ вашихъ глубоко логическихъ вопросовъ.

— Хорошо, пишите, только не стихами, въ нихъ я ничего не понимаю.

Проекты у меня были готовы еще прежде. На другой день я принесъ порядочную тетрадь къ князю. Тутъ я видѣлъ, какъ изумительно быстро онъ читаетъ, почти безъостановочно перевертывалъ листъ за листомъ и, кажется, остался доволенъ.

Прочитавъ, онъ со своею всѣмъ извѣстною улыбкою, сказалъ мнѣ:

— Ни я, ни вы, мы не можемъ хорошо понять пользы вашего предположенія, а знаете ли вы Совѣтъ адмиралтейства?

— Нѣтъ.

— Такъ я вамъ скажу; тамъ сидятъ первые мудрецы, это собраніе умнѣйшихъ головъ, они все знаютъ. Завтра, я пошлю къ нимъ вашу записку на обсужденіе; что они скажутъ, того уже никто не перемѣнитъ. Явитесь завтра въ Совѣтъ, да не робѣйте.

На другой день я явился въ Совѣтъ и нашелъ тамъ: Головина и Васильева, знакомыхъ мнѣ по Камчаткѣ. Оба узнали меня, приняли ласково, какъ знакомаго, и спросили: чего я хочу? Я откровенно сказалъ, что хочу пожить въ Питерѣ. Совѣтъ сдѣлалъ постановленіе: разсмотрѣть въ очередь проекты Стогова, но, для необходимыхъ объясненій, предписать ему не отлучаться изъ Петербурга, а для жительства выдать департаменту билетъ. Вотъ какъ ловко и удачно устроились мои служебныя дѣла. Мнѣ не хотѣлось ѣхать въ Кронштадтъ, а жить въ Питербургѣ болѣе недѣли—не дозволялось.

Какъ же устроилась моя жизнь въ Питерѣ? Соболей, лисицъ, бобровъ я продалъ, и оказалось у меня болѣе 20.000 руб. ассигнаціями. Я рѣшилъ: за постъ и діэту въ удовольствіяхъ, живя въ Сибири, выпить полную чашу доступнаго наслажденія. Я былъ каждый день въ театрѣ, и тутъ памятная мнѣ удача. Разъ прихожу взять билетъ, продающій говоритъ:

— Только остались билеты въ заднихъ рядахъ.

— Дѣлать нечего, пожалуйте.

— Какъ прикажете васъ записать?

Я сказалъ свою фамилію.

— Позвольте васъ спросить: не родственникъ ли вамъ Стоговъ, капитанъ артиллеріи?

— Да, родственникъ.

— Ахъ, батюшка, такъ позвольте намъ очесться своими.

— Душевно радъ. И подалъ руку.

— Такъ позвольте вашъ билетъ. Вотъ вамъ во второмъ ряду, да когда угодно быть вамъ въ театрѣ, то всегда можете получить даровой билетъ.

Я еще пожалъ плутовскую руку и, любезно благодаря, принялъ предложеніе. Конечно, мнѣ не нужно объяснять, что никакого родственника Стогова я не зналъ и не встрѣчалъ. Эта глупая штука пригодилась мнѣ болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Пріѣхала въ Питеръ тогдашняя европейская знаменитость, трагическая актриса, Ванъ-Гагенъ. Заволновался Питеръ. Помню, первая пьеса шла: «Донъ-Карлосъ», трагедія Шиллера. За мѣста въ театрѣ платили вдесятеро. Хотя я и не понималъ ничего по-нѣмецки, но нельзя было не посмотрѣть на знаменитость и на публику. Я нашелъ себѣ мѣсто въ ложѣ сибирскаго откупщика Пономарева, хорошаго моего пріятеля. Въ день представленія, вечеромъ, я пью чай у директора департамента Лермонтова и вижу, что всѣ страшно суетятся. Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ уже два дня хлопоталъ достать ложу въ театръ и не могъ. Время подходило ѣхать въ театръ, надежды потеряны. Я подумалъ, дай попробую воспользоваться покровитель-

ствомъ родственника: написалъ самую ласковую записку и просилъ роднаго не отказать въ какой-нибудь ложѣ и приложилъ деньги. Каково же было удивленіе, когда возвратившійся курьеръ привезъ билетъ на ложу, а на запискѣ было написано: «для роднаго послѣдняя». Это показалось всѣмъ чѣмъ-то магическимъ; жена Лермонтова чуть не цѣловала меня, а мужъ клялся, что все для меня сдѣлаетъ, и сдѣлалъ, какъ видно будетъ послѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Э. И. Стогова.

VII [1]).

Переходъ Э. Стогова въ жандармы.—Американецъ Добель и его супруга.—Л. Дубельтъ.— Графъ А. Бенкендорфъ. — Его характеристика. — Назначеніе Стогова въ Симбирскъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ.—Симбирское общество. — Исторія съ губернаторомъ З—мъ. — Новый губернаторъ Жиркевичъ

Я хорошо зналъ, что рано или поздно, а мнѣ придется отправиться въ Кронштадтъ, чего мнѣ крайне не хотѣлось. Перебирая разныя службы, я нашелъ, что въ жандармахъ болѣе жалованья, и рѣшился искать перевода. Я высказалъ мое желаніе знакомому мнѣ барону Шиллингу; онъ выслушалъ и ничего не сказалъ, но на другой день я получилъ приглашеніе отъ Дубельта, будто бы желавшаго знать о положеніи дѣлъ въ Американской компаніи. Среди разговора онъ ловко предложилъ мнѣ служить вмѣстѣ. Я удивился, но изъявилъ согласіе. Государь былъ тогда на конгрессѣ въ Мюнхенгрецѣ. Князь Меншиковъ былъ усланъ куда-то тоже съ дипломатическимъ порученіемъ.

Дубельтъ спросилъ меня, не будетъ ли препятствія отъ флотскаго начальства? Я отвѣчалъ, что пока нѣтъ Меншикова, то не будетъ, а Меншиковъ не пуститъ. Мнѣ данъ былъ конвертъ къ исправлявшему должность морскаго министра Моллеру съ вопросомъ: нѣтъ ли препятствія о переводѣ меня въ корпусъ жандармовъ. Вотъ тутъ-то и помогъ мнѣ упоминаемый мною билетъ на ложу въ театръ. Директоръ департамента Лермонтовъ прямо объявилъ мнѣ, что у него есть при-

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1903 г.

*

казъ отъ князя, чтобы въ его отсутствіе не допускать никакой перемѣны съ офицерами флота, но тутъ же прибавилъ:

— Я помню, какъ много вамъ обязанъ, и далъ вамъ слово. Завтра же будетъ посланъ отвѣтъ графу Бенкендорфу о согласіи на переводъ, и вы сами послѣ узнаете, какъ много я для васъ сдѣлалъ.

На другой же день, Дубельтъ съ ежедневнымъ курьеромъ отправилъ докладъ о моемъ переводѣ на утвержденіе государя. Только успѣли отдать въ высочайшемъ приказѣ о моемъ переводѣ, какъ возвратился князь Меншиковъ. Тогда строился въ Архангельскѣ фрегатъ по новой методѣ Стефенса. Лермонтовъ спрашивалъ: кого прикажетъ князь назначить командиромъ? Князь написалъ: Стогова изъ Камчатки. Лермонтовъ сказалъ:

— Этого нельзя.

— Что же, развѣ умеръ?

— Нѣтъ, онъ переведенъ въ корпусъ жандармовъ.

— Кто его выпустилъ? Я далъ вамъ приказъ безъ меня никакихъ перемѣнъ не дѣлать.

Адмиралъ Моллеръ помимо меня получилъ бумагу и далъ согласіе.

— Охъ, мнѣ этотъ гнилой! онъ готовъ всѣхъ распустить. А въ приказахъ не отдано?

— Приказы уже вышли.—Что же не обѣщали ему крестъ, что ли? По какой причинѣ онъ пошелъ въ жандары?

— Онъ говорилъ, что во флотѣ ему ожидать нечего; что товарищи его живутъ хуже казаковъ.

Князь толстѣйшей чертой похоронилъ меня.

Узнавъ все это, мнѣ очень было жаль, что я оставилъ флотъ. Назначеніе командиромъ на такой фрегатъ показало мнѣ, что я былъ на отличномъ счету у князя.

И такъ, совершилось: я жандармъ, т. е. нравственный полицеймейстеръ.

Утромъ я являлся въ штабъ въ формѣ жандарма, а остальной день ходилъ во флотскомъ мундирѣ. Съѣздилъ въ Кронштадтъ, похвастать кавалерійской формой; товарищи и всѣ были удивлены моимъ переходомъ и завидовали.

Мы съ Дубельтомъ скоро сдѣлались друзьями; онъ тогда былъ еще полковникъ и начальникъ штаба, часто бывалъ безъ денегъ и занималъ у меня по 300—400 рублей, но насъ сблизило преглупое обстоятельство. Американецъ Добель былъ въ Китаѣ коммиссіонеромъ какого-то богатаго торговаго дома. Нашъ корабль, подъ командою Крузенштерна, первый разъ зашелъ въ Китайскую гавань. Туземцы сильно притѣсняли Крузенштерна, и корабль чуть не подвергся аресту. Добель оказалъ важныя услуги Крузенштерну, а за услугу просилъ рекомен-

даціи у русскаго правительства. Добеля, бывшаго тогда въ большой славѣ, пригласили въ Питеръ и назначили консуломъ на Филиппинскихъ островахъ и на всемъ Восточномъ океанѣ. Отправился Добель въ Камчатку берегомъ; проѣзжая Тобольскъ, будучи въ гостяхъ у полицеймейстера, онъ увидѣлъ дѣвушку, подающую чай. Добель говорилъ мнѣ, что онъ былъ вдовъ, первая жена была красавица, и онъ страстно ее любилъ; какъ же онъ былъ пораженъ, увидѣвъ въ дѣвушкѣ свою любимую жену—сходство было поразительное. Добель, узнавъ, что дѣвушка крѣпостная и ей 16 лѣтъ, предложилъ купить ее, и съ него ловкій полицеймейстеръ взялъ будто бы 10 тысячъ руб. Добель женился, и изъ Дашутки сдѣлалась—Дарья Андреевна. На Филиппинскихъ островахъ въ Манилѣ, онъ воспиталъ свою жену, она говорила по-испански—какъ аристократка, манеры получила превосходныя, но съ этимъ и выросла, какъ добрый гренадеръ, такъ что я въ трехугольной шляпѣ былъ ниже ея. Однажды Добель получилъ заказъ отъ извѣстнаго безсчетнаго милліонера американца Армстронга—купить соболей въ Камчаткѣ. Армстронгъ надѣялся быть монополистомъ въ русскихъ владѣніяхъ Восточнаго океана. Добель поселился въ Петропавловской гавани; я зимовалъ тамъ же, и домы наши были рядомъ. Познакомившись, Добель очень полюбилъ меня и, предполагая во мнѣ знаніе свѣта и приличій, просилъ меня быть наставникомъ Дарьи Андреевны, — я охотно согласился. Дарья Андреевна очень выросла, но не подурнѣла, она была огромна, но пропорціональна и прекрасна. Манеры ея были настоящей аристократки, одѣвалась съ большимъ вкусомъ. Рикордъ говорилъ, что она на испанскомъ языкѣ и по-англійски говорила превосходно, но лишь только заговоритъ по-русски — мужикъ-мужикомъ, выговоръ сибирскій: «пошто пошелъ, не проѣдайся, экой озорникъ» и тому подобное. Въ этой красивой женщинѣ были двѣ особы: испанка и англичанка — очень приличны, а русская — нестерпимо груба и даже глупа. Я скоро сдѣлался ея другомъ. Добель привезъ съ собою прикащиковъ-американцевъ, и русскіе торговцы надували ихъ. Кончилось тѣмъ, что цѣлый корабельный грузъ товаровъ улетучился, а Добель соболей не получилъ. Я засталъ Добеля въ Петербургѣ въ плохихъ дѣлахъ, онъ устарѣлъ, денегъ нѣтъ и ничего впереди. Съ Дарьей Андреевной моя старая дружба возобновилась. Я уже былъ жандармомъ, но долго еще ходилъ въ флотскомъ платьѣ. Былъ концертъ въ домѣ Николая Ивановича Греча, былъ тамъ и Добель съ женою. Случайно, я сѣлъ какъ разъ сзади Дарьи Андреевны, по старому знакомству; когда всѣ внимательно слушали музыку, она шалила со мною. Кончился концертъ, всѣ встали, кто-то ущипнулъ мнѣ лѣвую руку выше локтя, да такъ больно, что я съ трудомъ удержался отъ крика. Смотрю, это Дубельтъ. Я думалъ, что онъ съ ума сошелъ:

маленькіе его глаза горятъ, какъ угольки, самъ красный, воспламененный, задыхается.

— Что съ вами, зачѣмъ такъ больно ущипнули?

— Молчи, пойдемъ къ амбразурѣ окна.

Онъ приступилъ ко мнѣ съ разпросами: кто та дама, которая шалила со мною? Какъ я съ нею знакомъ? Давно ли? и проч. Тутъ же признался мнѣ, что онъ лучшей красавицы не видалъ во всю жизнь, что онъ просто влюбленъ въ нее страстно. Оказалось, что этотъ небольшаго роста человѣчекъ можетъ любить только большаго роста женщинъ, и чѣмъ выше, тѣмъ онѣ ему привлекательнѣе, но Дарья Андреевна была гигантъ между женщинами и, правда, очень хороша. На другое утро Дубельтъ признался, что онъ не спалъ всю ночь, передъ нимъ стояла Дарья Андреевна. Онъ, какъ друга, просилъ меня познакомить его съ нею и за то онъ цѣлую жизнь будетъ мнѣ слуга. Такой человѣкъ, какъ Дубельтъ, былъ мнѣ очень нуженъ; я видѣлъ, что онъ пойдетъ далеко, скрѣпить дружбу съ нимъ было не только нужно, но и очень для меня важно. Я далъ ему слово хлопотать по этому дѣлу. Взявшись за глупость, я рѣшился и поступать глупо. Въ тотъ же день, не заставъ Добеля дома, я въ спальнѣ упалъ на колѣна передъ Дарьей Андреевной и вотъ нашъ разговоръ:

— Ты чево дурачишься?—спросила она.

— Я, сударыня Дарья Андреевна, самый покорный проситель.

— Это что еще выдумалъ; пошелъ, не дури, прощалыга.

Я приставалъ и просилъ.

— Да что тебѣ надоть, вѣрно какое-нибудь дурачество?

Я разсказалъ ей откровенно положеніе дѣла и какъ мнѣ нуженъ Дубельтъ, и что онъ устроитъ судьбу ея мужа. Положено было встрѣтиться на другой день у Мордвинова на обѣдѣ. Дубельтъ былъ въ восторгѣ, цѣловалъ меня и обѣщалъ заслужить.

Я долженъ былъ получить назначеніе въ одну изъ губерній—штабъ-офицеромъ, но мнѣ еще хотѣлось пожить въ Питерѣ. Дубельтъ помѣстилъ меня при графѣ Бенкендорфѣ по особымъ порученіямъ. Какъ-то Дубельтъ захворалъ и приказалъ мнѣ идти съ портфелемъ къ графу, для доклада и подписи бумагъ. Докладъ сошелъ хорошо. Графъ постоянно называлъ меня Стокгофъ—я не противорѣчилъ, у нѣмца выгодно быть нѣмцемъ. Много разъ я занималъ должность Дубельта при пріемахъ графа и входилъ въ роль дѣльца,а узнавши графа—смѣло лгалъ—чего не зналъ, и шло хорошо.

Былъ у меня двоюродный братъ, Вася Семеновъ; онъ былъ тогда цензоромъ, и у него часто собирались литераторы; я бывалъ на этихъ любопытныхъ вечерахъ въ морской формѣ. Вася даже не зналъ, что я жандармъ. Тогда былъ диктаторомъ русской словесности Осипъ Ива-

новичъ Сенковскій. Онъ издавалъ журналъ «Библіотеку для чтенія», журналъ гремѣлъ, онъ былъ во всѣхъ домахъ и во всѣхъ рукахъ. Въ одинъ вечеръ у Васи собралось человѣкъ 6 писателей, которымъ онъ съ горемъ объявилъ, что имѣетъ великолѣпную, небывалую въ русской литературѣ вещь, но не смѣетъ пропустить, а не пропустить—преступленіе. Его просили прочитать. Вася былъ замѣчательный чтецъ, онъ вынесъ тетрадь и началъ читать: «Большой выходъ у Сатаны», Сенковскаго. При чтеніи этой піесы, всѣ приходили въ восторгъ: языкъ, сравненія, обороты — все было неслыханно. Восклицаніямъ, удивленіямъ, похваламъ не было конца, нѣкоторыя мѣста перечитывались два —три раза съ равнымъ восхищеніемъ. Вася объявилъ, что пьесу эту онъ пропустить не смѣетъ: всѣ возстали противъ него,

— Это преступленіе,—говорили слушатели,—это грабежъ литературы, это убійство таланта, это святотатство; лучше лишиться мѣста, чѣмъ погубить такой перлъ литературы.

Долго судили и рядили, что дѣлать. Вася рѣшилъ: отнести завтра эту вещь для просмотра графу Бенкендорфу, и если онъ дозволитъ, то никто не будетъ отвѣчать. При этомъ Вася надѣялся на содѣйствіе Дубельта.

По утру я былъ въ пріемной графа и распоряжался просителями вмѣсто больнаго Дубельта. Входитъ Вася съ тетрадью, подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Гдѣ Леонтій Васильичъ Дубельтъ?

— Я вмѣсто него къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ я.

Насилу узналъ меня Вася, даже поблѣднѣлъ.

— Что это значитъ, Эразмъ?

— Ничего, я вмѣсто Дубельта, и только.

— Я ничего не понимаю.

— И понимать нечего, буду у тебя, объясню. Я знаю, ты принесъ статью, хорошо, я помогу, чѣмъ могу.

Вышелъ графъ; онъ зналъ Васю, который представилъ ему статью и сказалъ, что въ ней ничего нѣтъ, но можетъ быть задѣтъ кто-либо изъ вельможъ, отношеній которыхъ онъ тонко не знаетъ. Бенкендорфъ передалъ мнѣ тетрадь и приказалъ положить у него на столѣ, а Васѣ придти чрезъ недѣлю. Я положилъ статью подъ старыя бумаги и придавилъ ихъ прессъ-папье.

Надобно хотя немного познакомить читателя съ Бенкендорфомъ, о которомъ ходило много разсказовъ по поводу его забывчивости. Гр. Бенкендорфъ жилъ въ Большой Морской, въ той же улицѣ остановился французскій посланникъ дома черезъ четыре. Графъ пошелъ пѣшкомъ отдать визитъ посланнику, но его не было дома. Графъ хотѣлъ отдать визитную карточку, но не нашелъ ея въ карманѣ. Тогда графъ говоритъ

швейцару: запиши меня, ты меня знаешь? Швейцаръ былъ новый, отвѣчалъ: Не могу знать, какъ прикажете записать? Графъ вспоминалъ, вспоминалъ и никакъ не могъ вспомнить своей фамиліи. Досадуя на себя, пошелъ домой, обѣщая прислать карточку. По дорогѣ встрѣтилъ его гр. Орловъ и, сидя на дрожкахъ, закричалъ: Гр. Бенкендорфъ! Послѣдній обрадовался, будто что-то нашелъ, махнулъ рукой Орлову и, повторяя про себя: «Гр. Бенкендорфъ», вернулся къ посланнику и записался. Этотъ анекдотъ повторялъ весь Питеръ, и зналъ о немъ государь.

Бенкендорфъ былъ лично храбрый человѣкъ, но въ администраціи понималъ мало. Графъ былъ добрѣйшее существо, и я не знаю ни одного случая, кому бы онъ сдѣлалъ зло. Разъ онъ былъ отчаянно боленъ; съѣхалась вся знать къ графу изъ участія, пріѣхалъ и государь. Выходя изъ комнаты графа, государь обратился къ присутствовавшимъ и сказалъ:

— Вотъ умираетъ человѣкъ, который никогда ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а со многими изъ васъ помирилъ. Я хочу, чтобы вы всѣ знали это; а у самого государя были слезы.

Графъ былъ щеголь, всякое утро парикмахеръ убиралъ немногіе его волосы. Съ 9-ти часовъ утра зала его была уже полна просителями. Въ 10-ть часовъ, онъ, по-домашнему, въ сюртукѣ безъ эполетъ, выходилъ и выслушивалъ каждаго просителя; съ дамами былъ чрезвычайно вѣжливъ. Случилось, что дама, для большаго убѣжденія, стала на колѣна, и я видѣлъ, какъ графъ задрожалъ, измѣнился въ лицѣ и бросился поднимать,—онъ не могъ выносить униженія женщины. Обойдя просителей, онъ собирался ѣхать во дворецъ, а между тѣмъ временемъ набирались новые просители. Въ 11 или половинѣ 12-го выходилъ графъ въ мундирѣ, опять обходилъ всѣхъ просителей, выслушивалъ и принималъ просьбы. Зная графа, мы хорошо знали всю безполезность пріемовъ его. Онъ слушалъ ласково просителя—ничего не понимая; прошенія онъ никогда, конечно, уже не видалъ; но публика была очень довольна его ласковостію, терпѣніемъ и утѣшительнымъ словомъ. Просьбы разрѣшались въ штабѣ и въ III отдѣленіи. Зная обязанности графа, простительно ему было не входить въ распоряженіе управленія, онъ долженъ былъ подробно знать все, что вчера говорилось и дѣлалось во всей Россіи.

А что статья «Большой выходъ у Сатаны»?

Да ничего, какъ я положилъ подъ бумаги и прессъ-папье, такъ она и лежала.

Черезъ недѣлю приходитъ Вася къ графу за статьею, графъ приказалъ придти еще чрезъ недѣлю. Когда пришелъ Вася по окончаніи назначеннаго срока, то графъ пригласилъ его въ кабинетъ, а мнѣ приказалъ подать статью и сталъ откровенно спрашивать, въ чемъ онъ сомнѣвается.

Вася указалъ на самыя пустыя и невинныя мѣста, графъ прослушалъ и написалъ на послѣднемъ листѣ: «можно печатать. Графъ Бенкендорфъ». Я засыпалъ пескомъ, и статья вышла. Шуму много было въ Питерѣ, обратилъ на нее вниманіе и государь, но сошло все благополучно.

Заболтавшись, забылъ упомянуть, что еще до перевода я, какъ штабъ-офицеръ флота, обязанъ былъ при разводѣ явиться къ государю. Им нераторъ Николай I былъ верхомъ—что̀ за красавецъ, что̀ за молодецъ, нельзя не любоваться! Насъ, послѣ развода, являлось человѣкъ 30-ть, я стоялъ изъ послѣднихъ на лѣвомъ флангѣ. Развода и всѣхъ продѣлокъ я почти не видалъ, потому что все смотрѣлъ на истинно русскаго царя. Насъ перекликалъ комендантъ, а богатырскій конь переступалъ только на одного человѣка—и ни разу не сбился. Дошла очередь и до меня.

— Капит.-лейтенантъ Стоговъ изъ Камчатки,—сказалъ комендантъ.

— Долго вы тамъ были?—спросилъ императоръ съ привлекательной улыбкой.

— 12 лѣтъ, ваше величество.

— Скучно тамъ было вамъ?

— Нѣтъ, государь, тамъ много службы и тамъ русское царство.

Николай милостиво поклонился.

Петербургская жизнь мнѣ надоѣла; наступила зима, и я объяснилъ Дубельту о моемъ желаніи уѣхать изъ Питера и говорилъ искренно. Онъ совѣтовалъ не оставлять виднаго мѣста, даже хотѣлъ хлопотать о прибавкѣ мнѣ столовыхъ, но я рѣшительно хотѣлъ разстаться съ Питеромъ. Дубельтъ просилъ меня подумать недѣлю, но и чрезъ недѣлю я говорилъ то же. Тогда, по дружбѣ, онъ далъ мнѣ списокъ всѣхъ губерній и сказалъ: «выбирай, если занято мѣсто—переведу». Надъ спискомъ я порядочно подумалъ, смѣщать другихъ—было не въ моихъ правилахъ. Подумалъ было объ Иркутскѣ, такъ много мною любимомъ, но тамъ не было уже Лавинскаго, при томъ же тамъ приходилось образовать должность, потому что никогда не было тамъ жандарма; болѣе всего остановило меня короткое знакомство со всѣми, а мнѣ не хотѣлось становиться въ неловкія отношенія, которыя могли случиться. Перебираю губерніи: въ одной были родные, въ другой товарищи. Симбирская губернія была вакантна, и тамъ никого не было, ни родныхъ, ни знакомыхъ. На этой губерніи я нарисовалъ якорь и подалъ Дубельту. Онъ удивился, что я выбралъ глушь, совѣтовалъ Москву; но я уперся на Симбирскѣ, куда скоро былъ назначенъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, я спросилъ графа Бенкендорфа, въ чемъ будетъ состоять моя прямая обязанность? Онъ отвѣчалъ:

— Утирай слезы несчастныхъ и отвращай злоупотребленія власти, и тогда ты все исполнишь.

— Общество играетъ въ запрещенныя игры — въ карты, долженъ ли я мѣшаться?

— А ты не любишь играть?

— Нѣтъ.

— Ты не богатъ, но можешь проигрывать въ банкъ до 5 рублей; но не долженъ позволять грабить, обыгрывать молодежь и хранителей казенныхъ суммъ. Ты долженъ быть любимъ и необходимъ въ обществѣ. Если не любятъ жандарма, то онъ безполезенъ. Въ крайнемъ случаѣ будь рѣшителенъ и смѣлъ, а въ спокойное время... влюбляйся.

Пріѣхалъ я въ Симбирскъ, кажется, 8-го января 1834 г. и, вступивъ въ должность, дѣйствовалъ самостоятельно и самъ за все отвѣчалъ. Въ Симбирскѣ я былъ по праву первымъ, и мое слово имѣло вѣсъ и значеніе. Моей ширмой были въ Петербургѣ Дубельтъ и графъ Бенкендорфъ.

Симбирскъ отъ Москвы болѣе 700 верстъ, а отъ Петербурга до 1.500 верстъ. Въ Симбирскѣ я былъ довѣренное лицо отъ государя, отъ моего такта зависѣла моя сила, т. е. общественное довѣріе и уваженіе, безъ этого я пустая кукла, маріонетка. Довѣріе и уваженіе къ жандармскому мундиру въ Симбирскѣ было разрушено. Передо мной былъ полковникъ Масловъ, типъ старинныхъ полицейскихъ. Онъ хотѣлъ быть сыщикомъ, ему казалось славою рыться въ грязныхъ мелочахъ и хвастать знаніемъ семейныхъ тайнъ. Онъ искалъ случая ко всякому прицѣпиться, всѣхъ стращалъ, дѣлалъ исторіи, хотѣлъ властвовать страхомъ и всѣмъ опротивѣлъ. Онъ хотѣлъ быть страшнымъ и достигъ общаго презрѣнія. Жена его любила щеголять знаніемъ всѣхъ сплетенъ и хотѣла имѣть вліяніе на городскихъ дамъ и была такъ дѣятельна, что для помощи мужу осматривала предварительно рекрутъ. Такимъ образомъ я явился къ обществу, предубѣжденному къ жандармскому мундиру, олицетворявшему идею доносчика и несноснаго придиралы даже въ частной жизни. Симбирское дворянство многочисленно и богато, жило въ губернскомъ городѣ, потому что столица была далеко. Дворянство положило, чтобы избѣгнуть непріятностей, какія имѣли отъ Маслова, удалить его преемника отъ общества. Съ первыхъ дней моего пріѣзда, наслушавшись о поступкахъ предмѣстника, я понялъ, что довѣріе и уваженіе мнѣ нужно завоевывать. Я зналъ по опыту, что тотъ не находитъ любви, кто ее ищетъ. Общая любовь и довѣріе заслуживаются нравственною правдою, уваженіемъ общественныхъ условій и неприкосновенностью семейнаго домашняго быта. Въ то время въ Симбирскѣ былъ губернаторомъ З—ій, вотъ этого нельзя миновать, не объяснивъ, потому что сношенія мои упирались въ одного только губернатора. З—ій былъ внукъ извѣстной статсъ-дамы, служилъ въ Преображенскомъ полку и былъ въ отставкѣ капитаномъ. 14-го декабря 1825 г., во время возму-

щенія на Сенатской площади, онъ явился ко дворцу. Государь нѣсколько разъ посылалъ Якубовича образумить бунтовщиковъ и убѣдить ихъ, чтобы покорились. Якубовичъ шелъ къ мятежникамъ и З—ій за нимъ. Такъ было нѣсколько разъ, и З—ій, перевязавъ себѣ ногу платкомъ, прихрамывалъ, будто ударили его по ногѣ. Государь видѣлъ все это, не забылъ усердія З—го и сказалъ великому князю Михаилу Павловичу:

— Спроси его, чего онъ хочетъ?

— Желаю быть губернаторомъ,—отвѣчалъ, не задумываясь, З—ій.

— Не много ли будетъ?—замѣтилъ великій князь.

— Для государя все возможно.

И вотъ З—ій губернаторъ въ Симбирскѣ; я слышалъ это отъ него самого. Онъ былъ очень недуренъ собой, образованъ для гостиной, имѣлъ кроткую жену, малолѣтнюю дочь и любилъ хвастаться побѣдами надъ женщинами...

Когда я явился къ нему, онъ спросилъ меня:

— Съ какимъ намѣреніемъ вы сюда пріѣхали?

— Содѣйствовать возвышенію власти вашего превосходительства.

— Какіе ваши планы?

— Я еще ничего не знаю.

— Имѣете знакомыхъ?

— Никого.

— Если вы намѣрены искренно содѣйствовать мнѣ, то чего вы требуете отъ меня?

— Только личнаго ко мнѣ уваженія, и когда мнѣ нуженъ будетъ секретъ, то сохранить его, и тогда только я буду вамъ полезенъ.

— Это такъ не много, что я не только даю вамъ честное слово, но считаю прямою своею обязанностью исполнить.

— Мнѣ болѣе ничего не нужно.

— Я долженъ вамъ сказать, что со мною не сошлись здѣшніе дворяне, я бы желалъ поправить наши отношенія—помогите мнѣ.

— Хорошо, но вы знаете, что я секретный человѣкъ и, какъ сказалъ, могу быть полезенъ только тогда, когда мои дѣйствія будутъ оставаться въ секретѣ.

— Буду нѣмъ, какъ раба, какъ могила.—Но что же вамъ угодно, чтобы я сдѣлалъ для васъ?

— Я прошу вашего молчанія.

— Вы, господа жандармы, любите много писать.

— При данныхъ вами обѣщаніяхъ, я даю вамъ слово показывать вамъ все, что буду писать въ Петербургъ, но до тѣхъ поръ, пока вы будете исполнять свои условія.

— Мнѣ ссориться съ вами не выгодно: у васъ нѣтъ огорода, а вы всегда можете бросить камень въ мой огородъ.

— Мы ударили по рукамъ и простились.

Я сдѣлалъ визитъ князю Б—ву, который былъ уже седьмое трехъ-лѣтіе губернскимъ предводителемъ дворянства. Первымъ ко мнѣ пріѣхалъ Борисъ Петровичъ Бестужевъ, отставной лейтенантъ начала столѣтія. Старикъ, узнавъ, что я служилъ во флотѣ, не утерпѣлъ не повидаться и упросилъ къ себѣ на балъ. Я не подошелъ ни къ одному помѣщику и не хотѣлъ знать властей. Я подсѣлъ къ вліятельнымъ старушкамъ, игралъ съ ними въ бостонъ, будто нечаянно у нѣкоторыхъ стеръ ремизы и сталъ пріятнымъ игрокомъ. На молодыхъ я и глазомъ не повелъ. Старухи съ перваго же вечера заговорили, что я премилый человѣкъ, хотя и въ голубомъ мундирѣ. Посредствомъ диктаторской власти старухъ, я познакомился почти во всѣхъ домахъ, имѣющихъ значеніе, постепенно сближался съ мужчинами, но не дѣлалъ никому визита, чтобы не навязываться.

У меня былъ начальникъ команды, капитанъ Подгорный, ему было за 60 лѣтъ, и онъ зналъ всѣ сплетни въ Симбирскѣ; онъ посвятилъ меня во всѣ подробности симбирской жизни.

Вотъ первое происшествіе.

Въ Симбирскѣ были двѣ сестры, старыя престарыя дѣвицы Дмитріевы, онѣ были родныя сестры знаменитаго тогда поэта Ивана Ивановича Дмитріева, который былъ сдѣланъ министромъ юстиціи. Сестры такъ возгордились братомъ министромъ, что не находили себѣ достойныхъ жениховъ и состарились дѣвицами; одна имѣла свой домъ на Покровской улицѣ, а другая на Московской, такъ по улицамъ ихъ и называли. Онѣ жили уединенно и не принадлежали къ обществу и все потому что братъ министръ. Ждали государя, надобно было покрасить дома. Является къ нимъ мужиковатый частный приставъ и требуетъ выкрасить дома.

— Какъ ты смѣешь насъ безпокоить,—говорили ему старушки,—развѣ не знаешь, что нашъ братецъ министръ?

— Какъ не знать,—отвѣчалъ частный приставъ, знаю; да вотъ и у меня дядя царь Соломонъ, однако, что приказываютъ, то долженъ исполнять.

Зная этихъ чванныхъ дѣвицъ, находчивость частнаго пристава, который никого не зналъ важнѣе царя Соломона, очень смѣшна.

У этихъ дѣвицъ была еще сестра замужемъ и, умирая, оставила двухъ дѣвочекъ. Старухи взяли на воспитаніе каждая по племянницѣ. Дѣвочки выросли въ совершенномъ уединеніи. Старухи хотѣли, чтобы и онѣ остались дѣвицами, и тогда обѣщали оставить имъ значительное свое состояніе. Дѣвочки выросли въ дѣвицъ невѣстъ. Пріѣхали въ отпускъ два лихіе гусара: Митюнинъ, другаго не помню, молодцы, но бѣдняки. Сначала видались въ окнахъ, ходя около домовъ, потомъ дѣ-

вочки пробрались тайно въ маскарадъ благороднаго собранія; тамъ гусары объяснились, дѣвочки позволили увезти себя. Назначенъ былъ вечеръ, губернаторъ покровительствовалъ сговорившимся и упросилъ меня не мѣшать счастью молодежи, публика тоже желала успѣха. Схватились старухи своихъ племянницъ, а ихъ и слѣдъ простылъ. Онѣ обратились ко мнѣ и умоляли спасти ихъ племянницъ, предполагая, что онѣ увезены насильно. Я принялъ ихъ просьбу очень серьезно, при старухахъ приказалъ командиру команды привезти ко мнѣ живыхъ или мертвыхъ и послалъ команду въ противную сторону отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ вѣнчались. Старухи были въ восторгѣ, и вѣнчаться не помѣшали. Публика понимала мою продѣлку и находила, что Масловъ не такъ бы поступилъ. Видно, говорили про меня въ городѣ, что это совсѣмъ хорошій человѣкъ.

Въ Симбирскѣ были два либерала, Тургеневъ и Оржевитиновъ, онито и были началомъ всѣхъ началъ неудовольствія противъ губернатора и стояли во главѣ недовольныхъ. Во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ есть непремѣнно центръ, откуда расходятся мнѣнія и причины, какъ радіусы. Познакомясь съ этимъ центромъ, я нашелъ въ нихъ мягкихъ людей, съ которыми легко можно было помириться, и тогда общественному неудовольствію конецъ.

Я видѣлъ возможность прекратить ссору и отправился къ губернатору.

— Васъ здѣсь не любятъ,—сказалъ я.

— Это правда.

— Какая причина?

— Право, не знаю.

— Быть главной властью и быть не любимымъ—непріятно.

— Непріятно, да что же дѣлать?

— Я скажу вамъ средство, отъ васъ зависитъ помириться съ обществомъ.

— Пожалуйста, я на все согласенъ.

— Вы дѣйствительно не знаете причинъ?

— Честное слово не знаю.

— Тургеневъ и Оржевитиновъ главные ваши враги; пригласите ихъ, вы съумѣете смягчить;объяснитесь и помиритесь,тогда все общество повернется къ вамъ лицомъ.

— Очень вамъ благодаренъ, вы дѣйствуете, какъ мой другъ!

— Но надѣюсь, вы обо мнѣ не упомянете, мой успѣхъ въ секретъ.

— Будьте покойны, я помню ваши условія.

З—й пригласилъ къ себѣ Тургенева и Оржевитинова и сказалъ имъ:

— Господа! мы имѣемъ между собою неудовольствіе, это дѣло наше, скажите пожалуйста, для чего вы мѣшаете между нами жандарма? Я

долженъ вамъ сказать, что жандармъ присланъ для моихъ услугъ, меня оскорбляетъ то, что порядочные люди мѣшаются съ жандармами. Вы, можетъ быть, вчера высказали ему о причинахъ своего неудовольствія; а сегодня онъ обязанъ былъ доложить мнѣ о томъ. Будемъ, господа, порядочными людьми, можемъ имѣть неудовольствіе, но не будемъ унижать себя, мѣшаясь съ жандармами.

Каковъ молодецъ! На другой день, видясь съ Тургеневымъ, я замѣтилъ неудовольствіе и высказалъ ему, какъ З—й упросилъ меня помирить его съ обществомъ, а я по добротѣ своей, желая общаго согласія, кажется, сдѣлалъ ошибку. Я попросилъ Тургенева извинить мою неопытность, но вмѣстѣ и довѣрить, что губернаторъ горько поплатится за овою дерзость.

На другой день я отправился къ губернатору.

— И такъ вы губернаторъ,—сказалъ я,—а я жандармъ. Вы не утерпѣли и не сохранили въ тайнѣ секрета.

З—й все понялъ.

— Языкъ мой—врагъ мой,—отвѣчалъ онъ;—кругомъ виноватъ!

— Помните, что у меня огорода нѣтъ, а у васъ столько огородовъ, куда ни брось камень, попадешь въ вашъ огородъ!

— Не будемъ ссориться, я виноватъ, прошу прощенія; больше этого не будетъ.

Тутъ пристала страдалица жена его съ просьбой простить.

— Такъ и быть,—сказалъ я,—этотъ разъ не въ счетъ, забудемъ; но въ другой разъ не забудемъ!

— Душою и сердцемъ—согласенъ!

Вскорѣ повторился другой подобный случай.

Былъ въ Симбирскѣ Петръ Петровичъ Бабкинъ, еще при Екатеринѣ II вышедшій въ отставку капитаномъ Семеновскаго полка. Къ нему пріѣхалъ изъ Петербурга сынъ его. Я сказалъ З—му ложно, что сынъ Бабкина бранитъ его да и старикъ поддакиваетъ. Губернаторъ не утерпѣлъ, позвалъ къ себѣ Бабкина-отца и высказалъ ему то же, что и Тургеневу, зачѣмъ онъ мѣшаетъ жандарма. Тогда я составилъ записку, въ какомъ отношеніи я нашелъ губернатора съ обществомъ дворянъ и что, желая быть полезнымъ, я пробовалъ дѣйствовать, но губернаторъ парализовалъ мои дѣйствія и чуть не поставилъ меня въ фальшивое положеніе. Я описалъ болтливость З—го и какъ онъ клялся и просилъ прощенія, какъ я солгалъ на Бабкина для пробы, и опять попался губернаторъ. Я просилъ шефа жандармовъ имѣть эту записку какъ матеріалъ и что скоро надѣюсь имѣть фактъ, который избавитъ Симбирскъ отъ З—го.

Пришелъ я къ нему и сказалъ:

— Я далъ вамъ слово показывать, что̀ напишу графу Бенкендорфу,— извольте читать.

Прочитавъ, онъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Вы такъ писать не можете!

— Отчего?

— Я буду жаловаться на васъ.

— Тамъ лучше, скорѣе объяснятся ваши дѣйствія.

— Вы не пошлете.

Я позвалъ жандарма, запечаталъ письмо у губернатора и приказалъ отнесть на почту.

Я все зналъ, что́ творилось въ Симбирскѣ, но никто не зналъ, что я знаю, и потому принимали меня радушно. Попадались чиновники во взяткахъ, возьметъ и съ того и съ другаго, а сдѣлаетъ, разумѣется, для одного,—другой жалуется. Я никогда не дѣлалъ исторій, позову къ себѣ въ кабинетъ, мылю, мылю ему голову, настращаю очень сильно и прикажу возвратить обиженному. Жизнь моя въ Симбирскѣ устроилась по моему желанію, я былъ любимымъ членомъ общества, вѣрили, что я не мелочной доносчикъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрили, что и затронуть меня очень опасно; я прощать не умѣлъ, но никого и не трогалъ. Никто меня не чуждался, я могъ смѣло входить въ кабинетъ генерала и въ кабинетъ отставнаго прапорщика, какъ пріятель.

За мной оставалось неисполненное слово, данное мной Тургеневу и Оржевитинову, да и обѣщаніе гр. Бенкендорфу на счетъ З—скаго, котораго я презиралъ, но съ которымъ наружно былъ въ добрыхъ отношеніяхъ.

З—скій, какъ я говорилъ, былъ не дуренъ собою, воспитанія—пустаго, но блестящаго для гостиной—ловокъ и находчивъ, но до удивленія легкаго характера; любилъ сплетни, мѣшался въ семейныя дрязги и хотѣлъ играть роль всезнающаго. Стараясь быть посредникомъ въ дворянскихъ ссорахъ и оправдывая одну сторону, создавалъ себѣ враговъ изъ другой стороны и, съ теченіемъ времени, нажилъ себѣ вражду всего дворянства. Онъ былъ неутомимый волокита и выражался передо мною такъ:

— Успѣть въ интрижкѣ и не разсказать, это все равно, что имѣть Андреевскую звѣзду и носить ее спрятанною въ карманѣ.

Дѣлами онъ совершенно не занимался; бывало, при мнѣ подписываетъ сотню бумагъ—ни одной не читая. Я одинъ разъ спросилъ его, какъ это онъ подписываетъ, не читая.

— Пробовалъ читать всѣ бумаги—отвѣчалъ онъ—и совершенно ничего не понялъ; увѣрился, что читаю ли я бумаги или не читаю,—результатъ одинъ, такъ лучше подписывать, не читая.

По дѣламъ, я бы могъ много вредить ему, но это казалось мнѣ мелочнымъ, я хотѣлъ капитально похоронить его и выжидалъ. Въ 12-ти верстахъ отъ Симбирска жилъ князь Б—въ, бывшій, какъ я сказалъ, седьмое трех-

лѣтіе губернскимъ предводителемъ. Онъ прежде былъ богатъ, но прожился на предводительствѣ, и у него осталось только 250 душъ, да пять взрослымъ дочерей и маленькій сынъ. Не знаю или не помню, зачѣмъ жилъ въ Симбирскѣ князь Д—нъ, чистый азіатецъ, черный, съ огромными глазами, говорилъ сквозь зубы, отригся подъ гребенку, всегда былъ щегольски одѣтъ, корчилъ—какъ только могъ—Байрона; тогда много было Байроновъ—это было въ модѣ. Былъ холостъ, жилъ весьма скромно, былъ принятъ вездѣ, ему было за 30-ть лѣтъ. Слышалъ я давно о волокитствѣ З—го за старшей дочерью кн. Б—ва; разсказывали, какъ З—скій наряжался старухою (онъ былъ не дурной актеръ) и ходилъ на свиданіе къ княжнѣ, теперешней невѣстѣ кн. Д—на, а она въ мужской одеждѣ тоже ходила на свиданіе къ З—скому. Жилъ въ Симбирскѣ полковникъ графъ Т—ой, онъ числился по министерству иностранныхъ дѣлъ, былъ холостой, знакомства почти не имѣлъ, но былъ пріятелемъ З—му и другомъ кн. Д—ну. Губернаторъ, по своему обычаю, не могъ не разсказать Т—му о своемъ мнимомъ успѣхѣ у дочери Б—ва.

Наступали выборы дворянства. На выборы являлось до 350 дворянъ, а выборы безъ шуму и скандала никогда не проходили, непремѣнно поссорятся въ залѣ выборовъ, но ничего—своя семья. Замѣчено, если собаки грызутся и никто имъ не мѣшаетъ, то онѣ одна другой вреда не сдѣлаютъ, такъ и ссорамъ дворянъ не надобно мѣшать—скоро помирятся. Передъ самыми выборами, кн. Д—нъ посватался за старшей дочерью кн. Б—ва. Предполагаемая свадьба была уже не секретъ въ Симбирскѣ. Вдругъ графъ Т—й разсказываетъ кн. Д—ну о бывшей интригѣ З—скаго съ княжной. Азіатская кровь Д—на заклокотала, ѣдетъ къ Б—ву и отказывается. Кн. Б—въ едва устоялъ на ногахъ, а княжна не устояла, обмороки, истерика—пошла писать. Кн. Д—нъ успѣлъ страстно влюбиться въ княжну и, въ неистовствѣ своемъ, поклялся, при всей публикѣ, надавать пощечинъ З—скому. Между тѣмъ Б—въ, убитый, какъ осрамленный отецъ, рѣшился на выборахъ пожаловаться всему дворянству. Хотя громко объ этомъ не говорили, но по секрету знали всѣ объ этой исторіи, и мнѣ тайно сообщено было, что многіе, погорячѣе, съѣзжаются и сговариваются, какъ только кн. Б—въ пожалуется, то высѣчь губернатора.

За два дня до выборовъ, я передалъ З—скому о намѣреніи Б—ва, кн. Д—на и всего общества дворянъ. Онъ струсилъ, растерялся, говорилъ о самоубійствѣ, но такіе люди не убиваютъ себя, и кончилъ тѣмъ, что просилъ моей защиты и покровительства. Я потребовалъ письмо отъ него о затруднительномъ положеніи, и тогда, говорилъ я, по данной мнѣ инструкціи я возьму дѣло на свою отвѣтственность и даже обѣщалъ уладить такъ, что все затихнетъ. Надобно было видѣть малодуш-

наго этого человѣка, какъ онъ обрадовался, какъ подличалъ передо мною. Письмо ко мнѣ объясняло всѣ обстоятельства дѣла, и З—кій отдавалъ подъ мою защиту санъ губернатора. Онъ даже боялся, что Д—нъ ворвется въ его домъ и раздѣлается съ нимъ по-азіатски, и потому для охраненія его, какъ губернатора, я далъ ему двухъ жандармовъ.

День былъ почтовый, я просилъ почтмейстера Лазаревича задержать отправленіе почты, написалъ очеркъ предшествовавшихъ дѣлъ З—скаго, потомъ весь мой разговоръ съ ними отъ слова до слова, такъ, какъ пишутся комедіи, и заключилъ тѣмъ, что просилъ шефа жандармовъ не безпокоиться, такъ какъ имѣю довольно силы прекратить это дѣло безъ скандала. Вотъ наступила минута, когда я долженъ былъ выйти на сцену, какъ власть абсолютная. Противъ губернскаго предводителя, противъ всей массы дворянства и противъ буйства Д—на, я долженъ былъ защитить не З—скаго, а санъ губернатора, представителя власти государя. Это былъ прямой мой долгъ. Не умѣй я отвратить скандала съ З—скимъ, я не достоинъ бы былъ называться жандармомъ. Я цѣлый день употребилъ на повѣрку имѣемыхъ свѣдѣній и на собираніе возможныхъ подробностей. Вечеръ я употребилъ на стращаніе З—скаго, который до того струсилъ, что разсказалъ все своей женѣ и признался ей во всемъ. Эта бѣдная женщина плакала и просила защитить ея мужа.

Поздно вечеромъ, дали мнѣ знать, что кн. Б—въ сочинилъ рѣчь къ дворянамъ, въ которой проситъ защиты, какъ оскорбленный отецъ и какъ предводитель дворянства 21 годъ.

Наступилъ день открытія выборовъ. Въ 6 часовъ утра я уже былъ въ кабинетѣ Б—ва. Князь, удивленный, спросилъ:

— Чему я обязанъ такому раннему посѣщенію?

— Вы, князь, намѣрены сегодня говорить рѣчь и жаловаться дворянству на З—го?

— Кто вамъ это сказалъ? Можетъ быть, это не правда, да и какое вамъ дѣло до того?

— Что это правда, то вы, вчера, въ этомъ кабинетѣ читали приготовленную рѣчь тремъ помѣщикамъ, а что мнѣ есть дѣло, такъ я, не имѣя нужды защищать З—го, обязанъ не допустить до публичнаго оскорбленія губернатора, какъ высшую власть въ губерніи, поставленную императоромъ.

— Вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ!

— Знаю, даже болѣе, чѣмъ вы, иначе, я не былъ бы жандармъ.

— Вы молоды, вы не отецъ, не можете чувствовать оскорбленія, въ своихъ дѣтяхъ.

— Я сынъ моихъ родителей и братъ моихъ сестеръ, а болѣе—я

честный и благородный человѣкъ; я не только могу чувствовать ваше оскорбленіе, но глубоко проникаюсь горестью отца.

— Если такъ, то вы не должны вступаться за мерзавца.

— Да я и не думалъ заступаться за З—го, а не могу допустить до оскорбленія губернатора и долженъ положительно сказать вамъ, князь, что вы не будете говорить рѣчи противъ губернатора передъ дворянами.

— Какъ вы можете мнѣ запретить?

— Я съ тѣмъ пришелъ и не выйду отсюда, не запретивъ вамъ говорить.

— Какъ это?

— Если вы не откажетесь отъ своего намѣренія, то я, на основаніи данной мнѣ государемъ инструкціи, арестую васъ, и вы, до рѣшенія государя, не выйдете изъ этого кабинета. Подумайте, князь, куда вы ведете все дворянство? Оно, въ порывѣ первыхъ чувствъ, сдѣлаетъ преступленіе противъ начальника губерніи, чего государь ни оставить, ни оправдать не можетъ, а вы будете главнымъ виновникомъ. Ваше справедливое оскорбленіе только огласится на всю Россію, тогда какъ я знаю истину и знаю, что это пустое хвастовство глупаго человѣка и можетъ быть все поправлено въ тишинѣ.

— Если вы знаете все, какъ говорите, то оскорбленіе не можетъ быть поправлено, вы знаете, что кн. Д—нъ отказался отъ женитьбы.

— Знаю все подробно и знаю, что и вы, и князь Д—нъ, и ваша прекрасная дочь—всѣ получатъ достойное удовлетвореніе.

— Какое ручательство вашимъ словамъ?

— Мое честное и благородное слово, которому я не измѣнялъ во всю мою жизнь.

— Молодой человѣкъ, вы много берете на себя; помните: вы отвѣтите передъ оскорбленнымъ отцомъ.

— Знаю, что тутъ все ложь и глупость. Дѣло скандаломъ не поправите, а я, сочувствуя вамъ сердцемъ и душою, беру на себя и ручаюсь, что все дѣло выяснится къ спокойствію вашему и общему. Я приму всю вину на себя, если не будутъ всѣ удовлетворены. Вѣрьте, князь, вамъ остается либо довѣриться мнѣ, либо быть арестованнымъ и подвергнуться большой отвѣтственности.

Князь говорилъ длинный и краснорѣчивый монологъ, и у старика вытекла не одна слеза. Я далъ ему высказаться, не противорѣчилъ, сочувствовалъ ему, но потребовалъ отказа говорить рѣчь.

— Какое вамъ нужно удостовѣреніе?—спросилъ онъ.

— Ваше честное слово, князь, и крошечная записочка, что вы ни слова не скажете о З—мъ въ собраніи.

Князь рѣшился послушаться меня, далъ мнѣ честное слово и кро-

шечную записочку, что говорить рѣчи не будетъ. Долго еще князь говорилъ, умолялъ меня сдержать свое слово и, наконецъ, сказалъ:

— Мнѣ кажется, что вы, въ благородномъ своемъ порывѣ, взяли дѣло не по своимъ силамъ.

— Подождите, князь,—увидите; не всегда громъ гремитъ изъ большой тучи.

Съ тѣмъ мы и разстались.

Я заѣхалъ къ З—му съ предложеніемъ, не лучше ли ему сказаться больнымъ, но онъ уже предупредилъ меня и далъ предложеніе открыть выборы предсѣдателю казенной палаты. Тогда поѣхалъ я къ князю Д—ну.

Выходитъ ко мнѣ князь, съ плотно обстриженой головой, воротнички à l'enfant, какъ Байронъ на портретѣ, съ трубкой, и цѣдитъ сквозь зубы—англичанинъ да и только!

— Чему я обязанъ, что вы пожаловали ко мнѣ?

— Князь, прежде всего здравствуйте и позвольте сѣсть; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Обстановка слишкомъ проста: во всю комнату простой крашеный столъ, около такая же голая скамейка, точно въ бѣдной школѣ; на скамейкѣ мы и усѣлись.

— Вы, князь, огорчены и очень раздражены изъ-за глупой лжи, дошедшей до васъ.

Князь какъ-то засопѣлъ, сжалъ чубукъ такъ, что у него хрустнули пальцы; странно сопѣвши, придвигался ко мнѣ. Молчитъ, не можетъ или не рѣшается сказать слово. Я спокойно посовѣтовалъ не придвигаться такъ близко, а то намъ неудобно говорить. Азія немного утихла, и князь сквозь черные зубы процѣдилъ:

— Желалъ бы я знать, какое вы имѣете право мѣшаться въ чужія дѣла?

Я разсмѣялся и сказалъ: Жандармы для того и учреждены, чтобы мѣшаться въ чужія дѣла. Вы сердитесь, князь, а, узнавъ мои намѣренія, вы не отвергнете моего участія.

— Я не имѣю нужды ни въ чьемъ участіи!

— Дѣло-то въ томъ, что я имѣю необходимость принять участіе въ вашемъ дѣлѣ.

— Позвольте узнать, какая вамъ необходимость соваться въ мои дѣла?

— Вы, князь, намѣрены разбить рожу З—му публично?

— Ну, что же вамъ за дѣло?

— До рожи З—го мнѣ совершенно нѣтъ дѣла, но его рожа принадлежитъ губернатору, вотъ это и перемѣняетъ видъ дѣла. Моя обязанность устранить всякое публичное оскорбленіе власти, поставленной

государемъ; я пришелъ доложить вамъ: пока З—й губернаторомъ, вы не исполните своего намѣренія.

— Кто можетъ остановить меня?

— Я, князь, затѣмъ и пришелъ къ вамъ.

— Какимъ это образомъ?

— Я прошу васъ, пока З—й губернаторомъ, не оскорблять его, въ чемъ и прошу вашего честнаго слова!

— А если я вамъ слова не дамъ?

— Я вынужденъ буду арестовать васъ.

Опять засопѣлъ и процѣдилъ:

— Какъ? что вы сказали, арестовать меня?

— Да, князь, я не могу поступить иначе и, какъ мнѣ ни непріятно это, но я исполню, такова моя обязанность.

— Вы не посмѣете этого сдѣлать!

— А вотъ увидите, князь, даю честное слово—сдѣлаю!

— Кто далъ вамъ право?

— Секретная инструкція, высочайше утвержденная!

— Вы не понимаете моего оскорбленія и не можете понять.

— Я вамъ сказалъ, что я все знаю подробно; думаю, что и сочувствовать вамъ могу, что̀ вы и увидите.

— Въ чемъ же ваше сочувствіе? Какъ вы поймете, что этотъ п... изъ счастливаго человѣка сдѣлалъ меня несчастнымъ?

— Прошу васъ выслушать меня безъ раздраженія. Прежде всего скажу вамъ, что вы будете счастливы!

— Я вамъ не вѣрю и вижу, что вы ничего не знаете.

— Эхъ, почтенный мой князь, какой же я былъ бы жандармъ, если бъ не зналъ всего; только публикѣ не извѣстно, что я все знаю, а я знаю болѣе вашего.

— Можете вы мнѣ сказать, что вамъ извѣстно?

— Очень охотно: малодушный хвастунъ З—й считалъ гордостью для себя похвастать интригой съ прекрасной и уважаемой дѣвушкой передъ графомъ Т—мъ; послѣдній, какъ вполнѣ благородный и честный человѣкъ, счелъ долгомъ предупредить васъ. Тутъ правы и Т—ой и вы, князь. Презрѣнно виноватъ З—й. Я радъ возможности удостовѣрить васъ честнымъ моимъ словомъ, что З—й солгалъ: ничего подобнаго не было.

— Какъ вы можете знать и ручаться?

— Князь, еще повторю: я жандармъ!

— Но позвольте, вы сами дворянинъ и можете быть въ моемъ положеніи; спрашиваю васъ, не имѣю ли я права наказать его?

— Вашего права я не отвергалъ и не отвергаю, но согласитесь, какое же вамъ удовлетвореніе, если вы красивой рукой будете бить... кого же?—З—го! Меня бы не удовлетворила подобная месть!

— Я убью этого подлеца, но прежде оскорблю его публично.

— Вы этого не сдѣлаете, пока онъ губернаторомъ, я не могу допустить того. Но предположимъ, вы надаете оплеухъ, вы убьете З—го, поправитъ ли это дѣло? Невинная дѣвушка все-таки будетъ оскорблена.

— Я отмщу ему.

— Пожалуйста, не сердитесь, вы отмстите свою обиду, но вѣдь это азіатскій эгоизмъ, тутъ дѣло не о васъ, а надобно возстановить честь невинной благородной дѣвушки, надобно подумать объ ея страданіи,— по-моему, вотъ о чемъ надобно подумать.

— Если вы все знаете, то должны знать, что я надѣялся быть счастливымъ мужемъ на всю жизнь, и проклятый, подлый человѣкъ все разрушилъ. Вы холодный зритель, вы не можете чувствовать глубокаго чувства горести, что чувствую я.

— Согласенъ, князь, можетъ быть, у меня кровь медленнѣе движется, чѣмъ у васъ, но все-таки, я думаю не о васъ, а о невинной прекрасной дѣвушкѣ. Болтовня не пристанетъ къ невинному ангелу, но условія общества таковы, что и сама невинность требуетъ очищенія.

— Чего же я могу желать и что сдѣлать по-вашему?

— Вотъ это дѣло, мой почтенный князь; спокойно обсудивъ, можно найти разумный исходъ. Вы мнѣ сдѣлали вопросъ, а я спрошу васъ: какого вы хотите удовлетворенія?

— Что же вы можете сдѣлать?

— Все, что вы хотите!

— Ну, а если бы я потребовалъ, чтобы онъ сознался, что солгалъ?

— Только-то, князь?

— Мнѣ и этого будетъ довольно.

— Я съ вами согласенъ, что тѣ же скверныя уста, которыя извергнули хулу, должны клятвою опровергнуть и сознатьоя публично во лжи.

— Какой же способъ этого достигнуть?

— Я беру на себя дать вамъ такое удовлетвореніе. Я обѣщаю вамъ, что онъ при васъ напишетъ, что онъ солгалъ и что если болтнетъ одно слово, то безъ претензій, гдѣ бы ни было, дозволитъ вамъ разбить свою рожу.

— Этого вы не можете исполнить!

— Ну, тогда, князь, гнѣвъ вашъ будетъ на мнѣ.

— Вы не шутите?

— Нѣтъ, не шучу.

— Вы много рискуете!

— Нисколько, но будете ли вы довольны тогда?

— Какъ же это можетъ быть?

— З—й вамъ поклянется при свидѣтеляхъ, что онъ все солгалъ, похвасталъ.

— Я бы хотѣлъ письменнаго подтвержденія этихъ словъ.

— Извольте, князь, я и это для васъ сдѣлаю, довольны ли вы будете тогда?

— А вы ручаетесь за исполненіе?

— Ручаюсь честнымъ словомъ, но и вы дайте честное слово, что пока онъ будетъ губернаторомъ, вы не оскорбите его.

— Хорошо, я буду совершенно доволенъ, но если вы не исполните, тогда у меня разсчетъ будетъ съ вами.

— Хорошо, князь, и такъ, дайте мнѣ честное слово и маленькую записочку, что вы не будете бить по рожѣ губернатора.

— Извольте.

— Прощайте, князь, не много терпѣнія, я все устрою скоро, вѣрьте мнѣ.

Въ моемъ планѣ было напугать З—го до крайней степени, что̀ я и учинилъ.

Пошелъ я къ З—му и увѣдомилъ его, что князь Б—въ не будетъ жаловаться дворянамъ. Сколько было радости, благодарности даже черезчуръ! Но, зная легкомысленную натуру З—го, я нарисовалъ цѣлый адъ мести князя Д—на и говорилъ, что не ручаюсь за его отчаянную рѣшимость.

— Да, я знаю,—говорилъ З—й—у него кивжалъ всегда готовъ. Батюшка, помогите, я по гробъ буду вамъ благодаренъ.

— Погодите, что могу, то сдѣлаю. Прощайте, мнѣ сегодня необходимо съѣздить въ уѣздъ по дѣлу.

— Какъ же вы бросите меня на жертву! мнѣ необходимо будетъ выйти изъ дома... дикарь... кинжалъ!

— Вотъ какъ мы сдѣлаемъ: я прибавлю вамъ двухъ жандармовъ, которымъ вы послѣ заплатите; выходить не совѣтую, скажитесь больнымъ, а еще лучше прикажите поставить себѣ дюжину піявокъ: это сдѣлается всѣмъ извѣстно, и болѣзнь будетъ прилична.

— Охотно принимаю вашъ совѣтъ.

Я уѣхалъ въ уѣздъ. Возвратясь, нашелъ моего губернатора въ постелѣ. Еще болѣе я настращалъ его княземъ Д—номъ. По моему описанію, это былъ крокодилъ, пантера! Въ нѣсколько дней, я до того деморализовалъ моего З—го, что онъ впалъ въ отчаяніе. Наступилъ моментъ: все, что я хотѣлъ, могъ сдѣлать съ З—мъ. Публика догадывалась, со всѣхъ сторонъ сыпались ко мнѣ вопросы, но успѣхъ могъ быть тогда, когда дѣло было въ однѣхъ моихъ рукахъ, безъ посторонняго участія; публика могла испортить весь эффектъ. З—й ужасно обрадовался, когда я взялъ на себя прекратить все дѣло съ нѣко-

торыми пожертвованіями съ его стороны. Онъ соглашался на все безусловно. Я предложилъ ему свиданіе съ княземъ Д—номъ вечеромъ. З—й долженъ написать подъ диктовку князя письмо и вручить ему лично.

Въ 9 часовъ вечера, князь былъ одѣтъ по послѣдней модѣ во фракѣ, З—й въ халатѣ исполнялъ роль больнаго. Большой круглый столъ въ гостиной былъ поставленъ недалеко отъ дверей спальной жены; я поставилъ З—го около стола со стороны и близъ дверей—на случай ретирады; на столѣ письменный приборъ. Привелъ князя Д—на и поставилъ его на діаметръ противъ З—го, а самъ сталъ въ серединѣ между нихъ. Оба молчатъ. Я сказалъ З—му:

— Князь желаетъ продиктовать письмо — угодно вамъ написать?

— Охотно исполню все!

— Князь, извольте диктовать.

Послѣ: «Милостивый государь», князь диктовалъ, процѣживая сквозь зубы:

«Дошедшія до васъ слова, сказанныя мною о княжнѣ Б., совершенно ложныя и если я сказалъ, то утверждаю клятвою, что я солгалъ. Клятвою утверждаю, что ничего подобнаго не было и вездѣ, всегда готовъ подтвердить это. Если-жъ я осмѣлюсь повторить мою ложь или безъ особаго уваженія произнести имя княжны, то даю право князю Д—ну, вездѣ и во всякое время, бить меня по лицу, какъ безчестнаго человѣка.

Комическая сторона этой сцены выразилась тѣмъ, что когда диктовалъ князь, то, поглядывая на меня, улыбался и подмигивая показывалъ на пишущаго З—го,—понятно говорилъ: какой дуракъ! Когда же З—й передалъ письмо князю Д—ну и тотъ внимательно читалъ, то З—й улыбаясь подмигивалъ мнѣ и тоже выражалъ глазами: какой дуракъ! А что я думалъ, стоя между ними? позвольте умолчать!

Князь Д—нъ, прочитавъ письмо, положилъ въ карманъ и, съ полупоклономъ, молча ушелъ. Бѣдная страдалица-жена З—го мучилась во все время не меньше мужа. По уходѣ князя, я очутился въ роли благодѣтельнаго генія,—благодарности, чуть не молитвы за спасеніе отъ бѣдъ и напастей. Князь Д—нъ совершенно удовлетворился. Князь Д—нъ объяснился съ княземъ Б—вымъ и съ ожившей для радостей невѣстой.

Всѣ счастливы, довольны, но конецъ-то вышелъ трагическій. Я написалъ подробное донесеніе шефу обо всемъ этомъ происшествіи, и вотъ, чрезъ три недѣли—указъ объ увольненіи губернатора З—го и высочайшее повелѣніе «впредь никуда не опредѣлять». Мой кредитъ высоко поднялся въ Симбирскѣ.

Бывшій губернаторъ З—й горько плакалъ и жаловался, что онъ не

знаетъ причины, по которой лишился мѣста, что онъ такъ бѣденъ, что не знаетъ, какъ выѣхать и вывезти семейство (у него была одна дочь, которая была женою брата П** и умерла оставя красавицу дочь). Откупщикъ Бенардаки подарилъ ему карету. Добряки дворяне собрали деньжонокъ и поручили Бенардаки отдать З—му отъ своего имени. Уѣхалъ онъ безъ проводовъ.

Какъ ни бужу свою память, не могу добиться отъ нея воспроизведенія момента съ подробностями, какъ явился губернаторъ Жиркевичъ въ Симбирскъ, и думаю, едва-ли солгу, сказавъ, что никто этого не зналъ; какъ тогда, такъ и теперь, не съумѣю объяснить: пѣшкомъ пришелъ или пріѣхалъ Жиркевичъ? Днемъ или ночью? Какъ-то всѣ вдругъ узнали, что новый губернаторъ занимается дѣлами. Говорили въ обществѣ о Жиркевичѣ такъ, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ Симбирска и какъ будто онъ давно уже губернаторомъ. Всезнайки разсказывали: когда спросили его, когда онъ позволитъ представиться чиновникамъ?—онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ безпокоиться, я съ господами служащими познакомлюсь, занимаясь вмѣстѣ дѣлами». Въ губернскомъ городѣ всѣ знаютъ, кто что ѣстъ, о пріѣзжемъ извѣстно—богатъ, бѣденъ, скученъ, веселъ, играетъ ли, танцуетъ ли, даже хорошо ли говоритъ по-французски, и проч. О Жиркевичѣ я не слыхалъ ни одного вопроса, никто не интересовался, и почти не упоминалась фимилія; просто говорили—губернаторъ. Я куда-то ѣздилъ; возвратясь, немедля явился къ новому губернатору. Въ залѣ два чиновника съ кипами бумагъ; я просилъ доложить, отвѣчали: не приказано, и указали на отворенную дверь въ кабинетъ. Губернаторъ у стола, уложеннаго бумагами, на двухъ стульяхъ—дѣла. Только я вошелъ, Жиркевичъ всталъ навстрѣчу мнѣ. Онъ былъ больше средняго роста (вершковъ восьми); правильное и, можно сказать, красивое лицо, но не только серьезное, почти суровое выраженіе; темнорусые волосы приглажены по-военному; въ форменномъ штатскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы—видна привычка къ военной формѣ. Жиркевичъ былъ сухаго сложенія, но не худъ; поклонъ, движенія мнѣ напоминали воспитаніе въ корпусѣ; говорилъ скоро, какъ-то отрывисто. Пригласилъ сѣсть. Думаю, захочетъ знать о губерніи, объ обществѣ... Ничуть не бывало, хоть бы слово спросилъ, а отъ кого же и узнать, какъ не отъ жандарма! Странное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня Жиркевичъ. Онъ вѣжливъ, но очень молчаливъ; всѣ вопросы его касались только лично меня. Я попробовалъ сказать шутку—онъ не слыхалъ; я хотѣлъ заинтересовать его серьезнымъ—онъ не обратилъ вниманія. Откланившись, я рѣшительно не могъ составить себѣ понятія о характерѣ Жиркевича.

Жиркевичъ скоро отдалъ мнѣ визитъ, и опять странность—пѣшкомъ, тогда какъ въ Симбирскѣ и мѣщане не ходили, а ѣздили; я не сказался дома; на карточкѣ просто: Иванъ Степановичъ Жиркевичъ.

Зашелъ къ Жиркевичу вечеромъ—читаетъ и подписываетъ бумаги; около стоитъ правитель канцеляріи Раевъ. Жиркевичъ отпустилъ Раева, сказавъ: «я бумаги къ вамъ пришлю». Ну, думаю, теперь разговоримся. Жиркевичъ, все въ форменномъ застегнутомъ сюртукѣ, былъ очень вѣжливъ, говорилъ о погодѣ, мѣстоположеніи города—сухая исторія! Я коснулся было общественной жизни, что дворяне любятъ веселиться и привыкли, чтобы участвовалъ съ ними губернаторъ. Онъ отвѣчалъ, что какъ справится съ дѣлами то и онъ не прочь раздѣлить общее удовольствіе. Но такъ и не справился! Я разсказалъ какой-то анекдотъ думая сорвать улыбку—разсказъ мой прошелъ мимо! Видаясь по разнымъ случаямъ съ Жиркевичемъ, я всегда заставалъ его за бумагами и составилъ о немъ себѣ понятіе, что это человѣкъ дѣла. Онъ всегда былъ какъ-то сдержанъ, очень вѣжливъ, но малѣйшая несправедливость, плутовство по дѣламъ—выводили его изъ себя; вспливъ, онъ уже не зналъ границъ гнѣва. Много ходило разсказовъ по городу, какъ онъ, забывшись, гнался до крыльца за совѣтникомъ. Мошенники для него теряли личность, но за то и боялись его чиновники!

Жиркевича полюбить очень трудно, но нельзя было не почитать его, нельзя было не уважать честной его дѣятельности, его безкорыстія; онъ отдался весь, безъ остатка, полезному служебному труду. Жиркевичъ былъ ходячій законъ. Узнавши его, я готовъ былъ поклониться ему, но, къ сожалѣнію, видѣлъ, что онъ не по дому пришелся въ Симбирскѣ. Мои сношенія съ нимъ были прекрасны, но сухи.

Я заговаривалъ съ дворянами, какъ бы губернатора завлечь въ общество? Мнѣ отвѣчали: «Зачѣмъ? Онъ пріѣзжій, долженъ самъ искать въ насъ; не хочетъ, пусть будетъ губернаторомъ, мы ему не мѣшаемъ и не нуждаемся въ немъ».

На послѣднихъ выборахъ, губернскій предводитель, князь Б—въ, отказался, и на его мѣсто выбрали отставнаго генералъ-маіора Бестужева; онъ былъ старый холостякъ, веселонравный, часто впадалъ въ роль буффа.

Почиталъ я Жиркевича и очень любилъ генерала Бестужева, но вотъ случай, поставившій меня въ затрудненіе: были парадныя похороны уважаемой особы; лѣтній день превосходный, весь городъ высыпалъ проводить гробъ въ монастырь. Въ Симбирскѣ въ общемъ употребленіи: на длинныхъ, тонкихъ дрогахъ устроены очень низко дрожки, на нихъ могутъ сѣсть семь, восемь человѣкъ. На такихъ дрожкахъ или городовомъ тарантасѣ, сѣли: Жиркевичъ, Бестужевъ и я—между ними посединѣ. Народъ толпился около важныхъ лицъ. Надобно разсказать бывшій передъ тѣмъ случай. Былъ архитекторъ и въ то же время небольшой помѣщикъ Симбирска. Какая-то казенная постройка или починка поручена архитектору; обыкновенно: смѣта, справочныя цѣны. Архитекторъ не разсчиталъ, что емупридется имѣть дѣло съ Жир-

кевичемъ. Обычная увѣренность спеціалистовъ—что тамъ смыслитъ губернаторъ! Жиркевичъ сразу поймалъ не на одной плутнѣ и еще бы ничего, но архитекторъ упорно заспорилъ; Жиркевичъ вспылилъ, вышелъ изъ себя, и архитекторъ дѣйствіемъ вылетѣлъ изъ кабинета и изъ дома. Архитекторъ, какъ помѣщикъ, принесъ жалобу губернскому предводителю. Сначала мы ѣхали почти молча, Бестужевъ очень скромно сказалъ:

— Ваше превосходительство, вы на-дняхъ очень неосторожно выгнали здѣшняго помѣщика.

— Кого это?

— Архитектора.

— Онъ мошенникъ, воръ.

— Этотъ мошенникъ все-таки дворянинъ, помѣщикъ, такъ нельзя поступать.

— Мошенникъ, воръ,—не имѣетъ званія, я выгналъ подлеца и выгоню всякаго вора.

— Если такъ будете поступать съ дворянами, то къ вамъ придутъ всѣ дворяне!

— Я прикажу баталіону выгнать ихъ!

Вижу, закипѣлъ Жиркевичъ, дошло до крупнаго, народъ окружаетъ плотно; я рѣшился войти въ свои права и, не смотря ни на котораго, сказалъ: Ваши превосходительства, господинъ губернаторъ и господинъ губернскій предводитель! На основаніи секретной инструкціи, высочайше утвержденной, прошу прекратить разговоръ, унижающій главныя власти; здѣсь не мѣсто, васъ окружаетъ народъ!

Замолчали оба мои пріятели и молча доѣхали до могилы. Послѣ съ обоими я не коснулся этого случая.

Честный и ретиво-трудолюбивый Жиркевичъ не могъ понравиться симбирскому дворянству, которое было гордо, богато, независимо и дружно. Дворянство привыкло видѣть въ губернаторѣ члена общества, не мѣшая ему быть губернаторомъ. Жиркевичъ не могъ отдѣлиться отъ службы; какъ онъ для общества, такъ и оно для него, не существовало.

Весьма часто я писалъ къ шефу, что Жиркевичъ феноменъ между губернаторами, но въ Симбирскѣ онъ пришелся не по дому. Писалъ, что Жиркевича достанетъ управлять тремя губерніями, стоялъ за его благородную честность, неутомимость, но, какъ губернаторъ, въ Симбирскѣ онъ совершенно нелюбимъ дворянствомъ, которое можетъ уважать губернатора, но когда онъ стоитъ въ головѣ общества и дѣлитъ съ ними удовольствія. Жиркевича убрали.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Э. И. Стогова.

VIII [1]).

Симбирскій помѣщикъ Мотовиловъ.—Женитьба Стогова.—Выдача замужъ свояченицы.—Переводъ Стогова въ Кіевъ.—Характеристика поляковъ и полекъ.—Полюбовное размежеваніе.

Если обратиться къ переходу моему въ жандармы, то одною изъ важныхъ причинъ было мое желаніе жениться. Сдѣлавшись членомъ симбирскаго общества и чувствуя себя хорошо и твердо стоящимъ, я, хотя и плясалъ, но не забывалъ искать невѣсты. Симбирскъ отличается хорошенькими личиками барышенъ. Войскъ въ Симбирской губерніи никогда не было никакихъ, молодежь большею частію на службѣ, невѣстъ, хоть лопатою греби. Въ самомъ городѣ, составленный мною списокъ показалъ 126 невѣстъ великодушныхъ, т. е. имѣющихъ приданаго болѣе 100 душъ; за малымъ исключеніемъ, я могъ жениться на любой. Жениться—надобно поразмыслить, а какъ сталъ размышлять: та—не нравится, другая—имѣетъ дурныхъ братьевъ, третья—имѣетъ родителей, которыхъ уважать не могу и т. д. Нѣтъ мнѣ невѣсты въ городѣ. Была мнѣ другомъ Марья Петровна Прожекъ, урожденная Бѣлякова; она постоянно совѣтовала мнѣ жениться. Я рѣшился собрать свѣдѣнія о дѣвицахъ по деревнямъ. Нашелся чудакъ, ни съ кѣмъ незнакомый, въ Симбирскѣ не бывалъ, поручикъ артиллеріи въ отставкѣ; у него жена, три сына и двѣ дочери невѣсты, чудакъ—никому въ жизни не поклонился. Загряжскій попробовалъ было потребовать его въ городъ, онъ отвѣчалъ: я не мальчикъ разъѣзжать, что нужно губернатору, то пусть пишетъ, я грамотный, и не поѣхалъ. Чудакъ, но ни одно

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1903 г.

сословіе не сказало о немъ дурнаго слова: купцы говорили—честный баринъ, помѣщики—чудакъ, но честный; мужики—называли отцомъ роднымъ, чиновники—боялись затронуть его; богатые называли его скупцомъ, бѣдные—благодѣтелемъ. Любви къ нему не выражалось, но и не ходило о немъ ни одного анекдота. Чудакъ этотъ былъ Егоръ Николаевичъ Мотовиловъ. О дочеряхъ—ничего нельзя было узнать, ихъ никто не видалъ, но городовые и горничныя говорили, что старшую больно хвалятъ, дворня вся любитъ ее. На другихъ деревенскихъ семействахъ незачѣмъ было останавливаться. Однажды я высказалъ мое любопытство Маріи Петровнѣ; она хохотала, говорила, что она сосѣдка въ 20-ти верстахъ, но не знакома, потому что никто не знакомъ. Я просилъ ее съѣздить и посмотрѣть, не годится ли мнѣ старшая дочь. Марія Петровна поѣхала и на другой день писала: «Если судьба назначила тебѣ имѣть жену, то такому тирану нѣтъ другой жены, какъ бѣдная, кроткая Анюта». На другой же день я былъ въ Цильнѣ—это 60 верстъ отъ Симбирска.

Пріѣхалъ я часу въ 5-мъ послѣ обѣда. Домъ не большой, деревенскій, простъ даже для очень небогатаго помѣщика; внутри дома еще проще, стѣны не оклеены, не крашены, мебель самая простая, домодѣльная, обтянутая кожею и жесткая, какъ камень. Въ залѣ, у стѣны кровать, на которой лежалъ пожилой человѣкъ, посреди комнаты небольшой столъ, у котораго сидѣла благообразная старушка и попъ. Я отрекомендовался, говоря, что ѣду на слѣдствіе, но заѣхалъ напиться чаю. Больной старикъ всталъ и сказалъ, что онъ поручикъ Мотовиловъ, а старушка—жена его. На старикѣ тулупчикъ и брюки были разорваны. Никакой церемоніи, при встрѣчѣ со мною никакой суеты не было. Старикъ сѣлъ на кровать и молчалъ, за то я говорилъ, какъ шарманка. Лакей, тутъ же въ залѣ, началъ готовить чай, и онъ же разливалъ. Коснулся я хозяйства и насилу вызвалъ старика на кой-какой отвѣтъ, онъ говорилъ не охотно и какъ-то странно.

— Да, батцка, наше дѣло хозяйничать, а ваше служить, каждому до своихъ дѣлъ.

Вошли двѣ дѣвицы.

— Это двѣ мои дочери,—сказалъ старикъ,—вотъ старшая Анюта, а эта младшая Александра.

Дѣвочки въ корсетахъ, въ ситцевыхъ поношеныхъ платьяхъ, молча сѣли. Надобно знать, что владѣю способностью, по голосу женщины, не видавши ее, заключать объ ея характерѣ и почти безошибочно. Не обращая вниманія на дѣвицъ и поддерживая кое-какъ разговоръ со старикомъ, я хотѣлъ слышать голосъ старшей. Сестры такъ были не похожи между собою, будто разнаго семейства: старшая—блондинка, круглаго лица, младшая—брюнетка съ продолговатымъ лицомъ.

За чаемъ что-то дѣвицы отвѣчали матери; мнѣ было довольно, чтобы заключить все хорошее о старшей.

Наступила темная октябрская ночь, надобно было ночевать, старикъ безъ церемоніи сказалъ:

— А вы ночуйте за рѣкой, тамъ живетъ мой братъ, да его нѣтъ дома, я прикажу васъ проводить.

Изъ всего я увидѣлъ, что старикъ независимый и даже гордый человѣкъ. Уѣхалъ я ночевать къ другому Мотовилову, меня тамъ приняли очень вѣжливо. Прощаясь со старикомъ, я напросился на утренній чай. Этотъ чудакъ старикъ имѣлъ болѣе 1000 душъ, отлично устроенныхъ и незаложенныхъ. Въ 5-ть часовъ утра меня разбудили и звали пить чай къ старику. Я нашелъ все семейство въ той же комнатѣ, дочерей въ корсетахъ и причесаныхъ, а старика, сидѣвшаго около стола у окна, въ томъ же костюмѣ. Я усѣлся по другую сторону стола. Мимо окна прогоняли превосходныхъ лошадей, коровъ, мериносовъ, и старикъ, указывая на стада, разсказывалъ мнѣ о своемъ хозяйствѣ.

— Да, батцка,—сказалъ онъ, вздохнувъ,—слава Богу, все хорошо, только не даетъ Богъ здоровья. Я знаю, что долго не проживу, старуха скоро отправится за мною, сыновья у меня отдѣлены, вотъ только не подумалъ я о дочеряхъ, ихъ жалко оставить,—безъ родителей имъ будетъ трудно жить.

— Кто жилъ для дѣтей,—сказалъ я,—тотъ исполнилъ святую обязанность, и Богъ не оставляетъ такія семейства. Впрочемъ, что же вамъ безпокоиться: дочери ваши пользуются прекрасною репутаціею, никто не скажетъ о нихъ ничего кромѣ хорошаго.

— Все оно такъ,—отвѣчалъ старикъ,—можетъ быть, вы говорите и правду, но нынѣ времена стали тяжелыя, однимъ молодымъ дѣвицамъ жить трудно, есть у меня сынъ женатый, да сестры мужа не жилицы при невѣсткѣ. Вотъ какъ подумаю о дочеряхъ, то мнѣ и жалко ихъ.

— Я не понимаю, Егоръ Николаичъ, почему такъ тревожитъ васъ положеніе вашихъ дочерей, отдайте за меня старшую. Мы всѣ смертны; если Богу угодно, то я васъ похороню, тогда младшая будетъ жить у сестры, а современемъ и ея судьба устроится.

Старикъ серьезно посмотрѣлъ на меня и, сдѣлавъ сердитые глаза, сказалъ:

— Шутить такъ неприлично, вамъ не дано повода къ тому.

— Ни ваше положеніе, ни мое званіе,—сказалъ я,—не даютъ мнѣ права шутить. Я не изъ тѣхъ людей, чтобы дозволить себѣ подобную шутку, скажу прямо, я нарочно къ вамъ пріѣхалъ, чтобы просить руку вашей старшей дочери и повторяю мою просьбу.

— Да вы не могли знать моей дочери?

— Извините, я жандармъ, я обязанъ все знать и знаю.

— Но я долженъ вамъ сказать, что мы васъ не знаемъ.

— Вотъ это правда: предоставляю вамъ узнать о мнѣ, а я вамъ доложу, что я превосходный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, и вы не найдете недостатковъ во мнѣ.

— Ну, батцка, аржаная каша сама себя хвалитъ, и старикъ разсмѣялся, что̀ мнѣ и нужно было.

— Ну, такъ какъ же, Егоръ Николаичъ, какой вашъ будетъ отвѣтъ?

— Послушайте, батцка, намъ надобно подумать, да узнать, что вы за человѣкъ.

— Вотъ и это можно; только если я имѣю не много ума, то я надую васъ отлично, лучше вѣрьте, что я прекрасный человѣкъ.

— Правда, нынѣшній народъ хитеръ, трудно узнать человѣка, но все же надобно подумать и узнать.

— И такъ прощайте, я ѣду обратно въ Симбирскъ, а вамъ хочу сказать: какъ родители, можете располагать рукою дочери и если откажете, то я, можетъ быть, болѣе буду уважать васъ, этому вѣрьте.

Передъ отъѣздомъ я спросилъ, когда получу отвѣтъ. Старикъ обѣщалъ прислать.

Въ Симбирскѣ никто и предполагать не могъ о моемъ намѣреніи.

Черезъ четыре дня является ко мнѣ лакей Мотовиловыхъ, Титъ.

— Что скажешь?—спросилъ я.

Егоръ Николаевичъ и Прасковья Ѳедосеевна приказали кланяться и просить васъ пожаловать къ нимъ въ Цильну.

— Болѣе ничего?

— Ничего-съ.

— Ступай.

Это было рано утромъ, почтовыя лошади, тарантасъ, и я опять къ чаю въ Цильнѣ. Тотъ же часъ, въ той же комнатѣ, тѣ же лица (кромѣ попа) и такъ же одѣты, тотъ же лакей дѣлалъ чай. Говорилъ опять только я почти одинъ. Прошло два часа, старикъ ни слова не говоритъ о своемъ согласіи или отказѣ. Не любя проволочки въ дѣлахъ, я самъ началъ:

— Егоръ Николаичъ, если вы припомните, я просилъ руки вашей старшей дочери; вы за мной прислали, вотъ уже два часа я здѣсь, но не слышу вашего слова.

— Мы съ Прасковьей Ѳедосеевной думали, старались узнать о васъ, да вѣдь одинъ Богъ васъ узнаетъ. Но вотъ, видите ли, вы въ голубомъ мундирѣ, этого мундира никто не любитъ, но васъ всѣ хвалятъ, видно, и въ правду вы хорошій человѣкъ, а если такъ, то Богъ васъ благословитъ.

Я подошелъ къ старику, поцѣловалъ его руку и увѣрялъ его, что

я такой хорошій человѣкъ, что чѣмъ болѣе меня узнаетъ, тѣмъ болѣе полюбитъ. Старикъ смѣялся.

— А ты, батцка, все-таки себя хвалишь,—говорилъ онъ.

— Да кто же меня похвалитъ, если самъ не скажу о себѣ правды.

Послѣ этого я подошелъ къ старухѣ и просилъ ее дать свое согласіе. У этой добродѣтельнѣйшей изъ женщинъ и лучшей изъ матерей показались слезы на глазахъ.

— Мы васъ не знаемъ,—сказала она взволнованнымъ голосомъ,— я никогда не рѣшилась бы отдать мою дочь неизвѣстному мнѣ человѣку, но 40 лѣтъ говоря моему мужу д а, всегда видѣла въ томъ добро, не хочу и теперь сказать н ѣ т ъ, надѣясь на Бога, что дочь моя будетъ счастлива.

— Пожалуйте вашу руку и позвольте назвать васъ матерью. А что ваша дочь будетъ счастлива, въ томъ не сомнѣвайтесь, во-первыхъ, потому, что я превосходный человѣкъ, а во-вторыхъ, потому, что я самъ хочу быть счастливымъ, а безъ счастія жены нѣтъ счастія для мужа. Будьте увѣрены, что вы полюбите меня не менѣе своихъ родныхъ дѣтей.

Старуха усмѣхнулась.

— Ну, батюшка,—сказала она,—хвалить-то себя ты мастеръ. Потомъ подошелъ я къ невѣстѣ,

— Съ родителями вашими уладилъ,—сказалъ я,—остается дѣло за вами.

— Я васъ совсѣмъ не знаю,—отвѣчала она.

— Да гдѣ же вамъ и знать; не только молоденькую васъ, но я и вашихъ родителей съумѣю обмануть. Не въ томъ дѣло, а вотъ въ чемъ: я до сихъ поръ былъ одинъ изъ счастливыхъ людей, хочу жениться не для того, чтобы быть несчастливымъ; счастіе состоитъ въ согласіи супруговъ, а это не всегда отъ нихъ зависитъ. Вы слабыя созданія, а мы—сила; для уравненія Богъ далъ вамъ то, чего мы не имѣемъ—женщина надѣлена отъ Бога особымъ чувствомъ—инстинкта. Ни съ того, ни съ сего, дѣвушкѣ не нравится въ мущинѣ: голосъ, походка, манера—это называютъ антипатіей; но мужчина, не красивый собою, привлекаетъ вниманіе дѣвушки каждымъ своимъ движеніемъ и ей нравится; это называется симпатія. Я глубоко вѣрую въ эти чувства. Мы другъ въ друга не влюблены, то можемъ разсудить хладнокровно. Намъ не съ стариками жить, если въ васъ есть ко мнѣ малѣйшее чувство антипатіи, заклинаю васъ—скажите откровенно, потому что чувство антипатіи я не воленъ измѣнить, тогда я буду несчастливъ, и все несчастіе падетъ на васъ бѣдную. Вотъ, пожалуйста, посмотрите, я буду ходить, голосъ мой вы слышали, наружность видите, подумайте и скажите, нѣтъ ли во мнѣ чего-нибудь противнаго?

И я началъ ходить по комнатѣ; старики молчали.

— Скажите, заклинаю васъ,—спрашиваю я, остановившись передъ невѣстою,—нѣтъ ли во мнѣ чего-либо противнаго?

— Нѣтъ,—отвѣчала она.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте къ образу, перекрестимтесь.

И только она перекрестилась, какъ я быстро поцѣловалъ ее и сказалъ: теперь и съ вами кончено, теперь вы моя невѣста. Ночевалъ я опять за рѣкой, по утру въ 5 часовъ пилъ чай и былъ уже не чужой въ семьѣ. Старикъ былъ боленъ, и я упросилъ его переѣхать ко мнѣ въ городъ. Онъ согласился. Это былъ такой человѣкъ, что, сказавши разъ—да, слова своего не перемѣнитъ, а сказавши—нѣтъ, тоже не измѣнитъ до смерти.

Послѣ я узналъ, что этотъ по наружности чудакъ былъ замѣчательно умный и даже начитанный человѣкъ, но гордый и самостоятельный.

Въ городѣ никому и на умъ не приходило, что я женихъ. Скоро старикъ переѣхалъ ко мнѣ, и это обратило общее вниманіе. Пошли толки по всему Симбирску; предположеній, пересудовъ, догадокъ и не сосчитать, а я никому ни одного слова. Странное отношеніе мое было съ обществомъ, я былъ знакомъ со всѣмъ городомъ, бывалъ въ семействахъ по-старому, спросить меня совѣстились, а я молчалъ. Разъ идя по улицѣ, встрѣчаю своего корпуснаго товарища—Андрюшу Сомова. Онъ очень давно оставилъ флотъ, былъ въ коммиссаріатѣ и теперь въ отставкѣ. Онъ былъ помѣщикъ Саратовской губерніи, женѣ его принадлежало 50 душъ. Онъ пріѣхалъ въ Симбирскъ продать ихъ, нашелъ плохаго покупщика и просилъ меня помочь ему въ этомъ дѣлѣ.

— Каково это имѣніе?—спросилъ я будущаго тестя.

Старикъ зналъ всѣ имѣнія и сказалъ: «очень хорошо». Я разсказалъ старику о желаніи Сомова продать, а что я хочу его купить.

— На что тебѣ?—спросилъ старикъ.

— Да вотъ видите ли, есть обычай дарить невѣсту: шалями, брилліантами и проч. По-моему это деньги пропащія, только хвастовство, а я хочу подарить моей невѣстѣ—деревню, это будетъ громко; но когда женюсь, то мой подарокъ придетъ къ моимъ рукамъ безъ убытка.

— А какъ ты подаришь деревню невѣстѣ, а мы тебѣ откажемъ?—сказалъ старикъ.

— Тогда я скажу, слава Богу, что я развязался съ подлецами; потеря денегъ еще не важное дѣло, наживу вновь.

Старикъ разсмѣялся и сказалъ:

— Видно, тебя голой рукой не возьмешь, ты порядочный плутъ; видно, ты знаешь, когда старикъ сказалъ да, то никто этого не пере-

мѣнитъ. Богъ тебя благословитъ, покупай, о подаркахъ разсуждаешь умно.

— Что просятъ за имѣніе?

— Шестьдесятъ тысячъ рублей.

— Покупай, не торгуйся, имѣніе, купленное дорого, выгоднѣе проданнаго, вотъ на продажу нѣтъ тебѣ моего благословенія.

Чрезъ полчаса съ Сомовымъ было дѣло кончено.

Я долженъ разсказать о положеніи дѣтей Мотовилова. У него было три сына, старшій Николай, кончилъ курсъ въ университетѣ. Отецъ, презирая гражданскую службу, приказалъ сыну поступить въ военную; онъ скоро сдѣлался старшимъ адъютантомъ въ дивизіи генералъ-лейтенанта Дувинга, который былъ нѣмецъ, но женатъ на русской—Обручевой. У нихъ было много дѣтей, но всѣ были въ институтахъ и корпусахъ на казенномъ содержаніи, а дома была одна дочь Анна. Николай Мотовиловъ влюбился въ дочь генерала; родители Анны были согласны, но отецъ Николая не давалъ согласія, на томъ основаніи, что ненавидѣлъ нѣмцевъ. Николай не ослушивался отца, но три года просилъ позволенія жениться. Наконецъ, мать Николая, въ добрый часъ упросила мужа, тотъ согласился, но съ условіемъ—не видать Дувинговъ.

Прошелъ годъ, у Николая родился сынъ Георгій. Семейному сыну надобно помогать. Старикъ Мотовиловъ приказалъ сыну выйти въ отставку, что̀ Николай и исполнилъ. Пріѣхалъ онъ съ женою въ Цильну, старикъ принялъ сына и невѣстку ласково и хотя домъ въ Цильнѣ тѣсенъ, но помѣстились. Жена Николая, любящая опрятность, по два и по три раза въ день купала крошку сына. Это старику надоѣло.

Онъ отправился къ помѣщику Бабкину и предложилъ ему продать свое имѣніе Скорлятку, въ которомъ считалось 100 душъ, съ условіемъ продать все, что̀ есть. Бабкину предлагалось надѣть только шинель и шапку и выѣхать изъ имѣнія. Не только бѣлье, но одежду и всѣ запасы: чая, сахара, кофе, часы въ домѣ, серебро, посуду все оставить покупателю. Бабкинъ запросилъ 80.000 рублей; старикъ не торговался и заплатилъ. Пріѣхавъ домой съ купчею, старикъ Мотовиловъ вручилъ ее сыну Николаю и далъ ему еще 5.000 рублей на первыя потребности, а невѣсткѣ ласково и шутя сказалъ:

— Ну, матушка, будешь довольна, тамъ воды сколько хочешь, можешь купать своего сына.

Между прочимъ покупка имѣнія Воецкаго у Сомова состоялась, у меня недоставало 10.000 рублей, но я зналъ, что 10.000 рублей мои деньги лежатъ въ банкѣ и билетъ хранится у отца; пока я написалъ къ отцу о билетѣ и просилъ благословенія на бракъ, старикъ далъ мнѣ 10.000 р.

на вексель и все дразнилъ меня, что онъ поступитъ со мною, какъ съ должникомъ, строго. Видимо, старикъ хотѣлъ подарить эти деньги. Для совершенія купчей на имя Анюты потребовалось ея присутствіе въ Симбирскѣ. Въ то время казалось неприличнымъ ѣхать невѣстѣ въ домъ жениха и жить тамъ, но старикъ приказалъ, мать и дочь прожили у меня три дня. Старикъ становился плохъ, того и гляди, скончается, тогда трауръ и свадьба затянулись бы. Доктора, по просьбѣ моей, можно сказать, искусственно тянули жизнь старика: ему постоянно дѣлали ванны изъ бульона съ виномъ, давали сильныя возбуждающія средства внутрь.

Наконецъ, возвратился курьеръ съ дозволеніемъ на бракъ. Я въ тотъ же день поскакалъ въ Цильну, посаженой матерью моею была мой другъ, Марья Петровна, а отцомъ я схватилъ въ Симбирскѣ отставнаго лейтенанта, старика Бестужева, шаферомъ—отставнаго прапорщика Мякишева. Со стороны Анюты былъ посаженый отецъ дядя Ахматовъ, а шаферами братья. Старикъ благословилъ меня. На другой день свадьба была совершена безъ гостей и безъ шампанскаго; мнѣ стоила она 15 руб. ассигн.

Я не говорилъ ни слова въ городѣ, что женатъ; всѣ ожидали моего объявленія и приличныхъ праздниковъ, но ничего подобнаго не было. Анюта слышала прежде, что молодая обязана дѣлать визиты знакомымъ мужа и своимъ. Я видѣлъ, что она неохотно собирается дѣлать визиты, но на вопросъ мой отвѣчала, что исполнитъ все, что должно, хотя это ей непріятно.

— Такъ зачѣмъ же, мой другъ,—сказалъ я,—дѣлать непріятное?

— Да говорятъ, что это должно,—отвѣчала она.

— Послушай, Анюта, однажды на всегда: мы женились для себя, а не для другихъ, то и должны дѣлать только то, что намъ пріятно. Визиты, это требованіе чужихъ намъ людей,—тебѣ не хочется, ну, и не дѣлай, поѣдешь тогда, когда захочешь и къ кому захочешь, вотъ мой сказъ.

Анюта радостно спросила:

— А если я ни къ кому не поѣду, вы сердиться не будете?

— Сердится ни на что не буду и говорю тебѣ просто: дѣлай, что тебѣ хочется, и все будетъ хорошо.

Для скромной Анюты это былъ праздникъ; она казалась совершенно счастливою. Однажды я спросилъ ее: любитъ ли она меня?

— Какъ это странно,—отвѣчала она,—чтобы я могла любить чужаго человѣка; но я уважаю васъ, уважаю ваши правила и характеръ, а, право, любить не могу.

— Какъ же ты рѣшилась идти замужъ за меня, не любя?

— Я повиновалась родителямъ, но очень боялась васъ и думала: послушаюсь родителей и скоро умру.

Спустя мѣсяца два—три, я снова спросилъ Анюту, любитъ ли она меня? Она отвѣчала, что любитъ, но конечно не столько, какъ своихъ братьевъ, вѣдь я чужой, а братья—родные, и, ласкаясь, говорила, что, вѣроятно, я такъ буду справедливъ, что никогда не потребую, чтобы она любила меня столько же, сколько братьевъ. Я находилъ все это разумнымъ, справедливымъ и естественнымъ. Анюта была очень умна отъ природы, училась кой-чему и даже хорошо, но въ своей затворнической жизни совершенно была чужда жизни практической. Это воспитаніе долженъ былъ дополнить я.

Между тѣмъ съ Кавказа пріѣхалъ въ годовой отпускъ капитанъ Гельмертъ. Такъ какъ въ Симбирскѣ я былъ старшій, то всѣ военные пріѣзжіе являлись ко мнѣ. Послѣ смерти моей тещи черезъ три мѣсяца, приноситъ ко мнѣ денщикъ Гельмерта письмо отъ него. Какъ я ни бился, но, серьезно говоря, всего разобрать не могъ, однако, понялъ, что онъ проситъ руки Саши, сестры Анюты. Я сказалъ денщику, чтобы онъ просилъ барина ко мнѣ, что письма его прочитать не могу. На другой день утромъ явился Гельмертъ, а я между прочимъ собралъ о немъ кой-какія свѣдѣнія и всѣ въ пользу его. Посадивъ его, я спросилъ, что ему угодно? Онъ долго мялся, конфузился, наконецъ высказалъ свое желаніе жениться на Сашѣ. Я поблагодарилъ, но весьма серьезно сказалъ:

— Мы военные, и откровенность между нами вещь обыкновенная. Я честный человѣкъ и на честное ваше предложеніе сочту грѣхомъ себѣ не сказать вамъ правды; но дайте мнѣ честное слово, что кромѣ насъ никто о томъ не узнаетъ. Моя сестра Саша можетъ нравиться — въ этомъ я не сомнѣваюсь, но, узнавъ ея недостатки, благоразуміе указываетъ удалиться отъ нея, она имѣетъ несчастіе употреблять вина весьма неумѣренно, и страсть эта усиливается. Вы теперь знаете, отъ какой бѣды сохраняетъ васъ моя искренность, но надѣюсь, что все это останется между нами. Прощайте, невѣстъ много, желаю вамъ счастія.

Бѣдный Гельмертъ откланялся.

Я Сашу очень любилъ, она вполнѣ была добрая, кроткая и невинная сердцемъ дѣвочка, тоже была очень привязана ко мнѣ, часто говорила, что меня любитъ болѣе всѣхъ своихъ братьевъ. Я далъ слово покойникамъ устроить ея судьбу. Собирая подробныя свѣдѣнія о Гельмертѣ, я узналъ, что это былъ простой, но совершенно добрый человѣкъ. Онъ былъ сынъ доктора, служилъ долго на Кавказѣ, имѣлъ много крестовъ и персидскіе на шеѣ — льва и солнца. Гдѣ онъ видѣлъ Сашу, я не зналъ, а видѣла ли она Гельмерта?—скорѣе нѣтъ.

Послѣ свиданія я ни слова не сказалъ о предложеніи его, даже Анютѣ. Черезъ недѣлю приходитъ онъ опять съ предложеніемъ и признался, что онъ много думалъ, не спалъ ночи, молился, но не можетъ найти покоя,—все видитъ Александру Егоровну.

— Если судьба назначила мнѣ,—говорилъ онъ,—погибнуть въ этой женитьбѣ, то все равно, погибну, и не женившись.

Я продолжалъ дурачиться, увѣрялъ его, что онъ ищетъ бѣды. Онъ не красно говорилъ, но видимо страдалъ, и текли слезы по блѣднымъ щекамъ, такъ онъ похудѣлъ.

— Гдѣ вы могли видѣть мою сестру?

— Въ церкви.

— Говорили ли съ ней?

— Никогда, ни слова.

— Знаетъ ли она васъ?

— Полагаю, нѣтъ.

— Послушайте меня, не дѣлайте глупости, успокойтесь и уѣзжайте на Кавказъ, но, впрочемъ, для удостовѣренія вашего, что я васъ не обманываю, приходите сегодня обѣдать въ 2 часа.

Я тихонько сказалъ Анютѣ и просилъ ее до времени не говорить сестрѣ. Передъ обѣдомъ, я сказалъ Сашѣ, что у насъ будетъ обѣдать нужный мнѣ человѣкъ и просилъ ее почаще наливать ему вина. Явился Гельмертъ, расфранченный по-армейски; отъ каждой части тѣла пахло разными духами. За обѣдомъ, я только подмигну Сашѣ, она за бутылку, а я, какъ будто боясь, чтобы она не налила себѣ, бутылку отнималъ и предлагалъ гостю, а ему подмигивалъ, давая знать, вишь какъ хватается за бутылку. Такъ повторилось разъ шесть за обѣдомъ. По выходѣ изъ-за стола, я успѣлъ шепнуть гостю:

— Видѣли, какая страсть у дѣвушки, сколько мнѣ заботы, чтобы при чужихъ не напивалась.

Гельмертъ только вздыхалъ. Усѣлись въ гостиной пить кофе, я шепнулъ Анютѣ, чтобы она незамѣтно вышла, а самъ пошелъ за трубкой, но вмѣсто того подсматривалъ въ притворенную дверь. Смотрю, мой капитанъ подъѣхалъ къ Сашѣ, что-то тихо говорятъ, и онъ, злодѣй, уже два раза поцѣловалъ руку. Далъ я имъ время болтать и при третьемъ поцѣлуѣ руки быстро растворилъ дверь и сердитымъ голосомъ крикнулъ:

— Это что значитъ? Что за интимныя объясненія? Г. капитанъ, извольте сказать, что вы шептались съ моей сестрой?

Смѣшался бѣдный, заикаясь и труся, признался, что просилъ ея руки.

— Ну, а ты, сударыня безстыдница, что ему отвѣчала?

— Я, братецъ, сказала, что если вы согласны, то и я буду согласна.

Входитъ Анюта, я разсказалъ о безстыдствѣ Саши и спросилъ у Анюты, что она объ этомъ думаетъ? Анюта отвѣчала: если Саша желаетъ быть женою Ѳедора Ѳедорыча, значитъ, онъ ей нравится; тогда намъ препятствовать не должно.

Я расхохотался и сказалъ:

— Сколько я ни старался васъ поссорить и развести, но видно, назначилъ Богъ соединиться вамъ: ну, вы женихъ, а ты невѣста, извольте цѣловаться.

Капитанъ расцвѣлъ, цѣлуетъ руки и болтаетъ. Оказалось, что они нѣсколько разъ видѣлись въ монастырской церкви, но не говорили ни слова. Саша послѣ мнѣ призналась, что она очень любила смотрѣть на него. Братьевъ на этотъ разъ не было ни одного, траура мы никто не носили, откладывать свадьбу причинъ не было. Свадьба была такая же скромная, какъ моя. Какъ опекунъ, я сдалъ Гельмерту деньги Саши и имѣніе. Впослѣдствіи Гельмертъ вышелъ золотой человѣкъ и сдѣлалъ Сашу совершенно счастливою. Онъ считается честнѣйшимъ человѣкомъ въ своемъ уѣздѣ, объ этомъ мнѣ говорилъ губернаторъ въ 1848 году.

Между тѣмъ, я получилъ предписаніе, что по многимъ неисправностямъ въ Саратовской губерніи я перевожусь въ Саратовъ. Я понялъ, что это была интрига Перовскаго, не возлюбившаго меня послѣ бунта удѣльныхъ крестьянъ. Я въ ту же минуту написалъ просьбу объ отставкѣ и послалъ къ графу, а Дубельту написалъ: «вамъ не угодно было спросить меня, желаю ли я въ Саратовъ, а я доложу вамъ, что я не мальчикъ и не желаю быть игрушкой. Не нуженъ и не годенъ я въ Симбирскѣ, то увольте меня изъ службы, а въ Саратовъ я не поѣду».

Дубельтъ отвѣчалъ: «Горячка Иванычъ, графъ посылаетъ тебя въ Саратовъ, какъ лучшаго своего помощника, этого желалъ государь. Ты, горячка Иванычъ, не хочешь—оставайся въ Симбирскѣ и уничтожь свою просьбу, которую графъ не принялъ. Опять моя взяла. Въ то время Бибиковъ былъ назначенъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ считался родней гр. Бенкендорфу и вотъ какой: старшій братъ Бибикова, Николай, умеръ бездѣтенъ, на вдовѣ его женился гр. Бенкендорфъ и то же скоро овдовѣлъ, не имѣя дѣтей. Кажется, нѣтъ родства, но считались родными. Бибиковъ обратился къ Бенкендорфу съ просьбою выбрать изъ своего корпуса штабъ-офицера, способнаго занять должность правителя канцеляріи. На этотъ разъ опять пало на меня. Прописывая просьбу Бибикова, дѣлающую честь корпусу, графъ писалъ: «желая исполнить просьбу Бибикова и просматривая нѣсколько

разъ списокъ штабъ-офицеровъ корпуса, я всякій разъ останавливался на вашей фамиліи. Зная ваши способности, увѣренъ, что на новой должности разовьется ваша дѣятельность»; къ этому онъ прибавлялъ: «корпусъ жандармовъ столько обязанъ вамъ, что если не понравится вамъ новая обязанность, то, по прошествіи года, предоставляется вамъ занять мѣсто въ корпусѣ по вашему выбору». Отказаться было неприлично. Я изъявилъ согласіе, написалъ письмо и закончилъ его такъ: «въ Кіевѣ столовыхъ 1.000 р. Я не приму этой должности безъ 2.000 р. столовыхъ и прошу дать мнѣ на переѣздъ 2.000 р.». Съ первой же почтою все было исполнено, и мнѣ не оставалось ничего дѣлать, какъ поѣхать въ Кіевъ.

Прощай, мой милый Симбирскъ, прощай, моя вторая родина. Симбирскъ много далъ мнѣ счастливыхъ дней, далъ мнѣ милую и ангела душою жену. Прощай, моя лихая дѣятельность! Я былъ на своемъ мѣстѣ и по способностямъ, и по характеру. Я былъ любимъ всѣмъ обществомъ, не дѣлалъ зла, а прекращалъ злоупотребленія тихо, безъ шуму и старался исправлять, а не губить.

Послѣ родной моей службы во флотѣ, служба въ Симбирскѣ — была мнѣ по душѣ, по сердцу и по уму. Успѣхи служебные въ Симбирскѣ — меня радовали, а успѣховъ было много. Я много имѣлъ успѣховъ и въ Кіевѣ, но уже не радовался; поэзія моя осталась въ Симбирскѣ и не посѣтила меня.

За недѣлю до моего отправленія въ Кіевъ, намъ Богъ далъ дочь Ираиду. Анюта должна была остаться, я отправился одинъ въ самую распутицу.

Послѣ моей жизни въ Сибири и Симбирскѣ не хочется говорить о жизни въ Кіевѣ. Я сдѣлалъ важную ошибку, для чего я не воспользовался и чрезъ годъ не ушелъ изъ Кіева въ корпусъ жандармовъ, я имѣлъ это право по письму ко мнѣ графа Бенкендорфа. Мои способности, мое призваніе было быть жандармскимъ штабъ-офицеромъ. Да, по прошествіи года въ Кіевѣ, перейди опять я въ жандармы, пріятнѣе бы прошла жизнь моя, но я не сдѣлалъ того, купилъ подъ Кіевомъ деревню, хозяйство шло успѣшно, жена — то беременна, то кормитъ, трудно, казалось, переѣзжать—такъ и сдѣлался осѣдлымъ жителемъ. А потомъ умеръ гр. Бенкендорфъ, потомъ умеръ Дубельтъ. Поступя въ корпусъ, я былъ бы новымъ человѣкомъ. Не хочется мнѣ писать о Кіевѣ, а къ Симбирску такъ и тянетъ.

Наблюдая поляковъ въ Симбирскѣ и повѣряя мои наблюденія послѣ въ здѣшнемъ краѣ, я положительно убѣжденъ, что мужчины-поляки, если отнять отъ нихъ вліяніе полекъ, то они смирнѣе рыбы, вся сила энергіи — въ головахъ женщинъ, у которыхъ, безъ исключенія — всѣ мужчины подъ башмакомъ. Женщины-польки вообще — худо учены,

у нихъ есть свѣтскій лоскъ, пропасть кокетства и только. Всѣ женщины—изувѣрки, тоже отъ невѣжества; онѣ подчиняются нравственно хитрымъ ксендзамъ, которые, самымъ наглымъ образомъ, распоряжаются загробною жизнію и раздаютъ рай и адъ—какъ свои владѣнія. Полька съ малолѣтства привыкаетъ вѣрить въ могущество ксендза, а не имѣя философскаго взгляда, не можетъ выбиться изъ подъ его вліянія всю жизнь. Вѣра въ отпущеніе грѣховъ создаетъ фанатизмъ польки, и она, пользуясь вліяніемъ на мужчинъ, электризуетъ дѣятельность, особенно молодыхъ. Полякъ дѣлается фанатикомъ, уже переступая за зрѣлые свои года. Говоря о большинствѣ, поляки надѣлены прекрасными способностями во всѣхъ отношеніяхъ, но вліяніе іезуитовъ съ давнихъ временъ направляетъ ихъ воспитаніе совершенно ложно. Полякъ, съ малолѣтства получая фальшивое направленіе, тоже не можетъ отбиться во всю жизнь отъ направленія политической его вѣры іезуитами и подготовленными для того книгами. Молодой полякъ, кровный, на все способенъ, воспріимчивъ и легко увлекается. Въ каждомъ молодомъ полякѣ много рыцарскаго, много благородныхъ порывовъ, но только порывовъ, а прозаическая жизнь протекаетъ подъ вліяніемъ женщинъ. Надобно видѣть поляка, когда онъ сватается,—это рыцарь. Для него нѣтъ невозможнаго, жертва — его наслажденіе; будучи женихомъ, онъ почти боготворитъ свою невѣсту, кокетку по природѣ; онъ готовъ ходить около нея на колѣнахъ, онъ пьетъ изъ ея башмака за ея здоровье. Полякъ-женихъ — весь увлеченіе и страсть, невѣста — чистый разсчетъ кокетства.

Совершилась свадьба, полякъ удовлетворенъ; какъ сильно пламенѣетъ до свадьбы, такъ быстро разочаровывается послѣ нея. Полякъ-женихъ—мечта; воображеніе, поэзія заносятъ его на седьмое небо; но, сдѣлавшись мужемъ, полякъ спускается на землю, проза жизни не удовлетворяетъ его, пылъ его необузданной страсти тянетъ къ новому и неизвѣданному. Онъ, сознавая свою невѣрность, старается притворною любовію услаждать жизнь жены, но женщину притворствомъ обмануть нельзя, потому что на этомъ инструментѣ онѣ сами артистки. Жена скоро замѣчаетъ охлажденіе мужа и даже узнаетъ о скрытныхъ продѣлкахъ невѣрнаго, но, не выказывая подозрѣнія, она инстинктомъ понимаетъ, что наступило время быть требовательной и даже капризной. Мужъ, не догадываясь, что жена проникла его тайну сердца, стараясь сколь можно отдалить могущую быть катастрофу, исполняетъ всѣ требованія жены и повинуется ея капризамъ, — и вотъ жена фактически дѣлается господствующимъ лицомъ въ семействѣ. Но у жены является ксендзъ, который учитъ грѣху и разрѣшаетъ его. Съ перваго супружескаго преступленія, мужъ дѣлается рабомъ жены и все для того, чтобы отдалить могущую произойти катастрофу. Жена, отлично

понимая эти чувства мужа, продолжаетъ показывать, что она вѣритъ своему супругу и повелѣваетъ, какъ царица, въ домѣ и властвуетъ надъ мужемъ. Вотъ гдѣ кроется подчиненіе всѣхъ поляковъ своимъ женамъ. Полякъ безъ женщины польки—рыба, онъ и разсудителенъ и кротокъ, онъ даже лѣнивъ на предпріятіе, но полька—это гальваническій токъ, который оживляетъ и умершія тѣла.

Возвращусь опять къ Симбирску и скажу о о спеціальномъ межеваніи въ Симбирской губерніи. Государь сказалъ: кто отмежуется добровольно, тѣмъ даруется излишняя земля противъ крѣпостей, а если будетъ межевать правительство, то излишняя земля будетъ отрѣзана въ казну. Я говорилъ, что, бывши женихомъ, я купилъ имѣніе въ селѣ Воецкомъ, помнится, отъ 50 до 60 душъ, на имя моей невѣсты Анюты. Село Воецкое стояло на небольшой рѣкѣ Гущѣ, границею села была эта рѣчка, а вся земля, принадлежащая селу, шла отъ домовъ въ степь и ограничивалась большою рѣкою Свіягою. Между этими рѣками было разстояніе верстъ 13-ть; рѣки были параллельны. Не помню, кому при Екатеринѣ II была подарена эта земля, но первый хозяинъ захватилъ ее безъ мѣры—въ ширину степи верстъ тоже на 12, 13-ть. Земля продавалась по частямъ, дѣлилась по наслѣдству, такъ, что образовалось владѣтелей въ Воецкомъ помѣщиковъ 15-ть, и я самый богатый. Дачу между собою дѣлили отъ селенія къ рѣкѣ Свіягѣ. Помню, былъ у меня сосѣдъ Есиповъ; ему, по числу душъ, досталась такая узкая полоса, что только могла проѣхать телѣга въ одну лошадь. Впрочемъ, твердыхъ основаній на владѣніе землею никто не имѣлъ, владѣли — по какимъ-то преданіямъ. Сообразивъ все дѣло, я ясно видѣлъ, что если отмежуетъ казна по крѣпостямъ, то мы останемся едва-ли при третьей части земли. Все говорило разуму, что надобно размежеваться полюбовно, тогда вся земля наша.

Снятый общей дачи планъ не могъ удобно раздѣлить дачу для всѣхъ, а нельзя же было дать Есипову — только дорогу. Я собралъ всѣхъ помѣщиковъ въ свой домъ въ Воецкомъ, сказалъ приличную рѣчь о необходимости размежеваться полюбовно. Я первый изъявилъ согласіе на какой угодно раздѣлъ земли и, предложивъ имъ планъ, просилъ обсудить и рѣшить, какъ размежеваться. Всѣ въ одинъ голосъ говорили:

— Куда намъ разсуждать, какъ вы раздѣлите, такъ и будетъ.

Я ясно высказалъ и доказалъ, что такъ какъ мы сидимъ на рѣкѣ Гущѣ, то раздѣлъ для всѣхъ удобенъ быть не можетъ. Хотя дача почти квадратъ и совершенно вся земля одного качества, но раздѣлить безобидно можно только тогда, когда кто-нибудь переселится на Свіягу, но такъ какъ переселеніе крестьянъ вызоветъ много хлопотъ и расходовъ, то кому угодно переселиться, мы сообща даемъ подводы для перевозки и на каждый крестьянскій дворъ даемъ по 10 р.

— И такъ, господа, кому угодно переселиться на Свіягу? — спросилъ я.

— Да помилуйте, —заговорили всѣ въ одинъ голосъ,—кто можетъ согласиться на переселеніе, это для насъ невозможно.

— Хорошо, господа, я богаче всѣхъ, не требую помощи подводъ, не прошу по 10 р. на дворъ, а желаю переселиться и оставляю вамъ огороды и конопляники; вы раздѣлите между собою, и всѣмъ будетъ просторно, и размежеваніе будетъ удобно. И такъ, согласны на мое предложеніе?

Трое объявили, что они согласиться не могутъ.

— Отчего?

— А можетъ быть, тамъ земля лучше,—сказали они.

— Хорошо, такъ вотъ вамъ помощь и деньги, идите туда.

— Да помилуйте, кто же туда пойдетъ, это невозможно!

— Ну, такъ я безъ помощи и безъ денегъ пойду туда.

— На это мы несогласны, тамъ, можетъ быть, земля лучше.

— Господа, раздѣлиться нужно?

— Нужно, никто и не споритъ.

— Раздѣлиться такъ, какъ сидимъ, невозможно.

— Видимое дѣло, невозможно.

— Вы переселяться не хотите?

— Никто не хочетъ.

— Такъ я переселюсь.

— На это согласиться нельзя, тамъ, можетъ быть, земля лучше.

— Ну, такъ какъ же мы раздѣлимся? А раздѣлиться необходимо?

— Необходимо.

Я отъ полдня до заката бился, бился, даже охрипъ, а ничего не добился, съ тѣмъ и разошлись.

Въ Воецкомъ былъ бѣдный помѣщикъ, старикъ, отставной маіоръ Петръ Ивановичъ Романовъ; это былъ человѣкъ не мудрый, но здраваго ума, онъ безвыѣздно жилъ въ Воецкомъ. Я этого старика сдѣлалъ комендантомъ и генералъ-полицеймейстеромъ въ Воецкомъ. По просьбѣ моей, исправникъ приказалъ всѣмъ крестьянамъ повиноваться Романову, а я поручилъ ему даже и мое хозяйство, за что̀ иногда старику дѣлалъ подарочки. Старикъ молчалъ и сидѣлъ въ сторонѣ, сказавъ, что онъ на все согласенъ. Когда всѣ разошлись безъ результата, старикъ началъ смѣяться надо мною, говоря:

— А что много взялъ со своимъ краснорѣчіемъ?

— Да помилуй, комендантъ, я тутъ ничего не понимаю, это сумасшедшій народъ.

— А ты думалъ, все умные, вишь распустилъ силлогизмы, а много взялъ? Вотъ вы всѣ нынѣшніе говоруны такіе, гдѣ надобно дѣлать, тамъ вы краснобаите.

— Что жъ теперь дѣлать, командиръ, вѣдь такъ оставить дѣла нельзя?

— Зачѣмъ оставлять; изъ-за трехъ дураковъ всѣмъ худо... Прощай, пришли-ка мнѣ чаю и сахару, я за тобою пришлю, напою тебя чаемъ и самъ съ тобою напьюсь, а до тѣхъ поръ не выходи изъ дома.

Явился съ приглашеніемъ отъ Романова. Пріѣзжаю; маленькій, чистенькій домикъ, такъ мило смотритъ, что даже весело становится. Старикъ холостой, аккуратный и опрятный. Онъ встрѣтилъ меня съ пальцемъ на губахъ и съ нагайкой въ правой рукѣ, принялъ церемонно, усадилъ и громко сказалъ:

— Ко мнѣ пришли господа съ просьбою извинить ихъ передъ вами, они давича не поняли вашихъ предложеній, но, обдумавъ, согласились (въ это время онъ показалъ на нагайку). Я прошу васъ извинить ихъ, вотъ полюбовная сказка, они подписали на переселеніе ваше, слѣдуетъ только вамъ подписать.

Я подписалъ и хорошо не понималъ, какъ это сдѣлалось. Тогда Романовъ отперъ запертую на задвижку дверь перегородки и сказалъ:

— Выходите, господа, полковникъ не сердится.

Вышли робко три спорщика и замѣтно посматривали на нагайку, а Романовъ сказалъ: теперь ступайте. Ушли очень скоро.

— Скажи ради Бога, старина, какъ это ты ихъ уговаривалъ?

— Вотъ еще, чтобы я сталъ ихъ уговаривать, отпустилъ имъ горячихъ нагаекъ по пяти, они и подписали, а я ихъ заперъ, чтобы они видѣли, что и ты подписалъ. Съ такими людьми резонами и силлогизмами ничего не подѣлаешь, для нихъ нагайка—они и слушаютъ.

Я обнялъ старика и благодарилъ. По пропорціи на души, мнѣ пришлось около 20 десятинъ на душу, я выбралъ себѣ для поселенія на берегу Свіяги берегъ возвышенный, тамъ, гдѣ былъ мой домъ. Изъ земли бѣжалъ сильный родникъ превосходной воды, противъ дома—небольшой, но красивый островъ, рѣка — очень рыбная. Романовъ отмежевалъ мнѣ квадратную дачу къ границѣ общей дачи, и вышло только 8 верстъ до другой деревни нашей Чамбулъ, гдѣ много лѣса. Крестьяне перевезлись, устроились и послѣ были очень довольны новымъ поселеніемъ. Наше полюбовное размежеваніе было утверждено формально — одно изъ первыхъ. Не будь маіора Романова, неразмежеваться бы. — Не правда ли, что это похоже на сказку? Трудно себѣ представить: какой-то бѣдный старикъ, отставной маіоръ, бьетъ нагайкою трехъ помѣщиковъ, богаче его и одинъ, хорошо помню съ крестикомъ въ петлицѣ, и тѣ покорно исполняютъ его волю. Честью увѣряю, что это такъ было. Если бъ я хотѣлъ солгать, то выдумалъ бы что-нибудь и похитрѣе и поумнѣе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Э. И. Стогова.

IX [1]).

Воспоминанія молодости.—Страсть къ чтенію и препятствія, въ томъ встрѣчаемыя.—Назначеніе Стогова на службу въ Кіевъ къ генералъ-губернатору Бибикову.—Характеристика Д. Г. Бибикова.—Назначеніе Стогова правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора.—Проектъ его о введеніи въ краѣ русскихъ законовъ вмѣсто Литовскаго статута. — Остроты князя А. С. Меншикова.—И. И. Фундуклей.—Домашняя и общественная жизнь Бибиковыхъ.

Я вполнѣ сознаю недостаточность своихъ способностей къ литературному труду. Къ тому же воспитаніе мое было такъ давно и такъ не похоже на современное. Тогда писатель на Руси былъ индивидуумомъ рѣдкимъ и лицомъ какимъ-то фантастическимъ; тогда вѣрили, что не родившись писателемъ—не возможно сдѣлаться достойнымъ печати, тогда для писателя было бы крайнимъ униженіемъ даже подумать о гонорарѣ за свой трудъ, слава быть писателемъ—вознаграждала вполнѣ. Тогда слава была дешева, но цѣнилась дорого обществомъ; достаточно было скропать шесть строчекъ стиховъ и напечатать повѣсть въ листъ, и всѣ искали случая взглянуть на генія, и такой геній могъ опочить на лаврахъ и кончить жизнь съ достоинствомъ, гордиться званіемъ писателя. Загляните въ журналы до1810 года и даже позднѣе, увидите журналы въ три—пять листовъ, крупной Евангельской печати, страницы съ большими полями, и эти тощіе представители литературы никогда не выходили во-время. Обѣщаютъ 12 книжекъ, а хорошо, какъ дадутъ шесть—восемь нумеровъ. Да и о чемъ тогда писали—пере-

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1903 г.

воды самые легкіе, стишки: «Къ ней», «Къ лунѣ»; о чемъ спорили? о предлогахъ, о склоненіяхъ и спряженіяхъ. Вотъ въ какое время я воспитывался, сверхъ того, я воспитывался въ морскомъ корпусѣ, слѣдовательно, въ спеціальномъ заведеніи. Лучшій нашъ профессоръ, тогда извѣстный знатокъ правописанія въ Питерѣ,—Груздевъ, всякій классъ начиналъ: «дружки, дружки, очините перушки».—Онъ считался великимъ острякомъ, и я помню прославившую его остроту. Одинъ гардемаринъ назвалъ его въ классѣ: «поповичъ». Груздевъ, подумавъ, отвѣчалъ: «ты самъ назвалъ, что я сынъ попа, но я не знаю, сынъ ли ты отца». Груздевъ послѣ этого казался намъ гигантомъ мудрой остроты. Кончалось однако тѣмъ, что, проучась 6-ть, 7-мь лѣтъ, выходили изъ корпуса, не зная правописанія. Лучшіе наши флотскіе писатели, уважаемые и теперь: Головнинъ, Рикордъ, Крузенштернъ, Лазаревъ, чтобы напечатать свои путешествія, предварительно отдавали Гречу для исправленія правописанія. Что они были умнѣе Греча съ братіею—въ томъ нѣтъ сомнѣнія, они были глубоко ученые люди, но грамота русская была недоступна имъ. Морской корпусъ былъ тогда ученѣйшимъ заведеніемъ, но онъ поглощалъ все время ученія математикой, астрономіей, механикой, химіей, физикой, архитектурой, фортификаціей, артиллеріей и проч. и проч. Изучая эти науки, мы всѣ выходили малограмотными и даже не знали заповѣдей.

Если первыя свѣтилы флота не знали грамоты, то что же сказать о насъ грѣшныхъ, рядовыхъ офицерахъ?

Сколько помню себя, я всегда страстно любилъ читать. Изъ корпуса спускаясь по ночамъ, на простыняхъ изъ оконъ, я бѣгалъ на Вознесенскій проспектъ въ единственную тогда книжную лавку въ Питерѣ Плавильщикова, въ которой былъ сидѣльцемъ любезный Смирдинъ, впослѣдствіи знаменитый издатель. Продавая свои булки, переписывая тетради, дѣлая чертежи, я скоплялъ копѣйки, чтобы платить въ книжную лавку. Если бъ нашли у меня въ корпусѣ книгу—конфисковали бы и наказали, но наказаніе—куда ни шло, а конфискація могла довести до отчаянія. Сколько надобно было хитрости прятать книги,—читались книги по ночамъ, свѣчи воровались, а днемъ я читалъ на огромномъ и пустынномъ чердакѣ корпуса. Не разъ кровавые ужасы Радклифа въ пустынномъ чердакѣ пробирали до дрожи мои кости. Офицеромъ, я читалъ кой-что посерьезнѣе и нахватался верхушекъ знанія по всѣмъ предметамъ. Изъ меня вышелъ жалкій, поверхностный энциклопедистъ, но грамотѣ—я все-таки не могъ выучиться, и вотъ отчего не вышелъ изъ меня писатель, къ чему я имѣлъ истинное призваніе. Чтеніемъ и мараніемъ бумаги все-таки я пріобрѣлъ возможность составлять дѣловыя бумаги, и этимъ я много выигрывалъ по службѣ. Мои бумаги хвалили, начальники ласкали меня и просили

написать сложное донесеніе. Чтеніе и самообразованіе сдѣлали то, что я весьма самонадѣянно изъ спеціальной службы флота перешелъ въ жандармы, гдѣ прославился моими донесеніями такъ, что когда Бибиковъ сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ и просилъ шефа жандармовъ дать ему штабъ-офицера для управленія военною канцеляріею, то назначили меня, какъ способнѣйшаго во всемъ корпусѣ жандармовъ,—такъ выразился гр. Бенкендорфъ въ письмѣ ко мнѣ при назначеніи. Маленькая моя способность составлять гладенько многословные рапорты давала мнѣ право цѣнить себя. Изъ новаго поколѣнія хотя появлялись не рѣдко хорошо учившіеся, но молодость еще не цѣнилась, она должна была выростать, а сверстники мои почти всѣ пробавлялись умомъ писарей и секретарей. Я сознавалъ трудность выбрать кого-нибудь кромѣ меня къ Бибикову. Я нашелъ Воскресенскаго (доктора медицины, который по отвращенію къ медицинѣ бросилъ дипломъ доктора и поступилъ въ гражданскую службу), который долго служилъ при Бибиковѣ въ то время, когда Бибиковъ управлялъ всѣми таможнями. Должность директора департамента сдѣлала Бибикова извѣстнымъ за устройство таможенной части. Устройство таможенной части принадлежало единственно головѣ Воскресенскаго. Бибикова такъ тогда прославляли, что онъ потребовалъ себѣ министерства торговли. Императоръ Николай отказалъ. Бибиковъ вышелъ въ отставку, но передъ отставкою, чтобы не досталась дѣльная голова преемнику, Бибиковъ, вмѣсто благодарности, запряталъ Воскресенскаго въ Колу, откуда онъ долго не могъ выкарабкаться. Я познакомился съ нимъ, когда онъ былъ вице-губернаторомъ въ Симбирскѣ. Изъ всѣхъ разсказовъ его, я увидѣлъ въ Бибиковѣ—отъявленнаго эгоиста, человѣка мало образованнаго и существующаго чужимъ умомъ. Такой человѣкъ не могъ привлекать меня къ себѣ, а сознаніе своихъ способностей давало мнѣ право поторговаться. Я подалъ просьбу объ отставкѣ и зналъ, что такое сокровище, какъ я—не отпустятъ. Дѣйствительно, просьбу мнѣ возвратили, и гр. Бенкендорфъ самымъ милымъ письмомъ просилъ меня поѣхать къ Бибикову. Вступивъ въ должность, я нашелъ дѣла запущенными, много чиновниковъ особыхъ порученій—бѣлоручекъ, бумаги для нихъ составлялись писарями, то мудрено ли, что я при желаніи отличиться сдѣлался звѣздою первой величины.

Съ 1837 года до 1851-го года я былъ самымъ близкимъ человѣкомъ при Бибиковѣ, и потому каждый имѣетъ полное право спросить меня: кто такое былъ Бибиковъ? Вопросъ простъ, но удовлетворить его мудрено. Высказать все и нарисовать Бибикова, кажется, не трудно, но изложить систематически, порядочно, чтобы вышла картинка рельефная—трудно для меня, по непривычкѣ къ литературной рутинѣ. У привычнаго литератора разсказъ и мысли ложатся сами собою послѣдовательно безъ труда для него, а для человѣка рѣдко пишущаго—это

главный трудъ. Мысли опережаютъ одна другую, и человѣкъ, видя скачки и прыжки, долженъ возвращаться, марать и вставлять, а это скучно Пишу не на продажу и буду разсказывать, какъ выдернется изъ памяти безъ всякой системы и послѣдовательности. Но вотъ штука, съ чего начать? Не думая быть біографомъ Бибикова, я не собиралъ свѣдѣній объ его родословной, но вотъ что я знаю о немъ. Отецъ Бибикова, кажется, былъ полковникъ гвардіи. Я зналъ мать Бибикова, въ 1833-мъ году она была старушкою въ Москвѣ, была матерью пяти генераловъ и въ большомъ почтеніи. Она была небольшаго роста, но должно быть была рѣдкою красавицею: огромные блестящіе и умные глаза, брюнетка съ румянцемъ во всю щеку и въ старости очень стройная. Это была старинныхъ русскихъ баръ благодѣтельная барыня, дѣлать добро—было для нея долгомъ, и она дѣлала много и разумно. Она была строгая мать—тоже по старинѣ. Бибиковъ былъ уже генераломъ, когда, пріѣхавъ въ Москву къ матери, поцѣловалъ руку и сѣлъ безъ позволенія. По старинѣ это считалось оскорбленіемъ родителей, и мать не затруднилась сказать:

— Дмитрій, кто тебѣ позволилъ сѣсть? а какъ я прикажу тебѣ дать 100 розогъ!?

Дмитрій вскочилъ, просилъ прощенія и сказалъ:

— Маменька, я буду смирно лежать, только вы высѣките своими ручками, а я впередъ не буду.

Бибиковыхъ было пять братьевъ, я зналъ только трехъ, Илью, Гаврилу и Дмитрія. Илья былъ любимецъ Михаила Павловича и числился въ артиллеріи. Гаврило, добрякъ, суетился по разнымъ комитетамъ: тюремнымъ и проч. Дмитрій генер.-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и генераломъ-отъ-инфантеріи. Впослѣдствіи онъ былъ министръ внутреннихъ дѣлъ и кончилъ отставкою безъ мундира и безъ пенсіона. Три брата Бибиковы, воспитанные гувернерами и гувернантками для гостиной, всѣ были одинаковаго воспитанія, т. е. никакого. Илья былъ молчаливъ, старался казаться размышляющимъ и имѣлъ привычку пыхтѣть, какъ бы надуваясь. Гаврило былъ страшный говорунъ и невѣроятный добрякъ. Стоило попросить его похлопотать у кого-нибудь изъ вельможъ, какъ говорило (такъ его звали) говорилычъ, не дослушавъ и не узнавъ, о чемъ просить—летѣлъ къ вельможѣ. Страсть помогать бѣднымъ разстроила его состояніе. Въ Питерѣ характеризовали трехъ братьевъ такъ: одинъ дуется, другой продулся, а третій всѣхъ надуваетъ. Бибиковъ, у котораго я служилъ, любилъ спрашивать, что о немъ говорятъ? Я отвѣчалъ всегда правду, но на этотъ разъ сказалъ: ничего. Я забавлялъ его разсказами, которыхъ у меня безъ конца, но однажды си-

дѣлъ молча. Бибиковъ спросилъ: о чемъ вы думаете? Я отвѣчалъ: о полковникѣ Одинцовѣ.

— О какомъ?

— Который служилъ при васъ.

— Да, я любилъ его; такъ что же вы думали?

— Онъ однажды спдѣлъ съ вами, какъ я, вы спросили его, что о васъ говорятъ? Онъ отвѣчалъ, говорятъ что есть три брата Бибиковыхъ, одинъ дуется, другой продулся, а третій всѣхъ надуваетъ, и вы прогнѣвались, уволивъ его отъ службы.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Не скажу.

— Это не правда.

Бибиковъ видимо сердился. Онъ былъ одного со мною роста, умѣренно полный мужчина, съ татарскимъ лицомъ хорошаго типа, былъ брюнетъ, плѣшивъ, что̀ очень шло къ нему, глаза матери удивительно хороши, большіе, полные жизни и огня, лѣвой руки не было по плечо— оторвало подъ Бородинымъ, но онъ никогда не чувствовалъ боли передъ дурною погодою, какъ обыкновенно бываетъ. Голосъ имѣлъ весьма пріятный, повинующійся въ интонаціяхъ. Бибиковъ рано поступилъ въ гусары, постоянно былъ адъютантомъ, не былъ пьяницей, не былъ картежникомъ, но всю жизнь былъ поклонникъ хорошенькихъ женщинъ. Наукъ онъ не зналъ никакихъ, говорилъ по навыку по-французски и нѣмецки, замѣчательно не дурно говорилъ по-русски, но писать не умѣлъ ни на одномъ языкѣ; по-русски до того плохо зналъ грамоту, что не умѣлъ и строки написать безъ руководства.

Случалось иногда, что онъ просилъ взять перо и писать подъ его диктовку. Ходя по комнатѣ, онъ диктовалъ, но что диктовалъ: «поелику», «такъ какъ, сей», «таковый же»—и проч. Разумѣется, пишешь свое.—Кончили?

— Кончилъ.

— Прочтите, поставьте, гдѣ слѣдуетъ ѣ,—потрудитесь разставить запятыя и проч. знаки.

— Поставилъ.

— Да поставьте хорошенько!

— Да я ставилъ, когда писалъ.

— Ну, вотъ еще разсказывайте, ни одинъ литераторъ не ставитъ знаковъ, когда пишетъ, а разставляетъ послѣ, для чего же вы увѣряете меня.

Написанная мною подъ диктовку записка служитъ оригиналомъ, и Бибиковъ послѣ списываетъ и посылаетъ, какъ свое сочиненіе. Однажды я сошкольничалъ и подъ его диктовку писалъ двѣ записки, одну, что должно

*

писать, а другую, отъ слова до слова, что диктовалъ Бибиковъ, послѣдняя преуморительная.

Ариѳметики Бибиковъ совершенно не зналъ, насилу я пріучилъ его переводить цѣлыя хотя числа съ ассигнацій на серебро, наприм.: 10 р., 100 р., а промежуточныя такъ и не выучился. Когда мнѣ случалось въ умѣ складывать дроби, Бибиковъ никогда не могъ не улыбнуться, а когда мнѣ приходилось сказать итогъ двухъ дробей разныхъ знаменателей, то онъ серьезно смѣялся. Я готовъ держать пари хотя на правую мою руку, что онъ до смерти не вѣрилъ, что можно сложить $^1/_2$ съ $^1/_3$. Исторіи, географіи—совершенно не зналъ. Я пробовалъ въ разговорѣ сводить Карла V съ Людовикомъ XIV, а Карла I-го съ Франциской II, лишь бы былъ занимателенъ анекдотъ, все сойдетъ. Въ географіи надобно быть осторожнымъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ бывалъ, а остальное: венгерскія рѣки можешь переносить въ Америку, а испанскія въ Южную Америку—все сходило гладко. Въ музыкѣ онъ цѣнилъ только технику играющаго, но ея не понималъ. Живопись богомазовъ всего болѣе нравилась Бибикову. Швейцаръ его заказалъ портретъ своего генерала богомазу Кіевщинскому въ Кіевѣ, и тотъ нарисовалъ его яркими красками и золотомъ, а главное, усы и бакенбарды отдѣлалъ по волоску, какъ пишутъ часто на образахъ, Случайно Бибиковъ увидалъ этотъ портретъ, долго смотрѣлъ на него и не могъ оторваться, а потомъ увѣрялъ меня, что лучшей работы онъ не видывалъ. Бибиковъ зналъ свое слабое понятіе въ искусствахъ и при постороннихъ никогда не пускался въ разсужденія, развѣ вычитаетъ какое-нибудь мнѣніе или подслушаетъ у того, кому довѣряетъ. Тогда толкуетъ, но всегда коротко и не охотно. Будучи обязанъ, какъ генералъ-губернаторъ, принимать всѣхъ, онъ говорилъ охотно, но затверженныя фразы, что для представляющихся было не замѣтно, но мнѣ было извѣстно, что варіацій въ этомъ отношеніи не было. Какъ я говорилъ, Бибиковъ имѣлъ замѣчательную, представительную наружность, весьма внушительный взглядъ, а лишеніе руки—давало ему очень воинственный видъ. Пріемныхъ дней было два въ недѣлю. Къ пріему должны были являться всѣ чиновники особыхъ порученій (ихъ было 13) въ мундирахъ. Бибиковъ выходилъ по-домашнему въ сюртукѣ безъ эполетъ. Обыкновенно пріемъ начинался въ 10 часовъ. Пріемъ происходилъ очень чинно, самъ Бибиковъ не читалъ ни одного прошенія, но заставлялъ читать и потомъ говорилъ по-заученному, а если забывалъ, то слѣдовала извѣстная фраза:

— Эразмъ Ивановичъ, доложите со справкою.

Но этого никогда не исполнялось, ни одно прошеніе не докладывалось, а разрѣшалось въ канцеляріи. Въ пріемные дни собирались нищіе, салопницы, отставные солдаты. Бибиковъ всегда великодушно при пу-

бликѣ приказывалъ: «дайте помощь бѣднымъ» и при этомъ отдавалъ мнѣ ключъ отъ стола съ деньгами. Зная болѣзненную скупость Бибикова, я раздавалъ по 3 копѣйки и вообще соблюдалъ, чтобы не выйти изъ бюджета 2-хъ рублей. Разъ мнѣ не было времени, онъ поручилъ Позняку, маіору, раздать помощь бѣднымъ и далъ ему ключъ. Познякъ роздалъ до 10 р. Бибиковъ сильно поморщился и долго вспоминалъ со мною, какъ Познякъ глупо распорядился, и болѣе уже не поручалъ ему оказывать помощь. Бибиковъ былъ хорошъ тѣмъ, что не лѣниво подписывалъ бумаги, никогда ихъ не читалъ, у себя въ кабинетѣ не держалъ, ни одной резолюціи не дѣлалъ, и всѣми бумагами распоряжалась канцелярія.

Въ канцеляріи было три секретаря: полицейскій, судный и хозяйственный; они были и докладчики. Порядокъ былъ такой: получалось 500, 600 и болѣе конвертовъ на одной почтѣ. Въ полученіи росписывался дежурный чиновникъ, приносилъ ко мнѣ, при мнѣ распечатывалъ другой чиновникъ и повѣрялъ №№ конвертовъ съ бумагами, я помѣчалъ день полученія и на серьезныхъ дѣлалъ резолюціи. Бумаги поступали къ регистратору, который, записавъ № и содержаніе, раздавалъ секретарямъ. Они составляли отвѣты, а Бибиковъ подписывалъ ихъ, не читая.

Вотъ и всѣ занятія генералъ-губернатора. Спрашивается, что же онъ дѣлалъ, сидя одинъ въ кабинетѣ? Постоянно читалъ. Книгопродавецъ Исаковъ обязанъ былъ высылать всѣ романы, выходящіе на французскомъ языкѣ. Газеты Бибиковъ получалъ очень многія французскія безъ цензуры, которыя читалъ самъ, польскія—просматривалъ Андреевскій и, сдѣлавъ кой-чему переводъ, докладывалъ. Русскіе журналы и газеты получались всѣ, но Бибиковъ не читалъ ни одного, читалъ я и, найдя скоромное или ругательное — особенно Сенковскаго, я прочитывалъ Бибикову.

Вставалъ Бибиковъ въ 7, 8 часовъ, пилъ чай съ кускомъ домашняго хлѣба, въ 11-ть часовъ былъ завтракъ, какое-нибудь холодное блюдо. Обѣдалъ онъ въ 2—3 часа; обѣдъ былъ не дорогой, четыре блюда, но хорошій и здоровый. Часовъ въ 8 былъ вечерній чай, ужина не было, и въ 11 часовъ Бибиковъ ложился спать. Такъ всякій день и много лѣтъ. Кромѣ баловъ, онъ ходилъ по вечерамъ къ тѣмъ, за кѣмъ волочился. На балъ я долженъ былъ ѣхать съ нимъ. Бабиковъ не выходилъ изъ дома, не начернивши усы и бакены, случалось, и подбѣлится, духовъ всегда много и лучшіе. Бибиковъ былъ холодный эгоистъ, привязанности, дружбы, благодарности онъ никогда и ни къ кому не имѣлъ. Былъ друженъ только съ тѣми, въ комъ видѣлъ пользу для своего положенія; былъ ласковъ только къ тѣмъ, кто приносилъ пользу ему.

Бибиковъ охотно говорилъ о своей любви къ Россіи, о своемъ патріотизмѣ и о преданности своей къ государю. Россіи онъ не могъ

любить, потому что совершенно не понималъ, въ чемъ состоитъ польза Россіи. Государю онъ выказывалъ преданность только потому, что отъ государя истекали милости.

Кромѣ своего положенія по службѣ, Бибиковъ уважалъ богатство въ другихъ, бѣдныхъ — нашего брата, онъ глубоко презиралъ, въ немъ крѣпко было убѣжденіе, что бѣдный созданъ на службу богатому и что достоинства и способности пригодны только для возвышенія богатаго. Я разъ спросилъ Бибикова, правда ли, что когда онъ управлялъ таможнями, то одинъ господинъ разругалъ его, и тогда дали ему мѣсто.

— Правда,—отвѣчалъ онъ,—это было такъ: въ пріемный день, въ Питерѣ, является ко мнѣ отставной маіоръ, представляетъ документы и проситъ мѣста. По справкѣ оказалось, что онъ пьяница, въ слѣдующій пріемный день онъ явился, я отдалъ ему документы и сказалъ: нѣтъ ваканціи. Онъ просилъ, я отказалъ. Въ слѣдующій день приходитъ маіоръ и проситъ мѣста, я опять отказалъ. Въ слѣдующій—опять приходитъ маіоръ, меня разсердило, я постращалъ его, что пошлю за полиціею, и окончательно запретилъ приходить. Маіоръ помолчалъ и громко сказалъ: будь ты проклятъ, безрукій уродъ, чтобы не было тебѣ ни на семъ, ни на томъ свѣтѣ, ни дна, ни покрышки, и хладнокровно пошелъ. Я приказалъ заготовить опредѣленіе его къ должности и въ первый пріемный день приказалъ призвать его. Увидавъ его, я подалъ ему опредѣленіе и сказалъ при всѣхъ: «Господинъ маіоръ, вотъ вамъ мѣсто, вы пьяница, но если вы будете пить, то безрукій уродъ, которому нѣтъ ни дна, ни покрышки, остальною рукою васъ задушитъ, прощайте». Онъ и теперь хорошо служитъ полковникомъ и пересталъ пить.

— Отчего же вы дали ему должность, когда онъ разругалъ васъ?

— Когда человѣкъ рѣшается ругаться, то это доказываетъ крайнюю степень отчаянія.

Много характерныхъ анекдотовъ я могъ бы разсказать о Бибиковѣ, но для очерка довольно и этихъ. Теперь спрашивается, какъ же этотъ человѣкъ, малограмотный, такъ долго управлялъ краемъ и оставилъ память дѣльнаго управленія послѣ себя?

Изъ разсказа моего видно, что Бибиковъ не виноватъ въ управленіи краемъ, но онъ былъ полезный начальникъ для управленія, онъ не мѣшалъ, не мудрилъ, не тормозилъ хода дѣлъ, а въ этомъ не мало заслуги въ начальникѣ. Долго до Бибикова былъ правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора статскій совѣтникъ Карцовъ; у этого труженика была голова мудраго министра, онъ былъ холостъ, былъ совершенно честенъ и работалъ, какъ волъ, но имѣлъ большой недостатокъ для правителя, онъ былъ безконечно добръ, тихъ, деликатенъ; чуть сложное дѣло, секретари подкладывали Карцову, и тотъ писалъ до устали, но одинъ не можетъ много сдѣлать, бумаги накоплялись, дѣла запуска-

лись, канцелярія лѣнилась и брала взятки. Я не переставалъ удивляться, какъ могъ Бибиковъ не оцѣнить такого человѣка, такой мудрой головы, такого громадно опытнаго человѣка и безконечно трудолюбиваго. Бибиковъ любилъ наушничество, это была слабѣйшая черта его характера. Дрянь, недостойная мизинца ноги Карцева, наговорила Бибикову, что Карцевъ мало-способенъ и запустилъ дѣла. Бибиковъ обошелся съ Карцевымъ холодно. Въ первую поѣздку Бибикова въ Питеръ Карцевъ поѣхалъ съ нимъ. Меня очень полюбилъ этотъ достойный и серьезный человѣкъ за живость характера и веселонравіе. Уѣзжая, онъ сказалъ мнѣ, что не вернется, и предсказалъ, что меня обойдутъ чарочкою—оправдалось. Бибиковъ возвратился, а Карцевъ остался по своимъ дѣламъ. Вдругъ вопросъ отъ министра юстиціи, нѣтъ ли препятствія для увольненія Карцева отъ должности? Бибиковъ былъ пораженъ, въ особенности, когда я сказалъ, что зналъ о томъ, что Карцевъ не вернется.

— Отчего?—спросилъ онъ.

— Вы не оцѣнили его.

— Такъ что же я долженъ былъ цѣловать его ручки?

— Нѣтъ, тонъ дѣлаетъ музыку.

— Чортъ съ нимъ, напишите министру, что препятствій нѣтъ.

Карцевъ въ тотъ же годъ былъ дѣствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Такъ скоро и достойно Дашковъ оцѣнилъ Карцева. Правителя канцеляріи не было у Бибикова, и онъ просилъ меня принять должность управляющаго канцеляріею генералъ-губернатора. Въ службѣ отказываться нельзя.

— Я не готовился къ такой сложной обязанности,—отвѣчалъ я,—ни воспитаніемъ, ни практикою, я употреблю всѣ силы и маленькое знаніе, но только на краткое время.

— Хорошо, посмотримъ послѣ,—отвѣчалъ Бибиковъ.

Нашелъ я много крайне запущенныхъ дѣлъ, но я не Карцевъ, работать за всѣхъ не буду и не способенъ. Канцелярія, какъ фабрика, должна имѣть успѣхъ отъ раздѣленія труда, надобно умѣть заставить каждаго трудиться по своей части. Раздѣлить трудъ было не мудрено, работа сама собою дѣлилась на полицейскую, судную и хозяйственную, а чтобы трудились, я долженъ былъ быть самъ примѣромъ.

Когда я принялъ канцелярію, то увидалъ, что дѣла рѣшаются по русскимъ законамъ и по Литовскому статуту: какъ хочется, такъ и опирайся, то на одинъ законъ, то на противуположный. Къ этому такъ привыкли, что никому не казалось страннымъ, никто и не предполагалъ инаго порядка. Съ первыхъ же дней работы у меня засѣла въ головѣ мысль—уничтожить Литовскій статутъ и ввести одинъ русскій Сводъ законовъ. Я, никому не говоря, началъ вырабатывать проектъ уничто-

женія Литовскаго статута. Бибиковъ передъ постомъ уѣхалъ въ Питеръ съ отчетами къ государю и повезъ дѣло Канарскаго. Я остался главою правленія, и мнѣ поручена была семья Бибикова. Составилъ я довольно обширный проектъ о введеніи русскихъ законовъ въ Юго-Западномъ краѣ и послалъ Бибикову при письмѣ, съ изложеніемъ причинъ, почему я рѣшился на этотъ проектъ, какая путаница въ правленіи и какая польза отъ введенія однихъ русскихъ законовъ. Однимъ словомъ, письмо заключало въ себѣ косвенное и деликатное наставленіе, что долженъ говорить Бибиковъ передъ государемъ. Вопросъ этотъ былъ переданъ въ Государственный Совѣтъ, который нашелъ введеніе русскихъ законовъ несвоевременнымъ. Государь потребовалъ Бибикова и разспросилъ, какъ было дѣло въ Совѣтѣ. На разсказъ Бибикова государь улыбнулся и сказалъ:

— Я этого и ожидалъ; объяви мою волю, что послѣ завтра я самъ буду присутствовать въ Совѣтѣ, а ты будешь докладывать.

Андреевскій мнѣ разсказывалъ (онъ тогда былъ писцомъ, хорошо писалъ и взятъ былъ въ Питеръ, какъ канцелярскій краснописецъ), что Бибиковъ твердилъ все время проектъ съ Писаревымъ и потомъ читалъ передъ Андреевскимъ и заставилъ его возражать, а самъ опровергалъ. Бибиковъ разсказывалъ мнѣ, что ему была поставлена каѳедра, съ которой Совѣту онъ докладывалъ. Государь занялъ мѣсто предсѣдателя и сказалъ: «начинай». Бибиковъ читалъ по параграфамъ; послѣ каждаго государь говорилъ: «я согласенъ». Такъ прошелъ весь проектъ. Государь приказалъ сейчасъ же составить протоколъ и подписалъ его.

Вдругъ среди всеобщаго молчанія послышался смѣхъ.

— Чему смѣетесь?—спросилъ государь.

Молчаніе.

— Говорите!

Опять молчатъ.

— Вѣрно, что-нибудь выдумалъ князь Меншиковъ?

Оказалось, что послѣ недавно скончавшагося митрополита новый не былъ еще назначенъ, и старики очень интересовались, кто будетъ назначенъ. Съ этимъ вопросомъ они обратились къ Меншикову.

— Графъ Клейнмихель,—отвѣчалъ онъ серьезно.

Послѣдній сидѣлъ противъ Меншикова и покраснѣлъ, а старики разразились смѣхомъ.

— Меншиковъ не исправимъ,—сказалъ государь, улыбаясь.

Надобно знать, что Клейнмихель, воспитанникъ 2-го кадетскаго корпуса, конечно медицины не зналъ, но при безпорядкѣ и упадкѣ наукъ въ медико-хирургической академіи, государь назначилъ Клейнмихеля президентомъ академіи, и онъ поднялъ академію. Вотъ это-то

назначеніе и дало поводъ Меншикову сдѣлать Клейнмихеля—митрополитомъ.

На послѣднія слова государя Меншиковъ въ полголоса сказалъ, но такъ, что слышалъ и государь:

— Я того мнѣнія, что лишь бы издали указъ, а изъ Клейнмихеля вышла бы хорошая фрейлина.

Введеніе Свода законовъ въ краѣ было утверждено, но долго ходило по министерствамъ, задерживалось, сколько можно. Я полагаю, что эта моя мысль и работа много принесла пользы управленію краемъ, но не Бибикову, который искренно вѣрилъ, что законовъ твердыхъ въ Россіи не существуетъ, а что ходатаи по дѣламъ вертятъ законами, какъ хотятъ; увѣрить его въ противномъ было нельзя.

Бибиковъ и жена его были очень скупы. Барыня большаго свѣта, гдѣ не принято заниматься хозяйствомъ, она сама, заказывая обѣдъ, назначала точное количество всякой провизіи и даже число яицъ для всякаго кушанья, но этого никто не зналъ изъ постороннихъ, кромѣ, конечно, меня. Софья Сергѣевна однажды меня удивила, когда, разговаривая наединѣ со мною, она до самой подробности означила базарную цѣну всякой бездѣлицы:говядины, крупы, муки, масла, яицъ и даже цѣну соли. Все это было совершенно вѣрно. Когда я изъявилъ удивленіе, она много смѣялась и говорила, что ее нельзя надуть ни въ чемъ; она ясно и вѣрно означила мнѣ, сколько и чего потребно для каждаго кушанья. Одѣвалась она весьма прилично и въ парадныхъ случаяхъ—богато. На званомъ балѣ можно было видѣть на ней брилліантовъ, жемчуговъ на нѣсколько тысячъ, но была до крайности бережлива; платья, сшитыя пять лѣтъ назадъ, для придворныхъ баловъ, у ней были какъ вчера сшиты. Бибиковъ уважалъ богатство. Въ Кіевѣ былъ чрезвычайно дѣльный губернаторъ Переверзевъ, но былъ бѣденъ. Секретарь канцеляріи графа Воронцова, коллежскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Фундуклей былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Житоміръ. Лишь только Бибиковъ узналъ, что Фундуклей очень богатъ, сейчасъ же предложилъ ему губернаторство въ Кіевѣ. Отецъ его грекъ, былъ цѣловальникомъ въ Елисаветградѣ и потомъ откупщикомъ въ Херсонской губерніи. Это былъ громадной толстоты человѣкъ, добрякъ, хлѣбосолъ, но никогда не обѣдалъ съ гостями, а ѣлъ простую пищу цѣловальника. Въ кабинетѣ его, на видномъ мѣстѣ висѣли: красная рубаха, пестрые портки, поддевка и простой зипунъ съ дегтярными сапогами, шапка и рукавицы крестьянскія. Старикъ не стыдился прежней своей одежды и, показывая всѣмъ, говорилъ: «не должно забывать, чѣмъ человѣкъ рожденъ и чѣмъ былъ». Старикъ завѣщаніемъ приказалъ платить подати за мѣщанъ Елисаветграда, а сынъ оставилъ неприкосновеннымъ домъ и одежду старика.

Иванъ Ивановичъ Фундуклей [1]) остался холостымъ, былъ немножко выше меня ростомъ, брюнетъ, круглолицый, въ лицѣ его было что-то женское, старушечье, но крѣпкаго сложенія и даже весьма мускулистъ. Онъ былъ некрасивъ, но имѣлъ до крайности привлекающее добротою лицо. Фундуклей не имѣлъ дара слова, былъ крайне молчаливъ, очень уменъ и обладалъ необыкновенною силою. Разъ, подъ Липовцемъ загрязла его коляска—ничего не могли сдѣлать, бились, бились, и хотѣли ѣхать въ селеніе за волами и людьми. Иванъ Ивановичъ спросилъ, въ чемъ дѣло? Ему сказали, что хоть бы одно переднее колесо выручить изъ ямы. Фундуклей взялся рукою за конецъ оси и высвободилъ коляску—всѣ изумились. Онъ былъ отличный стрѣлокъ, и никто не слыхалъ, чтобы Фундуклей игралъ на фортепіано, а знали только, что ему постоянно приходили ноты по почтѣ. Раза два ночью, съ улицы, слышалъ я его замѣчательную игру. Иванъ Ивановичъ говорилъ, кажется, на всѣхъ языкахъ Европы, но никто не могъ заставить его говорить ни на какомъ кромѣ русскаго, и только съ иностранцами онъ объяснялся на ихъ родномъ языкѣ. Отличный знатокъ живописи и обладатель замѣчательныхъ картинъ, Иванъ Ивановичъ никогда не говорилъ объ искусствѣ. Онъ много дѣлалъ добра, много помогалъ бѣднымъ, но какъ-то такъ, что это было не замѣтно. Бибиковъ давалъ по 3 коп. съ шумомъ, съ эффектомъ, а Фундуклей, казалось, никому не давалъ, но я самъ разъ видѣлъ, какъ къ нему пришла бѣдная благородная вдова, старушка, и показала ему требованіе уплатить 300 руб. долгу. Фундуклей, проходя мимо, сунулъ ей въ руку 300 р., и никто этого не замѣтилъ кромѣ меня, а старушка приняла ихъ безъ удивленія, должно быть, не въ первый разъ.

Губернаторскій домъ былъ безъ мебели и не опрятенъ, Фундуклей на свой счетъ поправилъ домъ, съ дозволенія министра финансовъ, безъ пошлины выписалъ превосходную мебель изъ Парижа и подарилъ городу. Онъ все дѣлалъ какъ-то незамѣтно, не заискивалъ въ Бибиковѣ, ни разу не унизился, какъ губернаторъ, даже отстаивалъ твердо свои права противъ капризовъ генералъ-губернатора, но все это такъ тихо, ровно, безъ волненія.

Обязанный въ высокоторжественные дни давать обѣды или балы, которые обходились до 500 руб., Бибиковъ дня за два до праздника, самъ или чрезъ меня, упроситъ Фундуклея дать вмѣсто него обѣдъ или балъ, и Фундуклей, усердно нюхая табакъ, отвѣчаетъ: хорошо-съ. Даетъ прекрасный обѣдъ или балъ, при чемъ въ уборной дамамъ предоставлялись перчатки, башмаки, духи и проч. Всѣ смотрятъ на Ивана Ивановича, какъ на гостя, забываютъ, что онъ хозяинъ, а балъ ожи-

[1]) Впослѣдствіи былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

вленъ и веселъ. Такимъ образомъ, Фундуклей дарилъ Бибикову нѣсколько тысячъ въ годъ. Жалованье свое Иванъ Ивановичъ отдавалъ на канцелярію, а правителю ея платилъ 12 тысячъ руб. въ годъ, и тотъ не бралъ взятокъ. У Фундуклея въ канцеляріи завѣдывалъ полицейскою частію и паспортами весьма способный чиновникъ Поповъ. Это былъ крошечный человѣчекъ, совершенно плѣшивый, съ загнутымъ къ верху носомъ, но умный и способный, мы прозвали его—Сократомъ. Этотъ Сократъ началъ строить большой каменный домъ и уже подвелъ подъ крышу. Вдругъ оказывается, что у Сократа недостатокъ казенныхъ денегъ 20 тысячъ. Фундуклей, зная, что Поповъ не пьетъ, не играетъ, спросилъ: гдѣ деньги? Сократъ признался, что онъ выстроилъ на нихъ домъ, надѣясь выручить болѣе и пополнить. Фундуклей призналъ только поступокъ неосторожнымъ, внесъ за Попова деньги, оставилъ его на службѣ, а домъ взялъ себѣ. Этотъ домъ Иванъ Ивановичъ достроилъ и пожертвовалъ его для женской Фундуклеевской гимназіи.

Скажу еще нѣсколько словъ о домашней жизни Бибиковыхъ. У Бибиковой былъ пріемный день—среда отъ 12 до двухъ часовъ; барыни съѣзжались парадно, принимались чинно—настоящій придворный этикетъ; сама Бибикова сдѣлала по одному только визиту, но ни у кого не бывала запросто. По четвергамъ были у Бибиковой танцовальные вечера по приглашенію, тутъ она была просто по-домашнему одѣта, ужиновъ не давали. Но когда бывалъ балъ въ торжественные дни, тогда Софья Сергѣевна нарядами своими и, можно сказать, наружностію—затмевала всѣхъ дамъ. Когда давались балы обществами дворянъ или купцовъ, или рѣдко частными людьми, Бибикова всегда одѣвалась весьма парадно; она была кавалерственная дама.